

P. o. germ. ~~4285^h~~ Schiller

1274

DONUM
LUDOVICI II.

AUGUSTISSIMI
BAVARIÆ REGIS.

<36629144690013

<36629144690013

Bayer. Staatsbibliothek

Op: 38^e

ШИЛЛЕРЪ

ШИЛЕРЪ

PRINTED BY J. B. COOPER

NEW YORK

1852

NEW YORK

1852

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

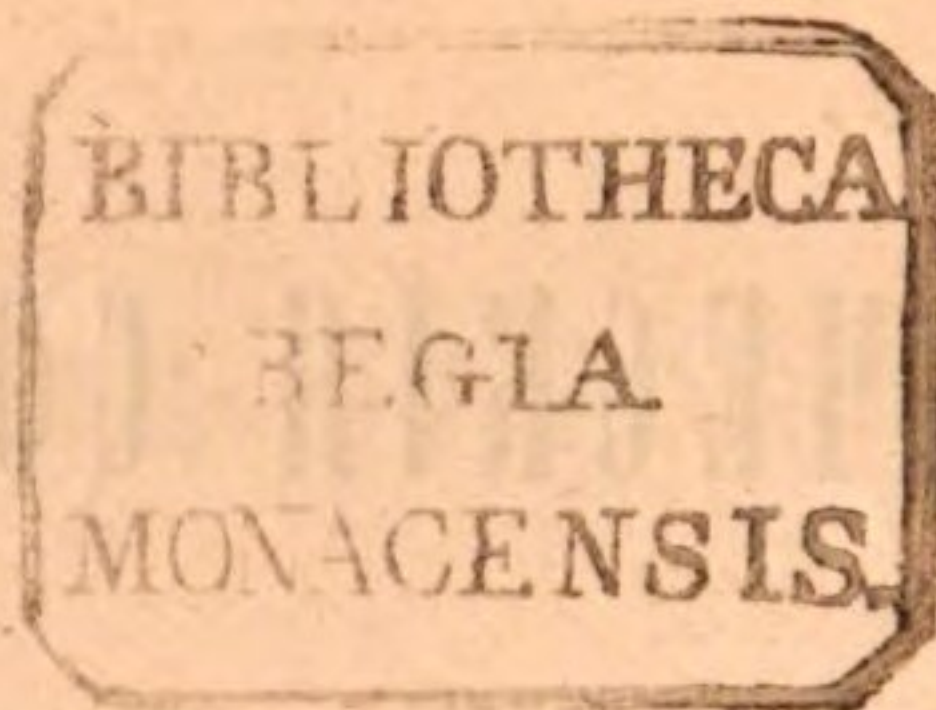
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

—
VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859

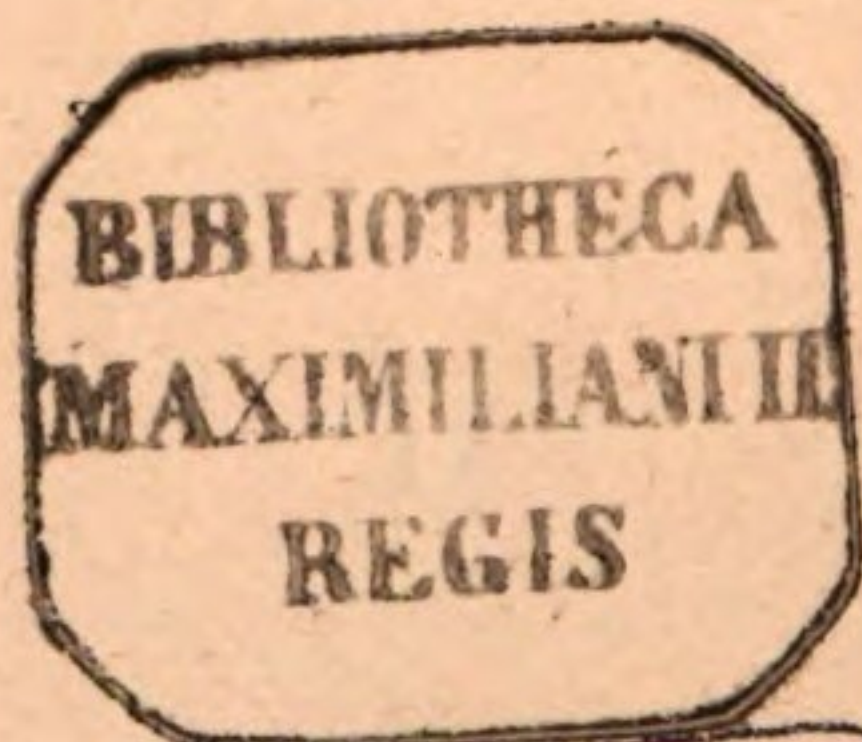

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 22 Января 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Трилогія Шиллера «Валленштейнъ», состоящая изъ «Пролога», одно-актнаго драматическаго представленія «Лагерь Валленштейна» и двухъ пяти-актныхъ трагедій «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна», предлагаемая нынѣ вниманію нашихъ читателей въ новыхъ переводахъ Л. А. Мея и В. А. Лялина и старомъ А. А. Шишкова 2-го, уже извѣстна русской читающей публикѣ по переводамъ С. П. Шевырева и покойнаго Шишкова, за исключеніемъ «Пролога», который до сихъ поръ не былъ переводимъ на русскій языкъ и является здѣсь въ первый разъ. Вотъ списокъ прежнихъ переводовъ этихъ піесъ:

I.

1. Валленштейновъ Лагерь. *Сочиненіе Шиллера. Переводъ въ стихахъ С. Шевырева. Москва. 1859.*

Переводъ этотъ сдѣланъ еще въ 1827 году, и два отрывка изъ него помѣщены были въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1828 годъ, ч. VII, стр. 137 и ч. IX, стр. 341.

Кромѣ того есть еще отрывокъ изъ этой піэсы:

2. Военная пѣснь въ Валленштейновомъ Лагерѣ. Переводъ А. Глинки. («Библиотека для Чтенія», 1834, т. II, отд. I, стр. 107).

II.

1. Пикколомини. *Драматическая поэма Шиллера*. Переводъ А. Шишкова 2-го. («Избранный Нѣмецкій Театръ», 1831, т. I, стр. 3).

Кромѣ названнаго мною полного перевода «Пикколомини», мы имѣемъ еще четыре отрывка изъ этой трагедіи (не считая отрывка, помѣщеннаго Шишковымъ, до напечатанія полного своего перевода, во II части «Атеней» за 1830 годъ), въ переводахъ С. Шевырева и неизвѣстнаго. Вотъ они:

2. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи: «Пикколомини»* (девятое явленіе третьяго дѣйствія). Переводъ С. Шевырева. («Московскій Вѣстникъ», 1830, ч. I, стр. 334).
3. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи: «Пикколомини»* (первыя три явленія пятаго дѣйствія). Переводъ С. Шевырева. («Московскій Вѣстникъ», 1830, ч. II, стр. 95).
4. *Сцена изъ Шиллеровой трагедіи: «Пикколомини»*. Имени переводчика не означено. («Эхо, альманахъ на 1830 годъ», стр. 227).

5. *Сцена изъ перваго дѣйствія «Пикколомини»*. Переводъ *С. Шевырева*. («Денница на 1834 годъ», стр. 207).

III.

1. *СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА. Трагедія Шиллера*. Переводъ *А. Шишкова*. («Избранный Нѣмецкій Театръ», 1831, т. I. стр. 125).

Кромѣ того мы имѣемъ еще два отрывка изъ этой трагедіи, не считая отрывка, напечатаннаго Шишковымъ, до изданія полнаго своего перевода, въ I части «Атеней» за 1830 годъ. Вотъ они:

2. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи: «СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА»* (первыя пять явленій перваго дѣйствія). Переводъ *Н. Н.* («Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. XI, стр. 209 и ч. XII, стр. 6).
3. *Отрывокъ изъ трагедіи Шиллера: «СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА»* (восемьнадцатое явленіе третьяго дѣйствія). Переводъ *Н. Берга* («Москвитянинъ», 1845, ч. VI, № 12, отд. I, стр. 213).

Считаю долгомъ обратить вниманіе читателей на новые переводы («Прологъ», «Лагерь Валленштейна» и «Пикколомини»), помѣщенные въ этомъ томѣ. Замѣчательная добросовѣстность этихъ трудовъ, вмѣстѣ съ прекрасною поэтическою формою, дѣлаютъ ихъ дорогимъ

пріобрѣтеніемъ литературы. «Лагерь Валленштейна», какъ извѣстно, написанъ простонароднымъ разговорнымъ языкомъ, исполненнымъ дикой веселости, прерываемой, по временамъ, грубыми остротами и насмѣшками надъ скитальческимъ образомъ жизни солдата, и потому представлялъ, до сихъ поръ, неодолимая трудности для перевода. Г. Мей преодолѣлъ ихъ блистательно и даже знаменитую рѣчь Капуцина, наполненную едва-переводимыми каламбурами, передалъ такъ близко, что она производитъ на читателей едва-ль не одинаковое впечатленіе съ подлинникомъ.

Слѣдующія *седьмая и осьмая* части «Шиллера», куда войдутъ трагедіи «Дѣва Орлеанская», «Коварство и Любовь» и «Дмитрій Самозванецъ», романъ «Духовидецъ», драматическій отрывокъ «Мизантропъ», и нѣкоторыя мелкія стихотворенія Шиллера, не вошедшія въ двѣ первыя части моего изданія, въ переводахъ Б. Н. Алмазова, В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербеля, А. А. Григорьева, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, О. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ, выйдутъ въ теченіе нынѣшняго лѣта.

Н. Гербель.

4-го Мая 1859 года.

С. Петербургъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

ПРОЛОГЪ

драматическая поэма

Варшавъ 1844

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

пріобрѣтеніемъ литературы. «Лагерь Валленштейна», какъ извѣстно, написанъ простонароднымъ разговорнымъ языкомъ, исполненнымъ дикой веселости, прерываемой, по временамъ, грубыми остротами и насмѣшками надъ скитальческимъ образомъ жизни солдата, и потому представлялъ, до сихъ поръ, неодолимыя трудности для перевода. Г. Мей преодолѣлъ ихъ блистательно и даже знаменитую рѣчь Капуцина, наполненную едва-переводимыми каламбурами, передалъ такъ близко, что она производитъ на читателей едва-ль не одинаковое впечатленіе съ подлинникомъ.

Слѣдующія *седьмая* и *осьмая* части «Шиллера», куда войдутъ трагедіи «Дѣва Орлеанская», «Коварство и Любовь» и «Дмитрій Самозванецъ», романъ «Духовидецъ», драматическій отрывокъ «Мизантропъ», и нѣкоторыя мелкія стихотворенія Шиллера, не вошедшія въ двѣ первыя части моего изданія, въ переводахъ Б. Н. Алмазова, В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербеля, А. А. Григорьева, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, Ѳ. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ, выйдутъ въ теченіе нынѣшняго лѣта.

Н. Гербель.

4-го Мая 1859 года.

С. Петербургъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

ПРОЛОГЪ
драматическая поэма

Переводъ Л. М. Мей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГЪ

Переводъ Льва Мея

ПРОЛОГ

Персонажи

Прологъ.

Произнесенъ при возобновленіи и открытіи Веймарскаго театра, въ октябрь 1798 года.

Шутливой маски важная игра,
Къ которой мы и взоръ и слухъ и сердце
Такъ часто и охотно приклоняли,
Вновь въ этомъ залѣ насъ соединяетъ...
И вотъ — старинный залъ помолодѣлъ:
Его во храмъ искусство превратило,
И слышится намъ голосъ благозвучный
За благородной этой колоннадой, —
И вновь въ душѣ — торжественныя чувства.

А между тѣмъ не разъ помость старинный
Былъ колыбелью юношескихъ силъ
И поприщемъ возросшаго таланта.
Мы тѣ-же все, которые когда-то
Такъ ревностно предъ вами развивались.
На этомъ мѣстѣ пламенный художникъ
Переносилъ васъ творчествомъ своимъ

Въ обитель лучезарную искусства.
О, если-бы величье новой сцены
Достойнѣйшихъ въ среду насъ привлекло,
И столько лѣтъ лелѣянной надежды
Исполнилась завѣтная мечта!
Въ душѣ высокой образецъ высокій
Соревнованье долженъ пробудить
И творчеству дать высшіе законы.
Да будетъ-же возникшій вновь театръ
Свидѣтелемъ созрѣвшаго таланта!
И гдѣ-же можно испытать такъ силы,
Помолодить маститый обликъ славы,
Какъ не предъ кругомъ зрителей избраннымъ?
На первый-же волшебный зовъ искусства,
Они летучей мыслию и чувствомъ
Уловятъ образъ мимолетный духа.

Да! скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользить искусство пламенное мима:
А образцы рѣзца и пѣснь поэта
Тысячелѣтья могутъ пережить.
Да! обаянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ
И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
И вѣковѣчной славы за собою —
Мгновенное созданье — не оставить.
Искусство мима строго, но потомство
Не для него сплететъ вѣнокъ лавровый:
За тѣмъ-то онъ скупится настоящимъ
И жадно каждымъ мигомъ дорожить,
Чтобъ имъ зажечь, въ сіяніи и блескѣ,
Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
Себѣ поставить памятникъ при жизни,

И слить безсмертье съ именемъ своимъ:
Кто лучшимъ современникамъ приносить
Благоую пользу — не умереть во вѣки.

Теперь, когда для Таліи настала
На этой сценѣ новая эпоха,
Становится смѣлѣе стихотворецъ:
Онъ покидаетъ наторѣнный путь —
И васъ, за тѣсный кругъ мѣщанской жизни,
Выводить на позорище иное,
Достойное великаго момента
Намъ современной и тревожной жизни.
Великаго: потрясть основы міра
Могли одни великія событья.
Какъ тѣсный кругъ тѣснить мысль человѣка,
Такъ эта-жъ мысль растетъ съ высокой цѣлью.

Такъ и теперь, на самомъ склонѣ вѣка,
Когда вся жизнь — поэзія, когда
Кипитъ борьба межъ ярыми бойцами,
И все стремится къ неуклонной цѣли,
И подняты великіе вопросы
О власти самобытной и свободѣ, —
Такъ и теперь, подъ сѣнію театра,
Искусство выше воспарить должно,
Не устыдясь житейской сцены всеу.

Мы видимъ — распадается во-прахъ
Та старая, устойчивая форма,
Что, полтора ста лѣтъ тому, Европѣ
Миръ благодатный далъ, — та форма,
Безцѣнный плодъ войны тридцатилѣтней.

Но васъ опять фантазія поэта
Въ ту мрачную эпоху переносить —
И веселѣй глядѣть на наше время,
И свѣтитъ мнѣ надежды лучъ въ грядущемъ.

Война въ разгарѣ. Въ самый пылъ васъ вводитъ
Пѣвецъ. Шестнадцать лѣтъ опустошенья,
Разбоя и невзгоды пронеслися;
Міръ все еще бурливой массой бродитъ, —
И не блеситъ надежды лучъ вдали;
Все царство обратилось въ поле битвы;
Всѣ города и сѣла запустѣли;
Лѣгъ грудой щебня Магдебургъ; торговля,
Промышленность — о нихъ нѣтъ и помину;
Вездѣ и все — солдатъ, а горожанинъ —
Ничто; и безнаказанная наглость
Надъ правами безстыдно поругалась;
И шайки, одичалыя въ войнѣ,
Разбили станъ въ странѣ опустошенной.

На этомъ мрачномъ и кровавомъ полѣ
Выходитъ ярко горделивый образъ —
Съ неукротимымъ нравомъ челоуѣкъ.
Вы знаете творца отважныхъ шаякъ,
Кумира ихъ, бича страны, опору
Для цесаря, страшилище его
И перваго любимца — полководца.
Онъ, счастья баловень, достигнулъ быстро
Всѣхъ почестей, но все стремился дальше —
И палъ безумной жертвой честолюбія.
Духъ партій, благосклонность и вражда,
Какъ историческій характеръ, намъ не ясно

Представили его: теперь искусство
Должно его приблизить къ вашимъ взорамъ —
И къ сердцу. Находя всему предѣлы
И связь, искусство все наружное опять
Приводить въ первый прирожденный образъ:
Оно слѣдитъ за человѣкомъ въ жизни
И многія вины его относитъ
Къ вліянію несчастливыхъ созвѣздій.

Не онъ сегодня появиться долженъ
На сценѣ. Но средь шаякъ удалыхъ,
Ему покорныхъ, имъ одушевленныхъ,
Предстанетъ передъ вами тѣнь его,
Покаместъ муза робкая рѣшится
Облечь его въ живую плоть и тѣло:
За тѣмъ, что власть ему прельстила сердце,
А *лазерь* будетъ только обличитель
Его выкомѣрнаго проступка.

Простите-же поэту, если онъ
Не поведетъ теперь васъ прямо къ цѣли,
А развернуть посмѣетъ передъ вами
Лишь рядъ картинъ великаго событія.
Пусть это представленіе успѣшно
Преклонитъ слухъ вашъ къ необычнымъ звукамъ.
Современемъ я скоро васъ опять
На дикую, воинственную сцену,
На мѣсто дѣйствій нашего героя
Перенесу.

Но если-бы сегодня
Богиня пѣнія и пляски, муза,

По старому германскому закону,
Потребовала риѣмы — ничего!
Благодаря ей, мрачный обликъ правды
Въ обители искусства озаренъ
И измѣнился, но подлогъ невинный
Исчезнетъ самъ собою, а сіянье
Горить затѣмъ, что не горѣть не можетъ:
Жизнь сумрачна, но свѣтъ искусства ясенъ.

ЛАГЕРЬ ВАЛЕНШТЕЙНА

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Переводъ Льва Мея

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВАХМИСТРЪ, {
ТРУБАЧЪ, { изъ карабинернаго полка Терцкаго.

КОНСТАБЛЬ.

СТРѢЛКИ.

ДВА КОННЫЕ ЕГЕРЯ ГОЛЬКА.

ДРАГУНЫ БУТТЛЕРА.

ПИЩАЛЬНИКИ ИЗЪ ПОЛКА ТИФЕНБАХА.

КИРАСИРЪ ВАЛЛОНСКАГО ПОЛКА.

КИРАСИРЪ ЛОМБАРДСКАГО ПОЛКА.

КРОАТЫ.

УЛАНЫ.

РЕКРУТЪ.

ГОРОЖАНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

ПАРЕНЬ, ЕГО СЫНЪ.

КАПУЦИНЪ.

УЧИТЕЛЬ СОЛДАТСКОЙ ШКОЛЫ.

МАРКИТАНТКА.

СЛУЖАНКА.

СОЛДАТЕНКИ.

ГОВОИСТЫ.

ДѢЙСТВІЕ — ПЕРЕДЪ ГОРОДОМЪ ПИЛЬЗЕНОМЪ, ВЪ БОГЕМІИ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Маркитантская палатка и передъ ней мелочная и ветошная лавочки. У входа тѣснятся солдаты разныхъ мундировъ и знаменъ; всѣ столы заняты. Кроаты и Уланы что-то варятъ на жаровнѣ. Маркитантка наливаетъ вино. Солдатенки играютъ въ кости на барабанѣ. Въ палаткѣ слышны пѣсни.

КРЕСТЬЯНИНЪ и его Сынъ.

ПАРЕНЬ.

Батъка, смотри — не случилось бы худа:
Видишь — ихъ сколько! — Уйти бы отсюда.
Къ этимъ ходить неповадно и въ гости:
Какъ-бы они не помяли намъ кости!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Э, ничего! Не съѣдятъ... А солдату
Надо-жь гульнуть на наемную плату.
Видишь-ли, все собрались новички —
Прямо съ Заалы, да съ Майны полки:
Чай понаграбили вдоволь, злодѣи!
Только бы дѣло повесть по-умнѣе,

Все будетъ наше. Парнюга, смотри —
Съ этимъ народомъ хитри, да хитри!
Ротный — зарѣзали бѣднаго черти —
Пару костей подарилъ мнѣ при смерти:
Ну, ужъ и кости! — какъ хочешь ихъ кинь,
Деньги бери со стола — и аминь!
Знаешь, прикинуться, парень, намъ надо:
А ужъ какое солдатикъ нашъ чадо —
Дѣло извѣстное: только польсти —
И, какъ угодно, его оплети.
Пусть нашу брагу онъ цѣдитъ ковшами,
Всю перечерпаемъ ложками сами;
Пусть онъ и рубить, и колетъ съ плеча —
Хитрость крестьянину вмѣсто меча.

(Въ палаткѣ пѣсни и хохотъ.)

Экъ разшумѣлися! — видно въ охотку!
Если бѣ попались — заткнулъ бы имъ глотку.
Тѣшатся съ нашего все-же добра.
Не сбережешь ни кола ни двора:
Какъ побываютъ любезные гости
Въ цѣломъ селѣ не найдешь ни пера —
Хоть голодай, хоть гложи себѣ кости.
И при Саксонцѣ — нельзя не сказать —
Было не лише, — а эти-то псарни
Надо имперскими, вишь, величать....

П А Р Е Н Ъ .

Батка! вонъ двое идутъ изъ поварни:
Кажется, съ этихъ ужъ нечего взять?

К Р Е С Т Ъ Я Н И Н Ъ .

Нечего! Это, голубчикъ, не Нѣмцы, —
Просто и напросто, видишь, — Богемцы,
Карабинеры у Терцкаго... Ой!

Вотъ — такъ на славу пришли на постоя!
Вотъ-такъ ужъ сказано: дикіе звѣри
Сѣли — себѣ на теплѣ и кварталѣ,
Да ужъ и рюмка-то станетъ коломъ
Ежели выпить пришлось съ мужикомъ.
Къ чорту ихъ!... Сказано: всѣ однопольцы,
Стало-быть, всѣ — и стрѣлки, и Тирольтцы.
Вѣрно, хоть руку себѣ отрубить,
Эдакихъ намъ-бы добыть — да добыть:
Пташки веселыя, ну, и болтливы, —
Благо имъ много добра и поживы.

(Входятъ въ палатку.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ВАХМИСТРЪ. ТРУБАЧЪ. УЛАНЪ.

ТРУБАЧЪ.

Что тебѣ, сволочь? Проваливай что ль!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Воинъ честной, молвить слово дозволю.

Крошки не съѣлъ я — вотъ цѣлыя сутки.

ТРУБАЧЪ.

Да, вамъ-бы только что пичкать желудки.

УЛАНЪ

(со стаканомъ).

Ну, коль не завтракалъ, вотъ тебѣ, пѣсь!

(Ведетъ крестьянина въ палатку; прочіе выходятъ на авансцену.)

ВАХМИСТРЪ.

Слушай-ка, братецъ! такой тебѣ спросъ:
Думаешь какъ ты, что даромъ двойное
Выдали намъ на харчи и хмѣльное?

ТРУБАЧЪ.

Выдадутъ даромъ! Не даромъ, когда,
Ѣдетъ сама Герцогиня сюда
Вмѣстѣ съ сіятельной дочкой...

ВАХМИСТРЪ.

Едва-ли!

Сказки-то эти мы сами слыхали:
Тутъ Герцогиня твоя ни при чемъ.
Тутъ не ее, а вотъ пришлыя войски
Надобно намъ приголубить по свойски —
Добрымъ глоткомъ, да хорошимъ кускомъ, —
Чтобы не только остались друзьями,
А побратѣлися на-крѣпко съ нами.

ТРУБАЧЪ.

Да... Знать—идти на другія квартиры....

ВАХМИСТРЪ.

Все генералы вѣдь, все командиры...

ТРУБАЧЪ.

Да... Ну, опаснаго очень-то нѣтъ?

ВАХМИСТРЪ.

Нѣту: послалъ Богъ любовь и совѣтъ.

ТРУБАЧЪ.

Что-же слетѣлись-то? Али для смѣны?

ВАХМИСТРЪ.

Шепчутся.... Видно: въ чесоткѣ языкъ...

ТРУБАЧЪ.

Развѣ!

ВАХМИСТРЪ.

А этотъ-то старый изъ Вѣны?
Видно по волосу, что за парикъ!
Коль на груди золотая цѣпочка,
Значить — не даромъ, голубчикъ!... и точка.

ТРУБАЧЪ.

Правда! охотиться, знать, норовять,
Вотъ и послали такую ищейку,
Что хоть и Герцога выслѣдить, братъ!

ВАХМИСТРЪ.

Выслѣдить, если узнаетъ лазейку...
Намъ-то нѣтъ вѣры; Фридландецъ-то имъ
Кажется только не чортомъ самимъ —
Выросъ — такъ видишь-ли: дай опрокинемъ!

ТРУБАЧЪ.

Какъ-же! А мы его нѣшто покинемъ?
Нѣшто не всѣ мы ему не рука?

ВАХМИСТРЪ.

Полкъ нашъ, и прочихъ четыре полка
Терцкій управить — онъ Герцогу шуринъ,
Ну и полки — ни который не дурень;
Да и подъ каждымъ мундиромъ сердца
Бьются за Герцога, что за отца:
Только-бы выбралъ, да далъ бы намъ ходу, —
Всѣ за него, и въ огонь мы, и въ воду!

Все будетъ наше. Парнюга, смотри —
Съ этимъ народомъ хитри, да хитри!
Ротный — зарѣзали бѣднаго черти —
Пару костей подарилъ мнѣ при смерти:
Ну, ужъ и кости! — какъ хочешь ихъ кинь,
Деньги бери со стола — и аминь!
Знаешь, прикинуться, парень, намъ надо:
А ужъ какое солдатикъ нашъ чадо —
Дѣло извѣстное: только польсти —
И, какъ угодно, его оплети.
Пусть нашу брагу онъ цѣдитъ ковшами,
Всю перечерпаемъ ложками сами;
Пусть онъ и рубить, и колетъ съ плеча —
Хитрость крестьянину вмѣсто меча.

(Въ палаткѣ пѣсни и хохотъ.)

Экъ разшумѣлися! — видно въ охотку!
Если бѣ попались — заткнулъ бы имъ глотку.
Тѣшатся съ нашего все-же добра.
Не сбережешь ни кола ни двора:
Какъ побываютъ любезные гости
Въ цѣломъ селѣ не найдешь ни пера —
Хоть голодай, хоть гложи себѣ кости.
И при Саксонцѣ — нельзя не сказать —
Было не лише, — а эти-то псарни
Надо имперскими, вишь, величать....

П А Р Е Н Ъ .

Батъка! вонъ двое идутъ изъ поварни:
Кажется, съ этихъ ужъ нечего взять?

К Р Е С Т Ъ Я Н И Н Ъ .

Нечего! Это, голубчикъ, не Нѣмцы, —
Просто и напросто, видишь, — Богемцы,
Карабинеры у Терцкаго... Ой!

Вотъ — такъ на славу пришли на постоя!
Вотъ-такъ ужъ сказано: дикіе звѣри
Сѣли — себѣ на теплѣ и кварталѣ,
Да ужъ и рюмка-то станетъ коломъ
Ежели выпить пришлось съ мужикомъ.
Къ чорту ихъ!... Сказано: всѣ однопольцы,
Стало-быть, всѣ — и стрѣлки, и Тирольцы.
Вѣрно, хоть руку себѣ отрубить,
Эдакихъ намъ-бы добыть — да добыть:
Пташки веселыя, ну, и болтливы, —
Благо имъ много добра и поживы.

(Входятъ въ палатку.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ВАХМИСТРЪ. ТРУБАЧЪ. УЛАНЪ.

ТРУБАЧЪ.

Чтò тебѣ, сволочь? Проваливай что ль!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Воинъ честной, молвить слово дозволю.

Крошки не съѣлъ я — вотъ цѣлыя сутки.

ТРУБАЧЪ.

Да, вамъ-бы только что пичкать желудки.

УЛАНЪ

(со стаканомъ).

Ну, коль не завтракалъ, вотъ тебѣ, пѣсь!

(Ведетъ крестьянина въ палатку; прочіе выходятъ на авансцену.)

ВАХМИСТРЪ.

Слушай-ка, братецъ! такой тебѣ спрось:
Думаешь какъ ты, что даромъ *двойное*
Выдали намъ на харчи и хмѣльное?

ТРУБАЧЪ.

Выдадутъ даромъ! Не даромъ, когда,
Бдетъ сама Герцогиня сюда
Вмѣстѣ съ сіятельной дочкой...

ВАХМИСТРЪ.

Едва-ли!

Сказки-то эти мы сами слыхали:
Тутъ Герцогиня твоя ни при чемъ.
Тутъ не ее, а вотъ пришлыя войски
Надобно намъ приголубить по свойски —
Добрымъ глоткомъ, да хорошимъ кускомъ, —
Чтобы не только остались друзьями,
А побратались на-крѣпко съ нами.

ТРУБАЧЪ.

Да... Знать—идти на другія квартиры....

ВАХМИСТРЪ.

Все генералы вѣдь, все командиры...

ТРУБАЧЪ.

Да... Ну, опаснаго очень-то нѣтъ?

ВАХМИСТРЪ.

Нѣту: послалъ Богъ любовь и совѣтъ.

ТРУБАЧЪ.

Что-же слетѣлись-то? Али для смѣны?

ВАХМИСТРЪ.

Шепчутся.... Видно: въ чесоткѣ языкъ...

ТРУБАЧЪ.

Развѣ!

ВАХМИСТРЪ.

А этотъ-то старый изъ Вѣны?
Видно по волосу, что за парикъ!
Коль на груди золотая цѣпочка,
Значить — не даромъ, голубчикъ!... и точка.

ТРУБАЧЪ.

Правда! охотиться, знать, норовятъ,
Вотъ и послали такую ищейку,
Что хоть и Герцога выслѣдить, братъ!

ВАХМИСТРЪ.

Выслѣдить, если узнаетъ лазейку...
Намъ-то нѣтъ вѣры; Фридландецъ-то имъ
Кажется только не чортомъ самимъ —
Выросъ — такъ видишь-ли: дай опрокинемъ!

ТРУБАЧЪ.

Какъ-же! А мы его нѣшто покинемъ?
Нѣшто не всѣ мы ему не рука?

ВАХМИСТРЪ.

Полкъ нашъ, и прочихъ четыре полка
Терцкій управить — онъ Герцогу шуринъ,
Ну и полки — ни который не дурень;
Да и подъ каждымъ мундиромъ сердца
Бьются за Герцога, что за отца:
Только-бы выбралъ, да далъ бы намъ ходу, —
Всѣ за него, и въ огонь мы, и въ воду!

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

КРОАТЪ съ ожерельемъ, за нимъ СТРѢЛОКЪ.

ПРЕЖНІЕ.

СТРѢЛОКЪ.

Гдѣ ожерелье подтибрилъ, Кроатъ?
Вотъ-такъ находка! Послушай-ка, братъ,
Развѣ съ тобой помѣняться мнѣ, что ли?
Хочешь, возьми за него терцероли:
Цѣлую пару, голубчикъ бери.

КРОАТЪ.

Нѣтъ, братъ, надуешь.

СТРѢЛОКЪ.

Хитри ты, хитри!

Мало? Такъ трону тебя я за струнку:
Вотъ посмотри-ка колпакъ-то какой?
Синій, дворянскій: достался въ фортунку.

КРОАТЪ

(играетъ ожерельемъ на солнцѣ).

Ну, да и мой-то товаръ не простой:
Купимъ, такъ будемъ съ тобою богаты:
Это вѣдь жемчугъ, а это гранаты —
И настоящія: видишь ли—какъ
Блещутъ на солнцѣ?

СТРѢЛОКЪ

(беретъ ожерелье).

Ты — просто дуракъ!

Вотъ тебѣ, только ужь такъ, для подарку,
Дамъ я, пожалуй, походную чарку:

(Глядитъ на ожерелье.)

Такъ-только — будто игра не дурна...

ТРУБАЧЪ.

Правда, что дѣло мое сторона,
А надуваетъ, голубчикъ, Кроата...
Чуръ — пополамъ, такъ, пожалуй, смолчу.

КРОАТЪ

(надѣлъ колпакъ).

Точно: колпакъ твой съ дворянчика-хвата —
Я потому и купить-то хочу.

СТРѢЛОКЪ

(киваетъ трубачу).

Стало быть, мы помѣнялись съ тобою —
Будьте свидѣтелями всѣ, господа!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Констабль.

КОНСТАБЛЬ

(подходитъ къ вахмистру).

Какъ поживается карабинерамъ?
Долго-ли эдакимъ, братцы, манеромъ
Около печекъ-то руки намъ грѣть?
Вѣдь непріятелю скучно сидѣть!

ВАХМИСТРЪ.

Скучно? Зудятъ у него, видно, ноги;
Только, голубчикъ, не сыщеть дороги.

КОНСТАБЛЬ.

Мнѣ — такъ навѣрно ее не сыскать!
А вотъ на мѣстѣ пришлось узнать,
Что Регенсбургъ удался имъ взять.

ТРУБАЧЪ.

Что-же, что взяли! Назадъ мы отнимемъ.

ВАХМИСТРЪ.

Да и съ Баварцемъ умкомъ пораскинемъ,
Какъ онъ на Князя не злись! Ничего!

КОНСТАБЛЬ.

Будто-бы? Знать — не слыхали всего.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. Двое ЕГЕРЕЙ. *Потомъ* МАРКИТАНТ-
КА. СОЛДАТЕНКИ. ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. СЛУ-
ЖАНКА.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ-такъ компанія! Вотъ — удалая!

ТРУБАЧЪ.

Что за плащи?... знать не сволочь какая?

ВАХМИСТРЪ.

Гольковцы: слово ты молвилъ не зря —
Всѣ на подборъ, какъ одинъ, егеря.

МАРКИТАНТКА

(входитъ и приноситъ вино).

Здравствуйте! Съ праздникомъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ-такъ находка:

Изъ Близевица попалась красотка!

МАРКИТАНТКА.

Прямо отъ туда... Здорово, мусье,
Петеръ въ двѣ сажени, изъ Ицейо!

Какъ ты, припомни-ка, чуть не сорочку
Пропилъ въ Глюкштадтѣ, въ веселую ночку,
Съ нашимъ полкомъ?...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Видно знаетъ сноровку —
Какъ на перо мы мѣняемъ винтовку?

МАРКИТАНТКА.

Охъ! вѣдь мы изъ-стари съ нимъ знакомы.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ и сошлись въ Богеміи мы.

МАРКИТАНТКА.

Точно: въ Богеміи нынче сошлись,
Только вотъ завтра-то гдѣ, шуринокъ,
Гдѣ-бы сойдтися? Война, что потокъ:
Мчитъ тебя вдаль, и, какъ знаешь, держися...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вѣрю: понятно само по себѣ.

МАРКИТАНТКА.

Вѣришь? — такъ слушай — скажу я тебѣ:
Отъ Тамесвара пришла я съ обозомъ.
Тамъ мы травили Мансфельдера.... Да,
Такъ-то травили, что просто бѣда!
Ну, не повѣрила я и угрозамъ:
Вмѣстѣ съ Фридландцемъ я въ Штральзундъ пошла —
И обообрали голубку до тла!
Въ Мантуѣ вмѣстѣ съ резервомъ жила
И воротилася, съ Феріей рядомъ,
Вмѣстѣ съ помощнымъ испанскимъ отрядомъ.
Вотъ и пришла маркитанткой я въ Гентъ,
А изъ него въ эти страны: быть можетъ,
Здѣсь получу за долги хоть процентъ,

Ежели добрый нашъ Герцогъ поможетъ.
Вишь, маркитантскую ставку разбила...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Такъ-то все такъ! Что тужить о грошѣ!
Ты — вотъ мнѣ лучше скажи по душѣ —
Гдѣ твой Шотландецъ?

МАРКИТАНТКА.

А ну его къ чорту!
Просто мошенникъ былъ перваго сорту.

СОЛДАТЕНОКЪ

(вбѣгаетъ въ припрыжку).

Мама! да ты про кого такъ? Про тятю?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ну, этихъ Цесарь кормить не усталъ:
Войско ему годъ отъ года нужнѣе.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

(входитъ).

Эй, ребятишки! маршъ въ школу скорѣе!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Тоже вѣдь знаютъ, что тѣсенъ ихъ классъ.

СЛУЖАНКА

(входитъ).

Тетушка, гости уходятъ.

МАРКИТАНТКА.

Сей часъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Это какая такая плутовка?

МАРКИТАНТКА.

Это племянница.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ай-да головка!

Будь я ей дядей?!..

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ
(удерживая дѣвушку).

Куда ты? Аль тутъ

Скучно?

СЛУЖАНКА.

Не скучно, да гости-то ждутъ.

(Вывернулася и ушла.)

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да!... На охотника эта красотка!

Только-бъ поспорила прежде съ ней тетка...

Всѣ передрались въ полку за нее.

Ну, не такое и было житье:

Нонече развѣ на прежде похоже?

Нонече развѣ, какъ прѣжде, все тоже?

Право — не то: да и дни-то летать —

Хочешь — лови, а поймашь наврядъ!

(Вахмистру и трубачу.)

Аль, на здоровье вамъ, вспрыснуть сердечко?

Только дадите-ль намъ, грѣшнымъ, мѣстечко?

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ЕГЕРЯ. ВАХМИСТРЪ. ТРУБАЧЪ.

ВАХМИСТРЪ.

Милости просимъ! Садитесь сюда.

Ждали въ Богемію васъ, господа,

Мы ужъ давненько...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да вамъ ничево!

Вы-бы спросили: вотъ намъ каково?

ТРУБАЧЪ.

Вамъ-то?... Да щёголей эдакихъ мало!

ВАХМИСТРЪ.

Точно, что съ Мейссена, да и съ Заалы —
Вѣсти, покуда, худыя про васъ.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Полноте! Лучше послушайте насъ:
Мы передъ Богомъ и правы, и святы;
Если шалилъ кто, такъ развѣ Кроаты.

ТРУБАЧЪ.

Ой! воротникъ-то у васъ въ кружевахъ,
Да и франтите вы въ знатныхъ штанахъ!
Ну и бѣлье, и перо на беретѣ —
Все это стоитъ вѣдь денегъ на свѣтѣ:
Буршъ будетъ радъ, коли такъ наряди,
А ужъ на насъ, горемыкъ, не гляди.

ВАХМИСТРЪ.

Тряпки-то! Бабамъ ихъ развѣ? А съ нами
Честъ и почетъ, и Фридландское знамя.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Что-жь ты Фридландцемъ-то тычешь насъ зря?
Будто-бы мы не его егеря!

ВАХМИСТРЪ.

Точно: и вы въ косякѣ замѣшались.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Мы-то?... А вы-то что больно зазнались?
Разница только въ мундирахъ — такъ стой:
Въ свой я, пожалуй, уйду съ головой.

ВАХМИСТРЪ.

Вы, господинъ егеръ, въ дѣло не вникли:
Вы къ деревенщинѣ только привыкли, —
Ну, а манеры хорошія, тонъ —

Ихъ надо видѣть въ персонѣ-персонѣ,
То есть, въ фельдмаршалѣ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Экая штука!

Вотъ ужъ наука, такъ точно — наука:
Плюнетъ онъ что-ли, аль высморкнетъ носъ,
Вы за нимъ то-же... Да вотъ вѣдь вопросъ:
Умъ-то его, глубину его взгляда
Вынесъ-ли кто за собой съ вахтпарада?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Чортъ побери! Поспросили-бъ объ насъ,
Такъ и узнали-бы правду какъ разъ —
Скажутъ всѣ въ голосъ вамъ: «у самогò-то
Вотъ-такъ охотники, вотъ-такъ охота!»
Вражье-ли поле, аль нивы друзей —
Слышны повсюду рога егерей!
Мигъ—мы вотъ здѣсь, а другой—нѣтъ и слѣду;
Дальше ищите, гдѣ трубятъ побѣду...
Какъ бы сказать-то?... Да вотъ-какъ, точь въ точь:
Пламя охватить деревню въ полночь;
Спать сторожа; суматоха; задаромъ
Мечется сонный, испуганный людъ:
Гдѣ ему сладить съ лукавымъ пожаромъ!
Такъ-то и мы: жжемъ и тамъ, да и тутъ —
Пламенемъ вспыхнемъ, потопомъ нахлынемъ,
Сзади насъ нѣтъ ни кола ни двора:
Все истребимъ, разоримъ, опрокинемъ,
А потому, что такая пора,
Дѣло военное — пахнетъ добычей.
Тутъ не до жалости, не до приличій:
Каждая дѣвушка — наша сестра,
Ну, и братались... бывала пора!...

Не въ похвальбу... а вы то разумѣйте:
Если въ Вестфалии, или въ Байрейтѣ,
Или въ Фойхтландѣ разспросите вы:
Знаете Гольковцевъ? Что? Каковы?
Лѣтъ черезъ триста — а меньше нисколько —
Можетъ, забудутъ про насъ и про Голька!

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ — оно что! Вамъ бы въ рыло, да въ усь,
Да на разводѣ прикрикнуть въ придачу, —
Вы ужь того... разрѣшили задачу:
Можетъ солдатомъ быть даже хоть трусь,
А что до смѣтки, приглядки, привѣсу —
Нѣтъ вамъ и дѣла!..

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да — ну тебя къ бѣсу!

Что ты поешь мнѣ! По моему, братъ,
Всякая школа — прямая докука,
Воля — кормилица, мать и наука:
Ежели воленъ, такъ вотъ и солдатъ!
Нѣшто за тѣмъ я со школьной-то лавки
Къ вамъ убѣжалъ, чтобъ, какъ мальчикъ, опять
Прѣтъ надъ указкой, читать и писать,
Въ душевой каморкѣ, да въ каторжной давкѣ?
Нѣтъ, извините! Я воли хочу:
Я, на просторѣ, какъ вѣтеръ, лечу
Встрѣчу всего, что и свѣже, и ново,
Въ чемъ я слышалъ законное слово!..
Продалъ я цесарю шкуру за тѣмъ,
Чтобъ не тревожиться мнѣ ужь ни чѣмъ,
Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Скажетъ
Старшій мнѣ слово — истлѣю въ огнѣ,

Кинуся въ бродъ хоть бы въ Рейнъ по веснѣ,
Тамъ, гдѣ не трое, такъ третій ужъ ляжетъ,
Словомъ: и бровью наврядъ шевельну,—
Ну, а конецъ, — не взыщите: гульну!

ВАХМИСТРЪ.

Ну, если только и надобно вамъ,
Милости просимъ подъ крылышко къ намъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ живодерство-то видѣли тоже
Мы при Густавѣ, при Шведѣ... Ахъ, Боже!
Въ пустынь свой станъ обратилъ — почитай:
Съ первой зарею — вставай и читай....
А загуляешь — сейчасъ и нагрянетъ, —
Съ клячи читать поученіе станетъ.

ВАХМИСТРЪ.

Богобоязненный былъ молодецъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Дѣвушка въ лагерѣ — истое чудо,
А заманилъ, такъ веди подъ вѣнецъ...
Вижу я: плохо!.. и драла оттуда!

ВАХМИСТРЪ.

Нынче тамъ иначе все, говорятъ?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ и махнулъ я къ Лигисгамъ-то, братъ!
Только-что, только подъ Магдебургъ сбились.
Тамъ ужъ иная статья подошла,
И покутили мы, повеселились:
Пьешь, да играешь — была не была,
А ненаглядныхъ-то — цѣлое стадо....
Лихо жилось — убей меня Богъ!

Тилли смекаль, какъ командовать надо,
Самъ-то къ себѣ ужь куда онъ былъ строгъ,
А для солдата съ нимъ льгота прямая...
Только его сундуковъ не замай,
А у него поговорка такая:
«Самъ поживай, и другимъ жить давай!»
Эхъ! сорвалось у насъ, ускользнуло
Прежнее счастье, что рыба съ крючка!
Съ самага Лейпцига намъ не рука,
Сунешься — глядь: на рожонъ и наткнуло.
Гдѣ ни покажешься, гдѣ ни стучишь —
Заперто, братецъ, и подъ носъ-те шишь!
Шлялись мы плялись такъ съ мѣста на мѣсто,
Нѣтъ намъ почета нигдѣ и никакъ...
Я поскорѣе съ такого насѣста
Прямо къ Саксонцамъ — и деньги въ кулакъ.

ВАХМИСТРЪ.

Ммъ!... разумѣется: васъ раздражили
Чешской добычей.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Дери ихъ горой!

Просто — пришли на казенный постой...
Насъ дисциплиной въ конецъ заморили:
Замки имперскіе, вишь, карауль,
Честь отдавай, снаряжайся въ патруль...
А на войну, какъ на шутку, бывало,
Смотришь... и сердце-то къ ней не лежало...
Думаешь: право, не лестно и бить —
Гдѣ ужь тутъ чести воинской добыть?
Я — вѣдь, пожалуй, безъ шума - огласки,
Въ школу свою, за перо и указки,

Мигомъ опять-бы вернулся... Да вотъ
Вашъ-то Фридландецъ подъ знамя зоветъ....

ВАХМИСТРЪ.

Ну, и пробудете съ нами вы долго?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Шутите что-ли?... Не знаю я долга?

Вотъ вамъ: покуда начальникомъ онъ,

Не убѣгу я изъ лагеря вонъ...

А потому, что вѣдь нашему брату

Негдѣ такую добыть себѣ плату.

Да и опять-же: здѣсь пахнетъ войной;

Здѣсь у васъ все на широкій покрой;

Всѣ за одно; всѣ — что вихорь, да выюга

Рейтеръ послѣдній — и тотъ головой

Ляжетъ тотчасъ за товарища-друга...

Какъ-же, подумайте, къ вамъ не пристать?

Знаю, какой вы почтенный народецъ!

Знаю, что съ вами начну помыкать

Цѣлымъ мѣщанствомъ, какъ нашъ полководецъ

Герцогствомъ, или тамъ княжествомъ что-ль?

Стало-быть, съ вами: что хочешь — изволь,

Лишь-бы палашъ-то побрякивалъ съ бока...

Правда: дождешься, пожалуй, попрека,

Да вѣдь за что-же?... Особая рѣчь:

Слову начальника ты не перечь;

Что-жь не бывало въ полку запрещѣно

Значить — дозволено... въ время оно...

А ужъ про то и не спросить никто:

Вѣришь-ли ты? почему? и во что?

Служба гласить намъ простыми словами:

«Это вотъ — наше, а это вотъ — нѣтъ!»

Вѣрь въ нихъ, да вѣрь въ полководца и въ знамя.

ВАХМИСТРЪ.

Ай, молодецъ! Что ни слово — привѣтъ:
Словно родился и росъ между нами.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Точно: онъ началъ командовать вамъ
Не по имперскому, не по чинамъ...
Нешто онъ цесарю служить изъ службы?
Развѣ-что-развѣ, пожалуй, изъ дружбы...
И удружилъ-же! Смотри-ка, какой
Цѣлой державѣ сулить онъ покой!
Чѣмъ оградилъ ее? Чѣмъ успокоилъ?
Царство военно въ царствѣ устроилъ.
Жжетъ да громить, ну, и вся не долга:
Станетъ на верхъ, коль не дрогнетъ нога.

ТРУБАЧЪ.

Тише! Мы рѣчи такой не выносимъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вы не выносите? Милости просимъ!
«Слово свободно!» — онъ самъ намъ сказалъ.

ВАХМИСТРЪ.

Точно: не разъ говорилъ Генераль:
«Слово свободно и дѣлу закрѣпа;
Дѣло безъ словъ; послушаніе слѣпо.»
Такъ онъ говаривалъ намъ за всегда.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Онъ-ли, не онъ-ли, а точно — что: да!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Да!.. Къ нему счастье не станетъ спиною:
Онъ — не другой кто; иного покрою...
Тилли — вонъ пережилъ славу свою,
А за Фридланцемъ и горя мнѣ мало:
Ежели онъ полководецъ мой, стало —

Будеть побѣда — на томъ и стою.
Приколдовалъ къ себѣ счастье, сдается...
Кто у него подъ знаменами бьется,
Тотъ завороженъ, того сторожать
Темныя силы: вѣдь всѣ говорятъ,
Что полководецъ нашъ чорта изъ ада
Нанялъ въ услуги и платить, что надо.

ВАХМИСТРЪ.

Не безъ грѣха тутъ, сдается и мнѣ:
Вотъ хоть подъ Люценомъ — жарко намъ стало
Такъ, что ой-ой-же! А онъ-то въ огнѣ
Рыщетъ себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало!
Пулями весь продырявленъ беретъ;
Сквозь сапоги у него и колетъ —
Видимъ мы — пули свистятъ то и дѣло,
И хоть одна-бъ ему кожу задѣла!
А отъ чего? Знаетъ чортову мазь.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ — такъ доподлинно дивная штука!
Чай, онъ лосинный колетъ не вчерась
Вздѣлъ на плечѣ? Прошиби его, ну-ка!

ВАХМИСТРЪ.

Нѣтъ это мазь ужъ такая: она,
Слышь, изъ волшебной травы сваренѣ.

ТРУБАЧЪ.

Не сдобровать ему!

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ вѣдь болтаютъ,
Будто читаетъ онъ все по звѣздамъ,
Будто онъ ему все открываютъ;
Все это сказки — провѣдалъ я самъ.
Дѣло-то вотъ оно въ чемъ, чтобъ вы знали:

По-ночи ходить къ нему старичекъ,
Даромъ, что дверь заперта на крючекъ...
И часовые не разъ окликали...
Вотъ — какъ прійдетъ этотъ сѣденькій — быть
Важнымъ дѣламъ: замѣчали нарочно.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Закабалилъ себя чорту онъ, точно...
Ну, оттого намъ и весело жить.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. НОВОБРАНЕЦЪ. ГОРОЖАНИНЪ. ДРА-
ГУНЪ.

НОВОБРАНЕЦЪ

*(выходитъ изъ палатки; на голову у него шишакъ; въ
руку фляжка).*

Батькѣ и дядямъ — поклонъ, и клянуса
Честью солдата — домой не вернуса!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вонъ: притащили еще новичка!

ГОРОЖАНИНЪ.

Францъ! образумься — не поздно пока...

НОВОБРАНЕЦЪ *(поетъ)*.

Бьютъ барабаны;
Трубы трубятъ;
Въ страны и страны
Борзые мчатъ...
Въ воду, въ огонь —
Вихремъ твой конь;
Острый мечъ съ бока;
Гладко — широко...

Зябликомъ пой
Въ ширѣ лѣсной!
То-ли не доля?
То-ли не воля?
Лугъ и лѣса,—
И небеса!

Эхъ! поступлю подѣ знамена къ Фридландцу!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Парень-то бравый! Мы будемъ свои!

(Кланяются ему.)

ГОРОЖАНИНЪ.

Полно! Онъ, право, изъ честной семьи...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Что же? а мы — не чета невобранцу?

Нешто на улицѣ подняли насъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Есть у него кое-что про запасъ:

Вонъ балахонъ-то — притроньтесь разъ—

Что за сукно-то — ужь, стало, есть средства...

ТРУБАЧЪ.

Ежели цесарь кафтанъ дастъ, ну, да—

Это вотъ честь!

ГОРОЖАНИНЪ.

Вѣдь ему, господа,

Шляпная фабрика будетъ въ наслѣдство.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Деньги безъ воли — да чортъ-ли мнѣ въ томъ!

ГОРОЖАНИНЪ.

Да мелочную отъ бабушки лавку

Прійметъ онъ...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Фуй! торговать-то тряпьемъ!

ГОРОЖАНИНЪ.

Ну, да отъ крестнаго — вонъ, на прибавку,
Погребъ достанется знатный такой:
Бочекъ десятокъ-другой наберется.

ТРУБАЧЪ.

Что-же? Съ друзьями не то разопьется!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ

(новобранцу).

Слышь! Мы съ тобою въ палаткѣ одной.

ГОРОЖАНИНЪ.

Да безъ него вѣдь невѣстѣ болѣзно;
Плачетъ, бѣдняжка всѣ дни на пролетъ...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Что-жь? — молодецъ! Значить — сердце желѣзно.

ГОРОЖАНИНЪ.

Ну, а какъ бабушка съ горя умереть?

ВТОРЫЙ ЕГЕРЬ.

Съ Богомъ! Скорѣе наслѣдство получить.

ВАХМИСТРЪ

*(важно подходитъ къ новобранцу и кладетъ ему на ши-
шакъ руку).*

Слушай! Вотъ ты на дорогу попалъ,
Просто другимъ человѣкомъ ты сталъ:
Каска и перевязь сразу научить,
Какъ межъ достойныхъ товарищей жить..
Долженъ ты храбрость въ душѣ пробудить...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Главное — деньгами долженъ сорить.

ВАХМИСТРЪ.

На корабль у Фортуны ты вновѣ,
А ужь поднять паруса на готовѣ;

Какъ на лодони весь міръ предъ тобой:
Будь только—смѣлымъ и всюду удача.
Что мѣщанинъ съ его глупой башкой?
Словно въ красильнѣ лѣнивая кляча,
Ходить въ кругу на веревкѣ бѣднякъ...
Ну, а солдату живется не такъ:
Онъ можетъ всѣмъ быть, за тѣмъ что на свѣтѣ
Въ дѣлѣ война, и она-же въ отвѣтѣ.
Вотъ, погляди на меня: вотъ кафтанъ
Съ посохомъ вмѣстѣ мнѣ цесаремъ данъ.
А почему? По такому, вишь, толку:
Посохъ — управа всемірному полку;
Скипетромъ держится наша земля—
Что-же онъ? — посохъ въ рукѣ короля.
Это ужъ вѣдаютъ даже ребята...
Если-жъ капраломъ ты сталъ изъ солдата,
Тутъ ужъ рукою тебя не достать,
Тутъ ни-по-чемъ ни граница, ни мѣра...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Если умѣешь читать и писать.

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ, расскажу я тебѣ для примѣра,—
Это я пережилъ самъ на вѣку.
Видишь-ли, шефъ есть въ драгунскомъ полку,
Буттлеръ... Ну, съ нимъ постояли довольно
Мы рядовыми, на Рейнѣ, у Кёльна,
Лѣтъ этакъ съ тридцать прошло съ этихъ поръ...
Что-же? Вѣдь онъ — генераль ужъ майоръ!
Все отъ того: отличился съ оглаской,
По свѣту славу умѣлъ протрубить...
Я не трубилъ, — такъ съ капральской указкой

Няньчусь... Да что тутъ далеко ходить?
Нашъ Высокòповелительный самъ-отъ:
Что у него и титуловъ, и грамотъ!
Есть-ли на комъ-нибудь эдакой чинъ!
Что-жь онъ былъ прежде? да такъ — дворянинъ...
Ну, а къ войнѣ прилѣпился душою,
Экую добылъ и славу, и честь:
Сдѣлался цесарю правой рукою!
Да — еще то-ли съ нимъ будетъ?... Богъ вѣсть!

(Лукаво.)

Вечера утро всегда мудренѣе...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да! — началъ малымъ, а кончилъ большимъ.
Помню его я студентомъ простымъ
Въ Альтдорфѣ: жилъ, какъ умѣлъ, веселѣ;
Вѣтреннымъ буршемъ былъ. Право — не лгу;
Разъ уходилъ было на-смерть слугу.
Вотъ господа Нюренбергцы за это
Приговорили къ темницѣ его,
Просто — вотъ такъ — ни съ того, ни сего.
А и гнѣздо-то, какъ насмѣхъ, пригрѣто
Не было пташкой еще ни одной:
Только что свили, и не было клички —
Назвали-бъ именемъ первой жилички.
Что-жь молодецъ-то нашъ? Передъ собой
Пуделя въ двери пустилъ на забаву!
Такъ и зовется собачьей тюрмой
До сихъ поръ... вотъ одурачилъ на славу!
Больше всѣхъ громкихъ и доблестныхъ дѣлъ
Эта мнѣ штука пришлася по нраву.

(Въ это время входитъ служанка и начинаетъ прислуживать; второй егеръ заигрываетъ съ нею.)

ДРАГУНЪ

(становится между ними).

Полно, не трогай!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

А ты что поспѣлъ?

ДРАГУНЪ.

Сказано толкомъ: дѣвчонки не трогай.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ

Хочетъ одинъ прогуляться дорогой—

Прочіе въ сторону! Что ты? Проснись!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Хочетъ особо мѣсить толоконецъ?

Въ лагерѣ нашемъ красotka, кажись,

Всѣхъ достоянье, какъ красное солнце.

(Цѣлуетъ дѣвушку.)

ДРАГУНЪ

(вырываетъ ее у него изъ рукъ).

Слушай: пока до грѣха, не замай!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Тише вы! Экой народъ сумазбродный!

Праговцы идутъ...

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ

(драгуну).

Ты драться? Давай!

ВАХМИСТРЪ.

Полно-же вамъ! Поцѣлуй свободны!

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Входятъ Рудакѣи и начинаютъ наигрывать вальсъ, сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе. ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ пляшетъ съ Служанкой; Маркитантка съ Новобранцемъ. Служанка отскакиваетъ въ сторону, егерь гонится за ней и ловитъ только-что вошедшаго Капуцина.

КАПУЦИНЪ.

Гэй вы! раз-гэй вы! Ну, какъ васъ—и какъ?..
Сразу попалъ я на пиръ и въ просакъ!..
Это-ль блюстители Божіей воли?
Антибаптисты, иль Турки мы, что-ли?
Видно Всевышній лицо отвратилъ,
Видно отринулъ Онъ васъ и забылъ,
Что не ударить въ васъ громомъ небеснымъ?
Шутите что ли вы днемъ-то воскреснымъ?
Развѣ теперь вамъ настала пора
Пить - пировать отъ утра до утра?
Quid hic statis otiosi?
Что вы сложили и руцѣ и нози?
Ужъ подъ Дунаемъ былъ трахъ-тарарахъ;
Пали окопы Баваріи въ прахъ;
Регенсбургъ также во вражьихъ клещахъ;
А вы—въ Богеміи... близко отъ дѣла!..
Что-же — утроба за то потолстѣла!
Не о войнѣ вѣдь здѣсь рѣчь—о винѣ;
Лучше точить себѣ зубы—не сабли;
Лучше дѣвченокъ захватывать въ грабли!
Что Оксенштирнъ вамъ?—бычачій-то лобъ!
Лучше, коль цѣлую тушу загребъ!...

Всѣ христіане, во вретицѣ, въ пеплѣ,
Еле отъ слезъ пролитыхъ не ослѣпли,
А у солдата карманы полны.
Въ небѣ явленія, знаменья, дива;
Въ облацѣхъ ризой кровавой войны
Богъ потрясаетъ надъ міромъ правдиво,
И съ многозвѣздной выси голубой,
Людямъ кометой грозить, что лозой.
Свѣтъ обратился въ юдолю печали;
Церкви ковчегъ утопаетъ въ крови;
Римской *имперіей* прежде мы звали—
Римской *остеріей* нынче зови;
Рейнскія волны гибели полны;
Монастыри всѣ теперь — *пустыри*;
Всѣ-то аббатства и *пустыни* нынѣ
Стали не братства — прямая *пустыня*;
Каждый маститый епископства *склепъ*
Преобразился въ позорный *вертепъ*;
И представляетъ весь *край* благодатный
Край безобразія... Все отъ чего?
Все отъ того, что вы грѣшны, развратны,
Не признаете святымъ ничего;
Идолочтеніе — вотъ ваша вѣра
Отъ рядоваго и до офицера.
Грѣхъ вѣдь магнитъ неотклонный, и вотъ
Въ нашу страну онъ желѣзо влечетъ.
А за неправдой жди кару да муку,
Словно слезы послѣ горькаго луку;
Послѣ онъ слѣдуетъ тотчасъ *покой*:
Въ азбукѣ нашей порядокъ такой.
Ubi erit victoriae spes,
Si offenditur Deus? Какая побѣда,

Если лукавый смущаетъ васъ бѣсъ,
Если вы пьяны еще до обѣда,
Если вамъ проповѣдь скука одна?
Правда, что, во время оно, жена
Нѣкая лепту свою отыскала;
Вотъ и Саулъ заблудился сначала,
Да отыскалъ-же ослицъ онъ отцу;
Братъевъ Іосифъ нашелъ-же къ концу;
Все это правда; но кто у солдата
Будетъ искать божій страхъ и почетъ,
Скромность и стыдъ, тотъ не много найдетъ,
Если хотъ сто фонарей онъ зажжетъ.
Такъ-то въ пустыню пророка когда-то,
Нѣсколько воиновъ слушать сошлось:
Каясь, крестились, во имя закона,
И вопрошали: *Quid faciemus nos?*
Какъ намъ достигъ Авраамова лона?
Et ait illis, и сталъ имъ вѣщать:
Neminem concutiatis—
Не живодерничать и не терзать;
Neque calumniam faciatis—
Не клеветать никогда и не лгать;
Contenti estote— а будьте вы рады,
Stipendiis vestris— коль дали оклады...
Будь въ васъ привычка ко злу проклята.
Слышали заповѣдь: Имени Бога
Всеу твои не глаголятъ уста?
Ну, разсудите вы: гдѣ же такъ много
Божатся и проклинаятъ подчасъ,
Какъ на фридланскихъ постояхъ у васъ?
Если-бъ за каждою клятвою вашей —
Только ее изрыгнете вы зря —

Въ колоколъ бить, скоро-бъ въ области нашей
Ни одного не нашлось звонаря;
Если-жь бы съ каждой молитвы лукавой,
Сродной нечистому лишь языку,
Братъ изъ хохла у васъ по волоску,—
За ночь бы вы оплѣшивили, — право!—
Будь вашъ загривокъ такой-же густой,
Какъ у Давидова Авессалома.
У Исуса Навина съ войной
Тоже была вѣдь десница знакома,
И Голіаѳа низвергнулъ Давидъ:
Кто-же про нихъ, какъ про васъ говорить?
Гдѣ про нихъ писано слово: ругатель?
То-то не очень-то глотку дери,
Чаще молися: помилуй, Создатель!
Нежели вскрикивай: чортъ подери!
Но у кого ужъ сосудъ въ недоглядѣ
И переполненъ — всегда потечетъ...
Заповѣдь есть и еще: «Не укради!»
Этой вы держитесь — честный народъ!—
Явно утащите что ни попало...
Да, для такихъ ястребиныхъ когтей
И для крючковъ никогда не бывало,
Да и не будетъ надежныхъ ларей;
Вы и въ коровѣ теленка найдете;
Курицу вмѣстѣ съ яичкомъ въ мѣшокъ...
Что говорятъ вамъ? *Contenti estote*,
Сирѣчь: «вотъ, ѣшьте артельный кусокъ.»
Впрочемъ въ какомъ-же тутъ слуги расчетъ,
Ежели сверху — соблазнъ и порокъ?
Ужъ голова для такого народца!
Онъ ни во что и не вѣруеть, чай?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Отче! солдатъ ты, пожалуй, ругай,
Но не моги оскорблять полководца.

КАПУЦИНЪ.

Ne custodias gregem meum!
Это — Ахавъ, или Іеровоамъ!
Правую вѣру съ лица земли сгонить,
Къ идоламъ сердце народа преклонить!

ТРУБАЧЬ и НОВОБРАНЕЦЪ.

Не говори ты еще такъ при насъ!

КАПУЦИНЪ.

Вотъ шпаго-ѣдъ-то, ужь — вотъ Брамарбасъ!
Хочетъ всѣ замки разрушить заразъ,
Хвалится нагло, въ безбожной гордынѣ,
Что овладѣетъ штральзундской твердыней —
Съ неба держись она сотней цѣпей.

ТРУБАЧЬ.

Глотки никто не заткнетъ ему вѣрно?

КАПУЦИНЪ.

Эдакой онъ заклинатель чертей,
Хуже Іегуа и Олоферна!
Вздумалъ отречься, исчадье грѣха, —
Вотъ ему страшенъ и крикъ пѣтуха.

ОБА ЕГЕРЯ.

Ну! Берегись не спасетъ власяница!

КАПУЦИНЪ.

Вотъ ужь лукавый-то Иродъ — лисица!

ТРУБАЧЬ и ОБА ЕГЕРЯ

(бросаются къ нему).

Эй, замолчи ты! Иль чешется лобъ?...

КРОАТЫ

(загораживаютъ капуцина).

Батюшка, полно, не трусь: Расскажи-ка
Лучше намъ притчу какую, аль что-бъ?

КАПУЦИНЪ

(кричитъ громче *).

Вотъ Вавилона надмѣнный владыка!
Вотъ прародитель всѣхъ золь, еретикъ!
И Валленштейномъ вѣдь зваться привыкъ:
Я, дескать, камень—какой вамъ опоры?
Подлинно—камень соблазна и ссоры!
Донде-же войско въ когтяхъ сатаны,
Мира не будетъ для цѣлой страны.

(При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ громкимъ голосомъ, капуцинъ начинаетъ по немногу отступать;
Кроаты охраняютъ его отъ остальныхъ солдатъ.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ, *кромя* Капуцина.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ

(вахмистру).

Что за нелѣпость про крикъ пѣтушиный
И полководца несла эта дрянь?
Такъ что-ли брякнулъ, въ насмѣшку и брань?

*) Вся рѣчь капуцина исполнена у Шиллера едва-ли переводимою игрою словъ, а переводъ заключительныхъ строкъ рѣшительно не возможенъ, по крайней мѣрѣ, для меня. *Л. Мей.*

ВАХМИСТРЪ.

Нѣтъ! онъ сказалъ не совсѣмъ безъ причины.
Нашъ полководецъ рожденъ мудрено.
Ухо его черезчуръ щекотливо:
Кошки мяуканье, а особливо
Крикъ пѣтуха для него — все равно
Ножъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

У него это общее съ львами.

ВАХМИСТРЪ.

Вкругъ его ставки не пикни никто,
И часовые ужъ знаютъ про то.
Правда, что занять такими дѣлами...

ГОЛОСА

(въ палаткѣ, гдѣ суматоха).

Такъ его, шельму! — скрути его! — бей!

ГОЛОСЪ КРЕСТЬЯНИНА.

Ай, помогите! уходятъ до смерти!

Нѣсколько голосовъ.

Полно вамъ! смирно!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Колотятъ, ей-ей!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Какъ, безъ меня-то?

(Оба бѣгутъ въ палатку.)

МАРКИТАНТКА

(выходитъ изъ палатки).

Бездѣльники! черти!

ТРУБАЧЪ.

Что вы, хозяйка, въ такихъ попыхахъ?

МАРКИТАНТКА.

Воръ! побродяга! безстыднымъ манеромъ,

Смѣть плутовать у меня на глазахъ!

Что я скажу господамъ офицерамъ?

ВАХМИСТРЪ.

Что тамъ, сестрица?

МАРКИТАНКА.

А то, господа:

Шельма-крестьянинъ забрался къ намъ въ гости—

Вздумалъ поддѣть на фальшивыя кости!

ТРУБАЧЪ.

Вонъ, его тащить съ сынишкой сюда.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

СОЛДАТЫ

(волочатъ по земль крестьянина).

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Этому петля!

СТРѢЛКИ и ДРАГУНЫ.

Къ профосу! къ профосу!

ВАХМИСТРЪ.

Да, и приказъ есть на это.

МАРКИТАНКА.

А тотъ

Мигомъ повѣситъ его, безъ допросу!

ВАХМИСТРЪ.

Подлинно: худо къ добру не ведетъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ

(другому).

Это съ отчаянья онъ и съ недоли.

Видишь: ихъ прежде въ конецъ разорять—
Ну, къ воровству и приучать.

ТРУБАЧЪ.

Что, братъ?

Ты за него заступаешься, что-ли?

Чортъ-ли во псѣ?

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Да возьмите въ домекъ:

Хоть и крестьянинъ, а все человекъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ

(трубачу).

Полно, оставь ихъ! Изъ Брига невѣжи;

Всѣ гарнизонные; смотришь — портнымъ

Или башмачникамъ сваты—такъ гдѣ-же

Знать и обычай военный такимъ?

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. КИРАСИРЫ.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Смирно! Зачѣмъ здѣсь крестьянское рыло?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛОКЪ.

Шельма!.. въ игрѣ плутовать захотѣлъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Что-жь, не тебя-ль и поддѣль-то онъ—было?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛОКЪ.

Да-вѣдь и какъ-еще ловко поддѣль!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Что?.. Ты — фридландскій солдатъ, — и не стыдно,
И не зазорно тебѣ, не обидно
Счастья съ крестьянскою швалюю пытаться?

(Крестьянину.)

Эй! удирай, чтобы пятки сверкали!

(Крестьянинъ убѣгаетъ; прочіе сходятся въ кружокъ.)

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Сразу покончилъ — его-ли видали!
Этотъ молодчикъ и намъ-бы подѣ стать...
Кто онъ такой? Не Богемецъ.

МАРКИТАНКА.

Валлонецъ.

Этому низкій, да низкій поклонецъ:
Онъ паппенгеймовскій былъ кирасиръ!

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ

(вмѣшивается въ разговоръ).

Да... Молодой Пикколомини ими
Нынѣче начальствуетъ: какъ командиръ,
Былъ онъ подѣ Люценомъ ими самими
Выбранъ, когда Паппенгеймъ былъ убитъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Видно, что очень ихъ полкъ знаменитъ?

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ.

И не задаромъ: дерутся чертовски;
Всѣхъ впереди они въ каждомъ бою;
Ну, и управу имѣютъ свою,
Да и Фридландецъ ихъ любить отцовски.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ

(второму.)

Вѣрно-ли это? Кто вѣсти принесъ?

ВТОРОЙ КИРАСИРЬ.

Самъ я сейчасъ отъ полковника слышалъ.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Катъ подери ихъ! Да нѣшто я пѣсь?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Чтò у нихъ тамъ? Али споръ какой вышелъ?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Нѣтъ-ли чего, господа, и до насъ?

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Да въ Нидерланды идти есть приказъ...

Врядъ-ли утѣшать кого эти вѣсти!

(Солдаты подходятъ къ нему.)

Съ конныхъ стрѣлковъ, съ кирасиръ, съ егерей

Выставить восемь что-ль тысячъ людей.

МАРКИТАНТКА.

Вотъ тебѣ разъ! Не сидится на мѣстѣ...

Только вчера я изъ Фландріи—на!

ВТОРОЙ КИРАСИРЬ

(драгунамъ).

Буттлерцы! съ нами и вы въ стремяна!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Пуще всего имъ—Валлонцевъ въ разгоны.

МАРКИТАНТКА.

Что ни-на-лучшіе всё эскадроны!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Чтò-же? вѣдь служба должна быть слѣпа:

Намъ провожать приказали Миланца.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Кàкъ-такъ? Инфанта? забавно!...

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Попà?—

Лопни самъ чортъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Мы оставимъ Фридландца,
И распрощаемся съ нашимъ отцомъ?
Въ поле съ кощеємъ-Испанцемъ мы выйдемъ,
Съ тѣмъ, что издавна душой ненавижимъ?
Нѣтъ!.. Подождутъ: мы—на лѣво кругомъ.

ТРУБАЧЪ.

Чорта-ль тамъ дѣлать? Мы продали кровь
Цесарю, — нò ужь не шапкѣ испанской.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Мы изъ довѣрія къ слову Фридландца
Въ рейтары шли, и когда-бъ не любовь
Наша къ Фридландцу, конечно-бъ подъ знамя
Насъ Фердинандъ не собралъ никогда.

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ.

Насъ вѣдь Фридландецъ собиралъ—такъ надъ нами
Пусть и сіяетъ Фридландца звѣзда!

ВАХМИСТРЪ.

Слѣдуетъ прежде подумать: словами
Дѣла не двинешь впередъ, господа!
Вѣрьте, я вижу васъ далѣе вдвое:
Кроется въ этомъ походѣ дурное.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Слушай приказа, и смирно народъ!

ВАХМИСТРЪ.

Ну-ка, сестрица Густэль! Напередъ
Чарку мельнѣккерца мнѣ, для желудка,
Да и за рѣчи....

МАРКИТАНКА

(наливаетъ вино).

Вотъ вамъ, господинъ

Вахмистръ!... Ахъ, Господи, страхъ-то одинъ!...
Видно—плохая сыграется штука!..

ВАХМИСТРЪ.

Видите: точно что надо ступать
Каждый шагъ въ жизни весьма осторожно;
Но полководецъ насъ учить неложно:
Главное—надо все дѣло понять.
Всѣ мы фридландскіе носимъ мундиры;
Намъ горожанинъ готовить квартиры,—
Долженъ похлебку варить для стола;
Долженъ крестьянинъ—во сколько ни стало-бъ—
Впрячь намъ въ обозъ и коня и вола,
Да еще какъ—безо всякихъ безъ жалобъ.
Чтѣ тутъ! Ефрейторъ, да семь молодцовъ,
Чуть появились—деревня и наша:
Всѣмъ и командуй! И каждый готовъ
Лучше на чорта взглянуть, воля ваша,
Чѣмъ на фридландскій нашъ желтый колетъ!
А отчего у нихъ смѣлости нѣтъ
Выгнать насъ вонъ—и съ руками пустыми?
Ихъ вѣдь гораздо насъ больше числомъ;
Машутъ дубьемъ, что и мы палашѣмъ;
Такъ отчего-жъ мы смѣемся надъ ними?
Вотъ что: сплошною стѣною идемъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Именно, именно! Въ этомъ вся сила!
Это Фридландецъ и самъ разгадалъ,
Вотъ—какъ для цесаря войско собиралъ,
Лѣтъ тому девять... Они-то вѣдь, было,
Тысячъ двѣнадцать задумали сбить:
«Ихъ», говоритъ, «будетъ нѣчѣмъ кормить;
Вотъ шестьдесятъ тысячъ—дѣло иное:

Эти не будутъ со мной голодать!»
Съ тѣхъ поръ и началъ онъ насъ собирать.

ВАХМИСТРЪ.

Взять для примѣра... ну, что-бы такое?
Ну — хоть, положимъ: такой-то отсѣкъ
Правый мизинецъ мнѣ... Всѣ и рѣшили:
Только молъ палецъ отсѣкъ! А забыли,
Что онъ мнѣ руку испортилъ на-вѣкъ.
Все, что увѣчно, куда оно гоже?..
Да... Вотъ и восемь-то тысячъ коней,
Что отряжаютъ во Фландрію, тоже—
Только мизинецъ у арміи всей;
А отпусти ихъ, небойсь насъ убудеть
Только что пятая часть? Какъ не такъ.
Все распадется! И всякой забудеть
Страхъ и почтенье къ намъ: каждый батракъ
Гребень заломить, что твой пѣтушина,
Да еще въ Вѣну отпишетъ иной:
Мнѣ молъ давно, за прокормъ и постой,
Слѣдуетъ вѣтъ что, съ такого-то чина..
Ну, и начнемъ мы опять бѣдовать;
Все и пойдетъ, что подъ кручу колѣса;
И полководца замыслятъ отнять:
Тамъ, при дворѣ, на него смотрятъ косо...
Тутъ и прійдетъ намъ гибель сама.
Кто намъ оклады отдастъ по расчету?
Кто о контрактахъ приложить заботу?
И у кого изъ нихъ столько ума
И прозорливой воинской науки?
Столько значенья?.. Чьи крѣпкія руки
Сплотятъ въ одно составные куски
Нашего войска — съ доски до доски?

Вотъ, я примѣръ приведу вамъ покуда...

Слушай, драгунъ: ты записанъ откуда?

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ.

Изъ самодальной Губерніи знать.

ВАХМИСТРЪ

(обоимъ кирасирамъ).

Вы вѣдь — Валлонець: узналъ мимоходомъ;

Вы — Итальянецъ: по рѣчи слыхать.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Ктò я?.. незнаю — откуда я родомъ?

Знаю, что краденъ съ младенческихъ лѣтъ.

ВАХМИСТРЪ.

Чай, вѣдь и ты не изъ-близка, поли-ка?

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Я изъ Бухау.

ВАХМИСТРЪ.

А вы-то, сосѣдь?

ВТОРОЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Прямо изъ Швица.

ВАХМИСТРЪ

(второму егерю).

Ну, егеръ, скажи-ка:

Ты-то отколѣ забрелъ къ намъ въ полки?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Да за Висмàромъ живутъ старики.

ВАХМИСТРЪ

(указывая на трубача).

Этотъ и я — мы изъ Эгера оба.

Видите — вòтъ оно чтò! — Ну, а кто-бы,

Глядя на всѣхъ насъ, ну, кто-бы такой

Могъ догадаться, что съ сѣвера, съ юга

Вѣтеръ насъ сдулъ и наснѣжила выюга?

Будто-бы мы не изъ щепки одной?
Будто-бы, вражьи встрѣчая колонны,
Мы не стоимъ, словно слиты-склеены?
Будто, летучѣе мельничныхъ крылъ,
Мы не стремимся одинъ за друга—
Съ перваго знака и съ перваго слова?
Кто-же насъ вмѣстѣ такъ крѣпко сплотилъ,
Что отличить насъ нельзя посемейно?
Все это дѣло его — Валленштейна!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ну, признаюсь, что мнѣ никогда
Не приходило и въ голову даже,
Будто мы пригнаны такъ, господа!
Мнѣ-бы лишь воля, а жизнь всё одна-же...

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Вахмистра всѣ мы одобрить должны:
Дворскіе точно не любятъ войны,
Тотчасъ солдата унижить готовы,
Только-бы въ руки всю власть захватить...
Это — ихъ заговоръ, это — ихъ ковы!

МАРКИТАНКА.

Заговоръ! Господи! Какже мнѣ быть?
Вѣдь господа перестанутъ платить!

ВАХМИСТРЬ.

Да! Тутъ банкротства бываютъ не малы...
Многіе шефы у насъ, генералы
Войску платили изъ собственныхъ кассъ:
Сильно хотѣлось имъ стать на показъ—
И зарвались выше средствъ, поджидая,
Что ниспадетъ къ нимъ роса золотая.
Ну, а когда полководецъ упалъ —
Нѣчего дѣлать: прости, капиталъ!

МАРКИТАНКА.

Ахъ, мой Спаситель! На мнѣ какъ вериги!
Чуть не пол-войска записано въ книгѣ.
Графъ Изолани—ужь вотъ господинъ! —
Двѣсти мнѣ талеровъ долженъ одинъ.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Какъ-же, товарищи? надо рѣшиться!
Намъ остается спасенье одно:
Слѣдуетъ слиться въ такое звѣно,
Чтобъ побоялися къ намъ подступиться.
За одного поголовно стоимъ,
И—хоть приказами-бъ насъ завалили—
Мы здѣсь, въ Богеміи, корни пустили
И не идемъ никуда—не хотимъ,
А остаемся спокойно на мѣстѣ:
Нынѣче солдатъ вѣдь дерется изъ чести.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Мы не позволимъ собой помыкать:
Сунься-ка къ намъ—мы дадимъ себя знать!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Эхъ, господà! Да поймите вы сразу:
Тутъ вѣдь кто?—цѣсарь!.. Съ его-же приказу.

ТРУБАЧЪ.

Очень намъ нужно! — пожалуй! — скажи!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Слышишь — языкъ за зубами держи!

ТРУБАЧЪ.

Какже! Сказалось—пускай и сказалось!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да вотъ и мнѣ это слышать случалось,
Что голова намъ Фридландецъ одинъ.

ВАХМИСТРЪ.

Точно! на немъ и урядъ весь и чинъ.
Знайте, что властенъ онъ бѣзпрекословно
Длеть намъ войну, иль покончить любовно,
Властенъ имѣнія кѣнфисковать,
Властенъ онъ вѣшать и властенъ прощать;
Можетъ въ полковники онъ рядового
Жаловать, если захочетъ какого:
Все это цесарь довѣрилъ ему.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Герцогъ свѣтлѣйшій великъ по всему,
Но, какъ и всѣ мы—не самъ онъ собою—
Цесарскимъ долженъ почтенъ быть слугою.

ВАХМИСТРЪ.

Нѣтъ! не какъ всѣ мы! Ума не спросясь,
Сказано. Онъ—независимый, вольный,
Какъ и Баварецъ, имперіи князь.
Былъ на часахъ я въ палатѣ престольной,
Слышалъ, какъ цесарь его убѣждалъ,
Чтобъ онъ берета предъ нимъ не снималъ

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Въ тѣ-поры цесарь, мнѣ помнится это
Мекленбургъ отдалъ Фридландцу, какъ есть.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ

(вахмистру).

Какъ, передъ нимъ не снимаетъ берета?
Вотъ ужъ такъ подлинно рѣдкая честь!

ВАХМИСТРЪ

(шаритъ въ карманъ).

Ежели васъ не увѣришь словами,

Вотъ — поглядите, увѣрьтеся сами.

(Показываетъ монету.)

Чья здѣсь фигура и чья здѣсь печать?

МАРКИТАНКА.

Ну! Валленштейна-то намъ не узнать!

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ вамъ! Ну что-жь еще? Князь онъ, аль нѣту?

Али чеканить не можетъ монету,

Какъ Фердинандъ, да и всѣ короли?

Аль нѣтъ людей у него и земли?

Если свѣтлѣйшимъ Фридландца признали,

Стало — онъ можетъ солдатъ вербовать

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Спору нѣтъ, точно; но — правду сказать —

Насъ вѣдь въ цесарскія войски собирали:

Цесарь за это и платитъ теперь.

ТРУБАЧЪ.

Цесарь-то нашъ и не платитъ, повѣрь!

Хочешь, присягу дадутъ всѣ солдаты?

На обѣщанья-то всѣ тороваты,

А на оклады-вотъ — туги куда!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Не пропадетъ нашъ окладъ никогда:

Въ вѣрныхъ рукахъ онъ теперь...

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Господь,

Полно вамъ! Эдакъ дойдетъ и до ссоры...

Что за сомнѣнія, что тутъ за споры:

Цесарь властитель надъ нами, иль нѣтъ?

Именно въ томъ-то у насъ и совѣтъ,

Что, ратовавъ подъ его знаменами,

Намъ не пригоже пастися стадами,

И не пригоже ревѣть табуномъ
Подъ шутовскимъ, иль испанскимъ бичомъ!
Ну, вѣдь и цесарю прибыли мало...
Надо, чтобъ войско его поддержало,
Надо, чтобъ цесарь нашъ былъ потtentать
Купною силою вѣрныхъ солдатъ.
Да и кому-жъ, коль не намъ, его слово
Ставить закономъ, во имя Христова?
Ужъ не ярѣмникамъ робкимъ его,
И не ватагѣ льстецовъ безтолковыхъ,
Что съ нимъ пируетъ въ чертогахъ дворцовыхъ?
Что-же намъ цесарь даетъ? Ничего,
Кромѣ труда и заботы вседневной...
Вотъ и люби его тутъ задушевно!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Даже и въ Римѣ тиранъ и злодѣй
Велъ себя въ этомъ гораздо умнѣй:
Мучили прочихъ они и казнили,
Но ужъ куда-какъ солдата честили.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Такъ! И по этому каждый солдатъ
Долженъ быть честенъ въ душѣ, благороденъ,
Или солдатомъ онъ быть не пригоденъ.
Ежели ставлю я жизнь на угадъ,
Долженъ-же быть я другого достойнѣй
Въ чемъ нибудь, — или не битвой, а бойней
Станетъ борьба, и солдатъ, какъ Кроать,
Шею подставить.

ОБА ЕГЕРЯ.

Честь жизни дороже!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Мечъ — не соха и не заступъ вѣдь тоже;

Глупъ, кто захочетъ имъ землю пахать:
Всходовъ зеленыхъ ему не видать...
Нѣтъ у солдата родимаго крова,
Нѣтъ у него своего очага;
Быстро его пробѣгаетъ нога
Мимо приманокъ жилья городского
И деревенскихъ зеленыхъ луговъ;
Нѣтъ для него колосистыхъ вѣнковъ,
Нѣтъ для него винограднаго сбора,
Что-же, скажите, солдату опора,
Что-же онъ долженъ хранить и беречь?—
Честь! Надо собственность дать человѣку,
Иначе станетъ онъ рѣзать и жечь.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Плохо житье намъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

А лучше отъ вѣку
Не было людямъ. Помыкался я,
Понасмотрѣлся житья да бытья,
Всѣмъ послужилъ: и коронѣ испанской,
Ну, и республикѣ Венеціанской,
Ну, и Неаполю... Что-жь? какъ на зло,
Просто нигдѣ мнѣ, нигдѣ не везло!
Видѣлъ я рыцарей, знался съ купцами,
Съ мастеровыми, — подумайте сами, —
Вотъ ни одинъ мнѣ нарядъ не пришѣлъ
Такъ по душѣ, какъ вотъ этотъ камзолъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Ни!.. Не могу съ вами я согласиться.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Ежели въ свѣтѣ кто хочетъ нажиться,
Долженъ работать и долженъ трудиться;

Кто за почетомъ сановнымъ поидеть,
Пусть себѣ спину предъ золотомъ гнѣтъ;
Кто съ юныхъ лѣтъ осѣнёнъ благодатью,
Благословленъ отъ родителей, радъ
Жить посреди и дѣтей, и внучать,
Мирному пусть предается занатю...
Всё — это такъ, только мнѣ не рука:
Жилъ я на волѣ, умру я на волѣ;
Грабить чужое, наследовать что-ли —
Я не хочу, и за мною пока
Нѣту наследства, опричь чапрака.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Браво! И самъ я такихъ-же вотъ правилъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Правила просты: конѣмъ какъ управилъ,
Такъ и рыщи по чужимъ головамъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Нѣтъ! тяжелы времена, и мечамъ
Столько не вѣситъ, какъ прежде... Конечно
Не урекнутъ меня, если сердечно —
Такъ сказать — я примѣнился къ мечу:
Значить, что быть человѣкомъ хочу
И не позволю себя оболванить,
Иль на спинѣ у себя барабанить.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Ну, а кому коль не вѣмъ намъ укоръ,
Что горожаниномъ зваться — позоръ?
Штука! Шестнадцатый годъ, безъ отдышки,
Длится война, и рѣзня, и нужда!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Братецъ! — и Богъ — вонъ, съ лазоревой вышки,
Разомъ всѣхъ просьбъ-то не выполнить. Да!

Просить одинъ, чтобы солнце свѣтило,
А для другого, вишь, больно свѣтло;
Этому надо, чтобъ сухо все было,
А вонъ тому, чтобъ побольше дождало;
Что для тебя на подъемъ тяжело,
То для меня, можетъ, кладъ, а не ноша...
Спору нѣтъ: если коснѣтся что гроша,
Иль горожанъ, или тамъ поселянъ,—
Жалко мнѣ будетъ за ихній карманъ,
Да пособить я не въ силахъ. Сравненье:
Вотъ началось, положимъ, сраженье...
Кони зафыркали — только держи,
Взвились — и кто на пути не лежи —
Братъ-ли родимый твой, сынъ-ли любезный,
Какъ ни терзай тебя стонъ ихъ болѣзненный,
Скачешь на нихъ, и нельзя своротить
Даже съ дороги...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Куда тутъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЬ.

Бываетъ —

Счастье солдата порой приласкаетъ:
Кажется, такъ-бы руками схватить,
Да и держать! Анъ схватилъ неудачу:
Вечеромъ — бой; къ ночи — миръ заключенъ,
Ну, и конецъ! — и разнуздывай клячу...
А у крестьянина конь запряжёнъ,
Значить, что старые будутъ порядки.
Но вѣдь покамѣстъ мы всѣ за-одно,
Не выпускаемъ изъ пальцевъ тетрадки
И другъ на друга пока безъ оглядки

Мы вѣдь не скачемъ... А то, не равно —
Съ хлѣбомъ мѣшокъ и повыше поднимуть.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ну, ужь куска-то у насъ не отнимуть:

Всѣ мы — одинъ человекъ.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Рѣшено!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ

(вынимая кожаный кошелекъ, маркитантскъ).

Сколько, кума?

МАРКИТАНТКА.

Ахъ, не стоитъ и счёта!

(Считаются.)

ТРУБАЧЪ

(пищальникамъ).

И хорошо, что пришла вамъ охота

Взяться за шапки: вы намъ не подь стать.

(Пищальники уходятъ.)

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Жаль ихъ: ребята на что ужь честнѣе!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Честны, за то — мыловаровъ глупѣе.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Благо свои всё, пора-бъ столковать,

Какъ намъ разрушить-то замыселъ новый?

ТРУБАЧЪ.

Что-же? Какъ будто не всѣ мы готовы?

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Отъ дисциплины, друзья, ни на пядь!

Каждый въ свой корпусъ иди, да толково

Дай сослуживцамъ разумный совѣтъ

И докажи имъ отъ слова до слова,

Что разбрестися намъ порознь — не слѣдъ.
Я за Валлонцевъ ручаюсь смѣло:
Если мое — такъ и ихнее дѣло.

ВАХМИСТРЪ.

Терцки полки, на конѣ и пѣшкомъ,
Всѣ за-одно, и одна у нихъ доля.

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ

(становится рядомъ съ первымъ).

Вотъ и Ломбардецъ съ Валлонцемъ рядкомъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Воля для егеря — воздухъ.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

А воля

Слѣдомъ за силою ходить всегда:

Жизнь или смерть — при одномъ Валленштейнѣ!

ПЕРВЫЙ СТРЕЛОКЪ.

Мы, Лотарингцы, что волны на Рейнѣ,
Любимъ просторъ и стремимся туда,
Гдѣ намъ привольнѣе.

ДРАГУНЪ.

Счастья звѣзда

Водить Ирландца.

ВТОРОЙ СТРЕЛОКЪ.

Тиролецъ отъ вѣку

Службу несетъ одному человѣку.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Ладно! Теперь по полкамъ отъ солдатъ

Взять *Pro Memoria*: пусть ихъ напишутъ,

Что расходиться они не хотятъ;

Что про походъ хоть и слышать — не слышать,

И не идутъ; что ни сила, ни лесть

Не угрожать имъ, фридландскимъ ребятамъ:

Такъ - какъ Фридландецъ отцомъ былъ солдатамъ...
А какъ напишется, — чинно отнестъ
Все къ Пикколòмини — вѣдомо къ сыну:
Тотъ разберетъ всему дѣлу причину,
И у Фридландца все сдѣлаетъ онъ....
И при дворѣ-то куда-какъ силѣнъ:
Жалуетъ цесарь его безпримѣрно...

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Кончено! Всѣ по рукамъ! — и ужь вѣрно,
Что отстоятъ Пикколомини насъ.

ТРУБАЧЪ, ДРАГУНЫ, ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ, ОБА КИ-

РАСИРА и СТРЕЛКИ

(вмѣстѣ).

Пусть отстоятъ Пикколомини насъ!

(Хотятъ уйти.)

ВАХМИСТРЪ.

Стой: по стакану!.. Вѣдь насъ не убудетъ...

(Пьетъ.)

За Пикколомини!

МАРКИТАНКА

(приноситъ бутылку).

Рада всегда!

Этой бутылки на биркѣ не будетъ.

Счастливо кончить дѣла, господа!

КИРАСИРЫ.

Всѣ мы и всякой да здравствуемъ въ станѣ?

ОБА ЕГЕРЯ.

И да прокормятъ нашъ станъ горожане!

ДРАГУНЫ и СТРЕЛКИ.

Да процвѣтаетъ веселіе въ войскѣ!

ТРУБАЧЪ и ВАХМИСТРЪ.

И да царить въ немъ Фридландецъ — геройски!

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ

(поетъ).

Живѣе, друзья! На коня, на коня!

На поле! на волю честную!

На полѣ — на волѣ ждетъ доля меня,

И сердце подъ грудью я чую!

Мнѣ въ полѣ защитникомъ нѣтъ никого:

Одинъ я стою — за себя одного!

(На пѣсню, изъ глубины сцены, подходятъ нѣсколько солдатъ и составляютъ хоръ.)

ХОРЪ.

Мнѣ въ полѣ защитникомъ нѣтъ никого:

Одинъ я стою — за себя одного!

ДРАГУНЪ.

Нѣтъ воли на свѣтѣ!.. Владыка казнить

Рабовъ безотвѣтно - послушныхъ;

Притворство, обманъ и коварство царить

Надъ сонмомъ людей малодушныхъ...

Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ —

Одинъ только воленъ.... А кто онъ? — Солдаты!

ХОРЪ.

Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ —

Одинъ только воленъ... А кто онъ? — Солдаты!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Житейскія дразги — съ души онъ долой,

Нѣтъ страха ему и заботы;

Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой:

Не нынче, такъ завтра съ ней счѣты!

А завтра — такъ что-же? Вѣдь чаша полна:

Сегодня-жъ ее мы осушимъ до дна!

ХОРЪ.

А завтра — такъ что-же? Вѣдь чаша полна:
Сегодня-жъ ее мы осушимъ до дна!

(Стаканы налиты снова; пльвцы чокаются и пьютъ.)

ВАХМИСТРЪ.

Солдату веселье хоть съ неба сошли,

А самъ онъ труда и не знаетъ!

Подѣньщикъ копаетъ утробу земли

И думаетъ — кладъ откопаетъ.

И заступомъ роетъ, всю жизнь удручѣнь

Покамѣсть могилы не выроетъ онъ.

ХОРЪ.

И заступомъ роетъ, всю жизнь удручѣнь,

Покамѣсть могилы не выроетъ онъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

И къ замку ѣздокъ подлетѣлъ на конѣ —

Нечаянный гость и неожиданный;

А въ свадебномъ замокъ пылаетъ огнѣ,

И въ замокъ онъ входитъ незванный

Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ

Съ налёту награду любви онъ сорвалъ!

ХОРЪ.

Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ

Съ налёту награду любви онъ сорвалъ!

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ.

Что плачетъ, красотка? Тоскуетъ о чѣмъ?

Пусти! не собьешь вѣдь съ дороги:

Съ семейною кровлей солдатъ незнакомъ —

Не вѣдалъ сердечной тревоги...

Влечетъ его быстро судьба за собой,

И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ и покой.*

Х О Р Ъ.

Влечетъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ и покой.*

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Живѣй-же, друзья! Вороного сѣдлай:

Бой жаркую грудь расхолодить...

И юность, и жизнь такъ и бѣть черезъ край:

Пей смѣло, пока еще бродить...

И жизни своей на игру не жалѣй:

Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

Х О Р Ъ.

И жизни своей на игру не жалѣй:

Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

(Занавѣсъ опускается при пѣніи хора.)

ПИКОЛОМИНИ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Переводъ В. А. Лялина

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Валленштейнъ, герцогъ фридландскій, генералиссимусъ императорскихъ войскъ въ эпоху тридцатилѣтней войны.

Октавіо Пикколомини, генераль-лейтенантъ.

Максъ Пикколомини, его сынъ, полковникъ кирасирскаго полка.

Графъ Терцкій, зять Валленштейна, шефъ многихъ полковъ.

Илло, фельдмаршалъ.

Изолани, начальникъ Кроатовъ.

Буттлеръ, шефъ драгунскаго полка.

Тифенбахъ,

Гёцъ,

Донъ-Марадасъ,

Коляльто,

Нейманъ, ротмистръ, адъютантъ Терцкаго.

Квестенбергъ, членъ военнаго совѣта, посоль императора.

Баптистъ Сени, астрологъ.

Герцогиня Фридландская, супруга Валленштейна.

Тэкла, принцесса фридландская, ея дочь.

Графиня Терцкая, сестра Валленштейна.

Корнетъ.

Кравчій графа Терцкаго.

Пажи и слуги Валленштейна.

Слуги и музыканты Терцкаго.

Полковники и генералы.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Старинная готическая зала въ Пильзенской ратушѣ, убранная знаменами и другими военными атрибутами.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Илло. Буттлеръ. Изолани.

ИЛЛО.

Хоть поздно, графъ, да здѣсь вы наконецъ;
А дальній путь легко васъ извиняетъ.

ИЗОЛАНИ.

Спросите-ка, съ пустыми-ли руками
Пріѣхалъ я? Мнѣ дали знать, что къ Шведамъ
Отъ Донауверта тянется обозъ:
Мои Кроаты кончили съ нимъ скоро;
Теперь у васъ онъ въ лагерѣ.

ИЛЛО.

И кстати

Попотчуемъ гостей мы дорогихъ.

БУТТЛЕРЪ.

Да, лагерь нашъ теперь замѣтно ожилъ.

ИЗОЛАНИ.

Всѣ церкви даже заняты войсками.

(Осматриваясь кругомъ.)

Вы, господа, и въ ратушу нашли
Себѣ дорогу! Ну, нашъ братъ военный,
Гдѣ только можетъ, путь себѣ пробьетъ.

И Л Л О.

На съѣздъ сюда изъ тридцати полковъ
Начальники собралися: графъ Терцкій,
Гёцъ, Тифенбахъ, Коляльто, Гиннерзамъ,
Отецъ и сынъ Пикколомини. Много
Товарищей старинныхъ здѣсь найдете.
Альтрингера и Галласа лишь нѣтъ.

БУТТЛЕРЪ.

Вы Галласа не ждите.

И Л Л О

(съ удивленіемъ).

Что вы!... Развѣ?...

И З О Л А Н И

(перебиваетъ его).

Здѣсь, вы сказали, Максъ Пикколомини?
Скорѣй къ нему! Теперь я будто вижу
Его — тому ужъ скоро десять лѣтъ —
Какъ при Дессау съ Мансфельдомъ мы бились.
Онъ съ мосту вплавь пустился черезъ Эльбу
Къ Октавію на помощь. Десять лѣтъ!
Храбрецъ тогда былъ мальчикъ безбородый,
Теперь, я слышалъ, воинъ онъ вполне.

И Л Л О.

Сего дня вы увидите его.
Въ Каринтію за герцогскимъ семействомъ
Онъ посланъ; скоро будетъ онъ назадъ.

БУТТЛЕРЪ.

Семью свою сюда сзываетъ герцогъ?
Залоговъ цѣнныхъ много здѣсь!

ИЗОЛАНИ.

Тѣмъ лучше.

Я думалъ, здѣсь услышу объ однихъ
Дѣлахъ военныхъ, битвахъ, да атакахъ;
И мирный кругъ семейный вдругъ встрѣчаю.

ИЛО

(который долго что-то обдумывалъ, отводитъ Буттлера въ сторону).

Кто вамъ сказалъ, что Галласъ не пріѣдетъ.

БУТТЛЕРЪ

(выразительно).

Онъ и меня старался удержать.

ИЛО

(съ жаромъ).

И вы остались тверды?

(Жметъ ему руку.)

Честный Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Какъ? Послѣ той награды, что недавно
Мнѣ герцогъ далъ...

ИЛО.

Ахъ, я забылъ совсѣмъ!

Имѣю честь васъ, генераль, поздравить!

ИЗОЛАНИ.

Онъ далъ вамъ полкъ, въ которомъ, какъ я слышалъ,
Вы сами прежде рейтаромъ служили?

Да! герцогъ правъ: примѣръ и честь для войска,
Когда заслуги цѣнять стариковъ.

БУТТЛЕРЪ.

Не знаю самъ могу-ли поздравленье

Еще принять: до сихъ поръ императоръ

Не присылалъ согласья своего.

ИЗОЛАНИ.

Къ чему оно для герцогскихъ наградъ?
Въ рукѣ его настолько станетъ силы,
Чтобъ удержать то твердо, что дала.

ИЛЛО.

Э! Нѣ зачѣмъ тутъ вовсе сомнѣваться!
Что можетъ дать безсильный императоръ?
А герцога могучая рука
Властна во всемъ по праву и по силѣ.

ИЗОЛАНИ

(Илло).

Еще тебѣ скажу я новость, другъ!
Фельдмаршалъ самъ — пусть знаетъ это каждый —
Мои долги беретъся заплатить.
Онъ хочетъ самъ вести мои расходы,
Меня отъ прежней жизни оторвать,
И сдѣлать путнымъ человѣкомъ. Это
Не въ первый разъ, что Валленштейнъ меня
Своей рукой спасаетъ отъ безчестья!

ИЛЛО.

Была-бы воля — то-ли-бы онъ сдѣлалъ!
Онъ рѣздалъ-бы солдатамъ всѣ имѣнья,
Да въ Вѣнѣ все идутъ на перекорь.
Узду надѣтъ старались — не съумѣли;
Теперь хотятъ хоть крылья подвязать.
Вотъ, на примѣръ, хоть эти повелѣнья,
Что къ намъ привезъ лисица Квестенбергъ.

БУТТЛЕРЪ.

Объ нихъ я много слышалъ; да, повѣрьте,
Что не уступить герцогу ни на шагъ.

И Л Л О.

Правà свои онъ отстоять съумѣетъ...
А мѣсто?

БУТТЛЕРЪ

(пораженный этими словами).

Вы пугаете меня!

И З О Л А Н И

(въ одно время).

Тогда мы всѣ погибли!

И Л Л О.

Замолчите!

Идетъ сюда, я вижу, Квестенбергъ,
Съ нимъ Пикколòмини.

БУТТЛЕРЪ

(въ раздумьи качаетъ головой).

Боюсь, что мы
Не такъ уйдемъ отсюда, какъ пришли.

—

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ. КВЕСТЕНБЕРГЪ.

О К Т А В І О

(издали).

Еще гостей даетъ намъ Богъ! Сознайтесь,
Что тяжкая, кровавая война
Свела сюда блестящій кругъ героевъ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Да! кто врагомъ войны остаться хочетъ,
Тотъ не входи въ всеennyй лагерь вашъ.

Я самъ готовъ былъ бѣдствія ея
Забыть при видѣ стройнаго порядка,
Который здѣсь господствуетъ у васъ,
И, цѣлый міръ кроваво разрушая,
Умѣетъ здѣсь поддерживать себя.

О К Т А В І О.

Вотъ двое храбрецовъ! Они достойно
Собой замкнули нашъ блестящій кругъ.

(Представляя ему Изолани и Буттлера.)

Графъ Изолани и полковникъ Буттлеръ!

Вы видите здѣсь предъ собой, мой другъ,

Честь арміи: и быстроту и силу.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ

(Октавіо).

А между ними опытъ и совѣтъ.

О К Т А В І О

(представляя имъ Квестенберга).

Имѣю честь вамъ, господа, представить:

Высокій гость и другъ нашъ Квестенбергъ,

Министръ и членъ Военнаго Совѣта.

(Всѣ молчатъ.)

И Л Л О

(подходитъ къ Квестенбергу).

Не въ первый разъ здѣсь, господинъ министръ,

Имѣемъ честь мы, кажется, васъ видѣть?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Да, помню я, что вижу ужъ теперь

Въ другой разъ ваши славныя знамена.

И Л Л О.

А помните - ль — гдѣ видѣли вы ихъ?

Въ Моравіи, подъ Цнаймомъ это было:

Вы пріѣзжали герцога просить

Начальствовать надъ войскомъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Вы ошиблись!

Просить его не могъ я, генераль,
И не хотѣлъ: такого порученья
Мнѣ государемъ не было дано.

И Л О.

Ну такъ принудить, если вамъ угодно.
На Лехъ, помню, Тилли былъ разбить,
Баварія осталась безъ защиты
И путь врагу въ столицу былъ открытъ:
Все — погибало.... и тогда явились
Вы къ герцогу и съ вами Верденбергъ...
Склоняли къ жалости, немилостью грозили...

И З О Л А Н И

(подходитъ къ нимъ).

Понять не трудно, господинъ министръ,
Что вамъ теперь о прежнемъ порученьи
Не ловко вспомнить.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Тоже и теперь,
Что прежде было. Мы тогда старались
Отъ рукъ враговъ Богемію спасти;
Теперь пришла пора ее избавить
Отъ тягости защитниковъ, друзей.

И Л О.

Прекрасное дано вамъ порученье!
Изъ той страны, что добыли мы кровью,
Насъ выгнать, въ благодарность...

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Что-же дѣлать!

Одна бѣда смѣнилася другою.

Такъ не должно быть: бѣдная страна
Пусть отдохнетъ отъ тягости военной.

И Л Л О.

Что-жъ, этотъ годъ былъ легокъ поселянамъ!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Не объ стадахъ и пажитяхъ-ли вы
Намъ говорите, господинъ фельдмаршалъ?

И З О Л А Н И.

Что-жъ? Такъ всегда! Война сама въ себѣ
Находить пищу. Тяжко для крестьянъ,—
Такъ государь солдатами богаче.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

И подданныхъ лишается за то.

И З О Л А Н И.

А развѣ мы не подданные?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Только

Есть разница: одни трудомъ полезнымъ
Страну богатой дѣлаютъ, другіе
Ее умѣютъ только разорять.
Какъ отъ меча сталъ бѣденъ императоръ,
Такъ снова плугъ его обогатитъ.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Богатъ онъ былъ-бы, если-бъ не пѣвки
Послѣдній сокъ сосали изъ страны.

И З О Л А Н И.

Дѣла еще въ порядкѣ, какъ я вижу.

(Становится противъ Квестенберга и рассматриваетъ
его богатый мундиръ.)

Осталось много золота безъ дѣла.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Да, слава Богу! кое-что успѣли
Еще спасти отъ жадности Кроатовъ.

И Л Л О .

Пускай война безъ жалости разить
Такихъ людей, какъ Мартиницъ, Славата,
Которыхъ вы, на зло Богемцамъ всѣмъ,
Наградами осыпали такъ щедро;
Которые безъ чести, безъ стыда
Отъ бѣдности согражданъ богатѣютъ,
Отъ общей порчи ждуть себѣ плода,
Гордятся царской пышностію смѣютъ,
Какъ бы смѣясь надъ общей нищетой.
Они войну кровавую зажгли—
Такъ пусть она безъ жалости ихъ губить!

Б У Т Т Л Е Р Ъ .

Нахлѣбники у царскаго стола!
Голодные искатели награды!
Завиденъ имъ нашъ хлѣбъ сталъ — и его
Изъ рукъ солдата жадно вырываютъ:
Хотятъ кусокъ послѣдній усчитать!

И З О Л А Н И .

Всю жизнь я буду помнить, какъ однажды,
Лѣтъ семь тому, пришлось мнѣ съѣздить въ Вѣну,
Куда былъ посланъ за ремонтомъ,
Какъ тамъ меня изъ камеры одной
Въ другую, Богъ вѣсть для чего, водили,
Ждать заставляли цѣлые часы,
Какъ будто я у нихъ изъ состраданья,
Какъ нищій, хлѣба вымолить пришелъ.
Потомъ ко мнѣ прислали капуцина —
Для врачеванья, думалъ я, души —

Не тутъ-то было!—долженъ былъ съ монахомъ
Объ лошадяхъ я нашихъ толковать....
Такъ и уѣхалъ, — дѣла не дождался.
А послѣ князь доставилъ мнѣ въ три дня,
Чего-бъ я въ Вѣнѣ въ тридцать не дождался.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Да, эту сумму въ счетъ мы нашли;
Я знаю: намъ платить ее придется!

И Л Л О .

Да, ремесло суровое война!
Неприложимы кроткія къ ней мѣры.
Всему нельзя пощады здѣсь давать....
Пожалуй жди, пока вы въ вашей Вѣнѣ
Глубокомысленно начнете разсуждать,
Какъ зло поправить. Вашихъ разсужденій
Пришлось бы намъ довольно долго ждать.
Схватилъ — и правъ, — а послѣ будь что будетъ!
Вѣрнѣе такъ! Замѣчено, что люди
Умѣютъ сами въ случаѣ пужды
Чинить прорѣхи. Въ крайности тяжелой
Они найдутся лучше и скорѣе
Чѣмъ въ непріятномъ выборѣ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Да, правда!

Отъ выбора насъ герцогъ избавляетъ.

И Л Л О .

Объ нашемъ войскѣ, какъ отецъ, печется
Нашъ добрый герцогъ; видимъ очень ясно,
Какъ государь заботится объ насъ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Въ его глазахъ должны быть всѣ равны;
Однихъ другимъ опъ жертвовать не можетъ

ИЗЛАНИ.

Не оттого-ли гонить императоръ
Въ пустыню насъ стеречь своихъ овечекъ?

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(насмѣшливо).

Сравненье это сдѣлали вы, графъ,—
Не я.

ИЛО.

Объ насъ дворъ судить очень жёстко;
Но если правъ онъ въ мнѣніяхъ своихъ,
Опасно намъ давать тогда свободу.

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(гнѣвно).

И не дана свобода вамъ, а вами
Присвоена; и крѣпкою уздою
Ее смирить пришла теперь пора.

ИЛО.

Смирять придется дикаго коня!...

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Искусный всадникъ умирить его.

ИЛО.

Хозяинъ прежній властенъ лишь надъ нимъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Съ конемъ ручнымъ ребенокъ совладеетъ.

ИЛО.

Вы и ребенка, кажется, нашли.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Не объ лицѣ заботьтесь, а о долгѣ.

БУТТЛЕРЪ

(который до сихъ поръ, вмѣстѣ съ Пикколомини, стоялъ въ сторонѣ, но съ видимымъ участіемъ слѣдилъ за разговоромъ, подходитъ ближе).

Германія наполнена войсками:

Здѣсь въ лагерѣ найдется тысячь тридцать,

Въ Силезіи на кантониръ - квартирахъ

Отрядъ въ шестнадцать тысячь размещенъ,

На Везерѣ, на Рейнѣ и на Майнѣ

Полковъ съ десятокъ, въ Швабіи ихъ шесть,

Въ Баваріи — въ отрядѣ противъ Шведовъ —

Полковъ двѣнадцать вѣрно наберется;

Я не считаю войскъ по гарнизонамъ.

Довольно ихъ, какъ видите! — А кто

Начальники надъ этимъ войскомъ?

Кто далъ мѣста имъ? — герцога Валленштейнъ!

Они одной воспитанники школы,

Одна ихъ грудь вскормила молокомъ,

Одинъ въ нихъ духъ, одно въ нихъ сердце бьется!

Имъ служба — все: и родина и домъ;

Сюда сошлись, какъ чуждые пришельцы;

Ихъ не ведетъ любовь къ отчизнѣ въ бой.

Такихъ, какъ я, вы тысячи найдете:

Мы служимъ здѣсь, въ странѣ для насъ чужой.

Съ войскахъ имперскихъ больше половины

Изъ войскъ чужихъ найдете бѣглецовъ:

Ихъ привело не знамя, а добыча, —

И все равно, служили-бы они

Подъ шведскимъ львомъ, подъ знаменемъ трехъ лилій,

Или подъ сѣнью римскаго орла.

И всѣ они одной рукѣ покорны,

Одна любовь къ вождю ихъ уравнила,

Въ *одинъ* народъ сплотила ихъ она.
Его слова — святой законъ для всѣхъ.
Какъ молнія, по тучѣ изгибаясь,
Летить по небу съ чудной быстротой,
Такъ мысль его по всюду проникаетъ.
И внемлютъ ей въ странахъ суровыхъ Бельта,
На свѣтлой Эчи чудныхъ берегахъ
И даже тамъ — среди столицы вашей —
Въ почетной стражѣ около дворца!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Какой же смыслъ пространной вашей рѣчи?

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

А вотъ какой, что общее довѣрье
Не такъ легко къ другому перейдетъ,
Что первый тотъ, котораго изъ Вѣны
Захочетъ дворъ намъ милостиво дать —
Онъ не замѣнитъ войску Валленштейна.
Еще свѣжо на памяти у всѣхъ
Какъ герцогъ сталъ начальникомъ надъ войскомъ.
Что императоръ? Новаго вождя
Онъ далъ войскамъ давно уже готовымъ —
Не такъ-ли? Войска не было у васъ;
Создать его былъ Валленштейнъ обязанъ.
Не императоръ *далъ* ему войска,
А отъ него самъ *принялъ* ихъ въ подарокъ!
Не имъ въ вожди былъ данъ намъ Валленштейнъ,
А императоръ данъ намъ Валленштейномъ!
И онъ одинъ привязываетъ насъ
Къ знамёнамъ этимъ — онъ нашъ полководецъ!

О К Т А В І О

(становится между ними).

Его слова должны напомнить вамъ,

Что въ лагерѣ межъ воинами вы.
Солдаты мы: свобода намъ пужна;
У насъ слова, какъ и поступки, смѣлы....

(Указывая на Буттлера.)

Нашъ храбрый Буттлеръ — лучший вамъ примѣръ!
Что на словахъ онъ выказалъ предъ вами
Теперь, то доказать съумѣлъ онъ и на дѣлѣ:
Онъ спасъ намъ Прагу мужествомъ своимъ,
Когда въ войскахъ мятежъ кровавый вспыхнулъ.

(Слышна вдали военная музыка)

И л л о.

Она! она! — Вы слышите салюты? —
Княгиня, значить, прибыла въ нашъ лагерь!

О К Т А В І О

(Квестенбергу).

И съ ними Максъ мой: онъ ихъ провожаетъ.

И з о л а н и

(Илло).

Я къ нимъ иду! Не хочешь-ли со мной?

И л л о.

Готовъ идти! И Буттлеръ вѣрно съ нами?

(Обращаясь къ Октавіо.)

Не позабудьте: встрѣтиться должны
Сегодня мы у герцога съ министромъ.

(Уходятъ.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ОКТАВІО. КВЕСТЕНБЕРГЪ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(съ изумленіемъ).

Что долженъ былъ я выслушать здѣсь съ вами,
Мой другъ! Какія мысли! Что за духъ!
Ну, если онъ таковъ-же въ цѣломъ войскѣ!

ОКТАВІО.

Три четверти такъ думаютъ у насъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Что дѣлать намъ? Гдѣ взять другое войско,
Чтобы въ порядкѣ это удержать?
Боюсь я Илло: думаетъ онъ хуже,
Чѣмъ говорить; а Буттлеръ и скрывать.
Не въ силахъ даже злыхъ своихъ желаній.

ОКТАВІО.

За Буттлера ручаться я готовъ.
Въ немъ говоритъ обиженная гордость—
Не больше! Вѣрьте: Буттлеръ будетъ нашъ!

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(ходитъ съ волненіи взадъ и впередъ).

Я вижу, другъ, мы горько ошибались!
Нѣтъ! въ Вѣнѣ мы не знали вашихъ дѣлъ!
Онѣ ужасны! Въ страшномъ ослѣпленьи
Мы были всѣ. Всемошняго вождя,
Средь войскъ ему покорныхъ, не видали;
Судили мы объ немъ издалека.
Совсѣмъ другое здѣсь!

Не Фердинандъ для войска императоръ.
Здѣсь императоръ — герцогъ Валленштейнъ!
Я съ вами шелъ по лагерю, и видѣлъ,
Что больше нѣтъ надежды никакой.

О К Т А В І О.

Я это зналъ! — и видите вы сами,
Какъ тяжела обязанность моя,
Какъ скользокъ путь, указанный мнѣ вами,
Какъ роль моя опасна и низка.
Намекъ одинъ, пустое подозрѣнье —
И все тогда погибло для меня, —
И честь и жизнь... И герцогъ раздраженный
Скорѣй исполнить замыслы свои.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Какъ мы могли такъ страшно ошибиться?
Какъ мы могли довѣрчивы такъ быть?
Такую власть — такимъ рукамъ вручить, —
На честь безумца слѣпо положиться?
И лучшій здѣсь не могъ-бы устоять.
А для его души властолюбивой
Соблазнъ такой былъ слишкомъ силенъ. Онъ
Отвергнетъ дерзко наши повеленья;
Онъ можетъ имъ противиться — и будетъ.
О, непокорность явная его
Безсилье наше явно обнаружить!

О К Т А В І О.

Когда въ походъ намъ выступить пора,
Когда къ войнѣ готово все, супругу
И дочь къ себѣ онъ въ лагерь свой призывалъ.
Такой поступокъ сдѣланъ не безъ цѣли!
Онъ связи вѣрности послѣднія порвалъ;
Сюда залогъ послѣдній цѣнный вызвалъ.

Онъ сдѣлалъ все! Теперь свободенъ онъ,
И близокъ часъ рѣшительный возстанья!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Г Ъ .

Со всѣхъ сторонъ сближается гроза,
И отняты всѣ средства для защиты.
Давно враги придвинули войска
Къ границамъ нашимъ; Мейстеръ — на Дунаѣ;
Внутри гремитъ къ востанію призывъ;
Вездѣ народъ берется за оружье,
Повсюду ропотъ слышенъ, — а войска,
Послѣдняя защита и надежда,
Ото всего давно отчуждены,
Подкуплены, оторваны отъ долга,
И грабежу и буйству преданы:
Въ рукѣ коварной страшное орудье,
Въ безуміи готовое на все.

О К Т А В І О .

За чѣмъ спѣшить печальнымъ заключеньемъ?
Слова всегда смѣлѣе дѣль. И тотъ
Кто, кажется, на все уже готовымъ,
Бросаетъ вдругъ всѣ замыслы свои,
Какъ скоро ихъ увидить въ ясномъ свѣтѣ.
Пусть вспыхнетъ бунтъ! Не вовсе-жъ безъ защиты
Его мы встрѣтимъ гибельный напоръ.
Вы знаете, что Галласъ и Альтрингеръ
Командуютъ послушными войсками.
Не много ихъ, за то они сильнѣе
День ото-дня становятся. Въ распахъ
Напасть на насъ не можетъ онъ. Сѣтями
Со всѣхъ сторонъ опуталъ я его;
Малѣйшее движеніе мнѣ извѣстно;

Малѣйшій шагъ я бдительно слѣжу.
И герцогъ самъ мнѣ много открываетъ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Ужели онъ смертельнаго врага
Вблизи себя не могъ еще замѣтить?

О К Т А В І О .

Не думайте, чтобъ льстивыми словами
Я приобрѣлъ довѣренность его,
Что низкая угодливость снискала
У герцога мнѣ милость и любовь.
Велить мнѣ голосъ долга и разсудка
Облечь глубокой тайной передъ нимъ
Всѣ помыслы, но не хитрить лукаво!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Здѣсь видимая воля Провидѣнья!

О К Т А В І О .

Не знаю самъ, что къ сыну и ко мнѣ
Влечетъ его съ такою чудной силой.
Всегда друзья и братья по оружью
Мы были съ нимъ; привычка насъ сроднила
Уже давно; но помню я тотъ день,
Который насъ еще тѣснѣе сблизилъ,
И сердце мнѣ его открылъ.
То было утромъ въ самый день сраженья
Подъ Люценомъ. Какой-то странный сонъ
Меня встревожилъ смутно. Безотчетно
Пошелъ просить я герцога, чтобъ онъ
Другую лошадь взялъ съ собою въ битву.
Подъ деревомъ, отъ лагеря вдали,
Его нашелъ я спящимъ. Пробудившись,
Онъ выслушалъ внимательно меня,
Потомъ, въ какомъ-то странномъ изумленьи,

Въ глаза смотрѣлъ мнѣ долго и на шею
Растроганный мнѣ бросился. Заслуга
Ничтожная была такъ велика
Въ глазахъ его. И съ этихъ поръ, я вижу,
Растетъ ко мнѣ довѣренность его, —
И я его тѣмъ больше ненавижу!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Г Ъ.

Надѣюсь, сынъ вашъ знаетъ тайну?

О К Т А В І О.

Нѣтъ!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Г Ъ.

Ужели вы открыть ему боитесь,
Въ какихъ дурныхъ — опасныхъ онъ рукахъ?

О К Т А В І О.

Пусть будетъ онъ въ невѣдѣннѣ невинномъ!
Открытая душа чужда притворства!
Мой другъ, одно невѣдѣнье способно
Его души свободу охранить, —
И герцога оставить въ заблужденнѣ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Г Ъ

(съ участіемъ).

Достойный другъ! Я самъ того-же мнѣнья
О вашемъ сынѣ. Вѣрьте въ этомъ мнѣ!
Но, если онъ... Обдумайте...

О К Т А В І О.

Я долженъ

Оставить такъ. Но, тише, — онъ идетъ!...

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ. ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ. КВЕСТЕНБЕРГЪ.

МАКСЪ.

Ну, вотъ и самъ онъ здѣсь! Отецъ, здорово!

(Обнимаетъ его. Оборачься, видитъ Квестенберга и отступаетъ съ замѣтной холодностью.)

Ты занятъ съ нимъ? Не стану вамъ мѣшать.

ОКТАВІО.

Уже-ль его ты не узналъ? Вниманья,
Какъ старый другъ, заслуживаетъ онъ,
А какъ посоль — привѣта и почтенья!

МАКСЪ.

(холодно).

Фонъ - Квестенбергъ, примите мой поклонъ!
Надѣюсь, къ намъ вы съ добрыми вѣстями
Пріѣхали.

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(беретъ его за руку).

Не отнимайте, графъ,
Своей руки! Не знакъ пустой приличья,
Повѣрьте, этимъ выказать хочу.

(Беретъ обоихъ за руки.)

Октавіо и Максъ Пикколомини!

Какъ много славы въ этихъ именахъ!

Какимъ величіемъ звучать они! Я вѣрю,

Пребудетъ Австрія могуча и сильна,

Пока блещутъ спасительно надъ нею,

Какъ двѣ звѣзды, такія имена!

М а к с ъ.

Вы роль свою, мнѣ кажется, забыли.
Вы не хвалить пріѣхали сюда,
А порицать. Такъ я одинъ не стану
Отъ васъ похвалъ и лести принимать.

О К Т А В І О

(сыну).

Министръ сюда пріѣхалъ отъ двора,
Гдѣ герцогомъ довольны не всеѣмъ.

М а к с ъ.

Чего еще отъ герцога хотятъ?
За что его опять тамъ обвиняютъ?
Что онъ одинъ рѣшается на то,
Что, можетъ быть, одинъ онъ понимаетъ?
Что безотчетнымъ въ мнѣніяхъ своихъ
Онъ хочетъ быть? Не такъ онъ созданъ,
Чтобы другимъ уклончиво внимать,
Передъ другими робко изгибаться!
Нѣтъ, не таковъ онъ! Духомъ властелинъ,
Онъ и стоитъ на мѣстѣ властелина!
И благо намъ, что дѣйствуетъ онъ такъ!
Наука власти — трудная наука!
Не всеѣмъ она равно въ удѣлъ дана:
Она не многимъ избраннымъ доступна.
И благо всеѣмъ, когда въ срединѣ ихъ
Стоитъ одинъ — и мощно овладѣетъ
Толпой, покорной генію его;
И все къ нему, какъ къ центру, тяготѣетъ;
Для всѣхъ надежнымъ служить онъ щитомъ,
И съ радостнымъ довѣрьемъ все находятъ
Себѣ опору твердую въ одномъ.
Такимъ для насъ лишь Валленштейнъ быть можетъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ. ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ. КВЕСТЕНБЕРГЪ.

МАКСЪ.

Ну, вотъ и самъ онъ здѣсь! Отецъ, здорово!

(Обнимаетъ его. Оборачься, видитъ Квестенберга и отступаетъ съ замѣтной холодностью.)

Ты занять съ нимъ? Не стану вамъ мѣшать.

ОКТАВІО.

Уже-ль его ты не узналъ? Вниманья,
Какъ старый другъ, заслуживаетъ онъ,
А какъ посоль — привѣта и почтенья!

МАКСЪ.

(холодно).

Фонъ - Квестенбергъ, примите мой поклонъ!
Надѣюсь, къ намъ вы съ добрыми вѣстями
Пріѣхали.

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(беретъ его за руку).

Не отнимайте, графъ,
Своей руки! Не знакъ пустой приличья,
Повѣрьте, этимъ выказать хочу.

(Беретъ обоихъ за руки.)

Октавіо и Максъ Пикколомини!

Какъ много славы въ этихъ именахъ!

Какимъ величіемъ звучать они! Я вѣрю,

Пребудетъ Австрія могуча и сильна,

Пока блещутъ спасительно надъ нею,

Какъ двѣ звѣзды, такія имена!

М а к с ъ.

Вы роль свою, мнѣ кажется, забыли.
Вы не хвалить пріѣхали сюда,
А порицать. Такъ я одинъ не стану
Отъ васъ похвалъ и лести принимать.

О к т а в і о

(сыну).

Министръ сюда пріѣхалъ отъ двора,
Гдѣ герцогомъ довольны не совсѣмъ.

М а к с ъ.

Чего еще отъ герцога хотятъ?
За что его опять тамъ обвиняютъ?
Что онъ одинъ рѣшается на то,
Что, можетъ быть, одинъ онъ понимаетъ?
Что безотчетнымъ въ мнѣніяхъ своихъ
Онъ хочетъ быть? Не такъ онъ создашь,
Чтобы другимъ уклончиво внимать,
Передъ другими робко изгибаться!
Нѣтъ, не таковъ онъ! Духомъ властелинъ,
Онъ и стоитъ на мѣстѣ властелина!
И благо намъ, что дѣйствуетъ онъ такъ!
Наука власти — трудная наука!
Не всѣмъ она равно въ удѣлъ дана:
Она не многимъ избраннымъ доступна.
И благо всѣмъ, когда въ срединѣ ихъ
Стоитъ одинъ — и мощно овладѣетъ
Толпой, покорной генію его;
И все къ нему, какъ къ центру, тяготѣетъ;
Для всѣхъ надежнымъ служить онъ щитомъ,
И съ радостнымъ довѣрьемъ всѣ находятъ
Себѣ опору твердую въ одномъ.
Такимъ для насъ лишь Валленштейнъ быть можетъ!

Пускай себѣ другаго ищетъ дворъ!
Пускай себѣ!... не нужно намъ другаго!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Да! вѣрю я: для войска нуженъ онъ!

М А К С Ъ.

Какъ духъ во всѣхъ онъ пробудить умѣетъ —
Всему и жизнь и силу сообщить!

Какимъ искусствомъ дивнымъ онъ владѣетъ
Свободный путь для каждаго открыть!

При немъ себя все чувствуетъ сильнѣе,
И духъ себя свободнымъ сознаетъ;

При немъ талантъ не глохнетъ, а растетъ;
Всему при немъ и шире и вольнѣе.

Да, Валленштейнъ, какой-то чудной силой,
Умѣетъ всѣхъ привязывать къ себѣ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Согласенъ я, что знаетъ онъ людей,
Какъ средство, ихъ употреблять умѣетъ;

Но онъ въ своемъ господствѣ позабылъ,
Что онъ служить обязанъ, что рожденьемъ

Ему права господства не даны.

М А К С Ъ.

Какъ, не даны? Онъ всѣ права имѣетъ:
Вполнѣ достоинъ сана властелина,

Кто такъ умѣетъ властвовать, какъ онъ.
Таковъ законъ природы неизмѣнный! —

И онъ назначенъ выполнить его.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Такъ, стало быть, отъ милости его
Достоинства зависѣть будутъ наши?

М А К С Ъ.

Великому — великое довѣрье!

Ему пространство дайте вы, а цѣль
Онъ самъ себѣ отыщетъ.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Это видно
На опытѣ.

М А К С Ъ .

Вы таковы всегда!

Все, что глубоко — васъ страшить; вамъ нужно
Лишь только то, что мелко и ничтожно.

О К Т А В І О .

(Квестенбергу).

Оставьте, другъ! Не сладите вы съ нимъ.

М А К С Ъ .

Бѣда грозила — вызванъ вами геній! —
Явился онъ — и стало страшно вамъ!
Хотите вы, чтобъ дивное свершалось,
Какъ ежедневное. Тамъ на войнѣ,
Гдѣ губить насъ одна минута, долженъ
Одинъ все знать, господствовать надъ всѣми.
Законъ вождя — его великій духъ! —
Такъ пусть его одинъ онъ руководить.
Его глаголу долженъ онъ внимать,
Его живому слову, а не мертвымъ,
Гнилымъ, давно истлѣвшимъ письменамъ,
Или законамъ, дряхлымъ и отжившимъ!

О К Т А В І О .

Законы эти дороги, мой сынъ,
Для человѣка. Страшно угнетенный,
Смирилъ онъ ими буйный произволь
Своихъ тирановъ. Всюду своеволие
Губительно и страшно для людей.
А путь закона, какъ онъ не извилистъ,

Всегда прямой и безопасный путь.
Какъ страшно-прямо полеть ядра ужасный,
Лучъ молніи, — какъ прямо онъ летитъ —
И на пути все рушить, разрушаясь
Самъ въ тоже время! Путь людей, мой сынъ,
Идетъ спокойно по теченью рѣкъ,
Змѣится по среди долинъ, минуя
Поля покрытыя пшеницей и сады,
Чужое уважая. Такъ приводитъ
Она, хоть позже, но вѣрнѣе, къ цѣли.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

О, слушайте вы мудрые слова
Отца: герой и человекъ онъ вмѣстѣ!

О К Т А В І О .

Дитя войны въ тебѣ, Максъ, говорить.
Пятнадцать лѣтъ дышалъ ты ей одною,
И съ дѣтскихъ лѣтъ ты мира не видалъ.
Повѣрь мнѣ, Максъ, есть высшія заслуги,
Есть доблести и не въ одной войнѣ!
Не подвиги кроваваго насилья,
Минутной славы громкія дѣла,
Покойный быть и мирный созидаютъ.
На время свой холстинный городокъ,
Надолговѣчный, строить торопливо
Солдатъ себѣ; и закипаетъ тамъ,
На время, жизнь: торговля и движеніе
На улицахъ, на рынкахъ, площадяхъ;
Суда съ товаромъ рѣки покрываютъ.
Но поданъ знакъ — и исчезаетъ все! —
Непрочныя снимаются палатки,
И дальше тянутся не стройныя толпы...
Ихъ нѣтъ! А тамъ, гдѣ мирный поселянинъ

За тяжкій трудъ награды ждалъ — лежать,
Какъ терніемъ поросшее кладбище,
Одни пустыя, мертвыя поля!

МАКСЪ.

О, пусть дадутъ намъ миръ давно - желанный!
Охотно я кровавый лавръ войны
Отдать готовъ за майскую фіалку,
Душистый даръ воскресшей вновь земли!

ОКТАВІО.

Въ волненьи ты! Что сдѣлалось съ тобой?

МАКСЪ.

Ты говоришь: я мира не видалъ!
Нѣтъ, мой отецъ, я миромъ наслаждался:
Я видѣлъ тотъ счастливый край, куда
Еще война проникнуть не успѣла.
О, въ жизни есть такія наслажденья,
Которыхъ мы извѣдать не могли!
Вполнѣ прекрасной жизни мы не знали:
Однихъ ея пустынныхъ береговъ
Касались мы. Какъ племя кочевое
Грабителей на душномъ кораблѣ
По океану бурному блуждаетъ,
И въ отчужденіи дикомъ отъ людей,
Въ страхахъ большихъ одни заливы знаетъ,
Притонъ своихъ злодѣйствъ и грабежей,
Такъ чужды мы въ суровой жизни нашей
Всего, что есть святаго на землѣ.

ОКТАВІО

(становится внимательнѣе),

Твоя поѣздка многое открыла,
Мой сынъ, тебѣ,

МАКСЪ.

То въ жизни первый отдыхъ
Былъ для меня. Скажи мнѣ, гдѣ награда,
Гдѣ цѣль была тяжелаго труда—
Того труда, которому на жертву
Я съ дѣтскихъ лѣтъ былъ жизнью обреченъ?
Тотъ тяжкій трудъ мнѣ сердца не наполнилъ;
Душѣ моей онъ радостей не далъ.
Весь этотъ шумъ военный, вся тревога,
И трубный звукъ и ржаніе коней,
И по часамъ размѣренное время,
Однѣ и тѣ же вѣчныя слова
Команды: здѣсь для сердца нѣтъ отрады!
Въ пустыхъ занятяхъ пищи для души
Не можетъ быть! Нѣтъ, въ жизни существуютъ
Иныя радости, иное счастье!

ОКТАВІО.

Коротокъ былъ твой путь, а научился
Ты многому, — я вижу изъ всего.

МАКСЪ.

Прекрасный день тотъ скоро-ли настанетъ,
Когда вернется воинъ наконецъ
Домой къ себѣ, и снова въ мирной жизни,
Въ кругу семьи войну забудетъ онъ?
Въ послѣдній разъ распустятся знамѣна
И осѣнятъ желанный путь въ отчизну,
И тихій маршъ въ честь мира зазвучитъ.
Въ послѣдній разъ похитятся съ полей
Цвѣты, чтобъ шлемы воиновъ украсить.
Сами - собой, безъ пушекъ, безъ петардъ,
Отворятся ворота городскія.
Кругомъ народъ толпится на валу....

Вражды нѣтъ больше: всѣ друзья и братья!
Звучить веселый гулъ колоколовъ
На встрѣчу днямъ отраднымъ и счастливымъ
Шумя, спѣшить изъ селъ и деревень
Народъ веселый воинамъ на встрѣчу;
И въ нетерпѣньи радостномъ войскамъ
Проходу нѣтъ отъ счастливыхъ согражданъ.
Старикъ - отецъ у сына руку жметъ:
Опять онъ съ нимъ — и теплая молитва
Летитъ къ Творцу за чудный этотъ день!
Какъ бы чужой, изъ дальняго похода
Вернется воинъ въ брошенный имъ домъ.
Ему все ново. Юношей онъ помнитъ,
Росло тогда у дома деревцо,
Теперь оно могучими вѣтвями
Его покрыло. Съ краской на лицѣ
Идетъ ему красавица на встрѣчу,
А онъ ее груднымъ ребенкомъ видѣлъ.
О, счастливъ тотъ, кого объятья милой,
Съ любовью тихой, кротко обовьютъ!

КВЕСТЕНБЕРГЪ

(тронутый).

О, время то далеко, такъ далеко,
Что мы объ немъ не смѣемъ и мечтать!

МАКСЪ

(обратясь къ нему, съ жаромъ).

А кто виной? Не вы ли въ вашей Вѣнѣ?

Да, Квестенбергъ, я признаюсь вамъ, — сердце

Негодованьемъ сжалось во мнѣ,

Когда я васъ увидѣлъ предъ собою!

Давно въ душѣ желаетъ воинъ мира;

А вы одни войны хотите! Вы,

Вы жизнь вождя безбожно отравили!
Ему преграды ставили во всемъ,
И низко имя славное чернили!
За что? За то-ль, что миръ и тишина
Европы всей душѣ его дороже
Какихъ-нибудь двухъ-трехъ клочковъ земли?
Мятежникомъ его вы огласили
За то, что онъ Саксонію щадить,
За то, что хочетъ выиграть довѣрье
Онъ у враговъ. Одинъ лишь этотъ путь
Остался намъ. Придетъ ли миръ, когда
Одна война другую вызываетъ?..
Какъ я въ душѣ прекрасное люблю,
Такъ васъ открыто, прямо ненавижу!
Здѣсь передъ вами клятву я даю,
Что прежде за него, за Валленштейна,
По каплѣ кровь изъ сердца я пролью,
Чѣмъ васъ порадуетъ его паденье!

(Уходитъ.)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Квестенбергъ. Октавіо Пикколомини.

Квестенбергъ.

Что дѣлать намъ! Уже ли это такъ?

(Настойчиво и съ нетерпѣньемъ.)

И мы, мой другъ, въ подобномъ заблужденіи
Уйти ему отсюда позволяемъ?

Не кликаемъ назадъ? — ему теперь же
На все не открываемъ глазъ?

ОКТАВІО

(выходитъ изъ глубокой задумчивости).

Онъ самъ

Открылъ мнѣ все: и горькое узналъ я!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Скажите, что?

ОКТАВІО.

Проклятье пусть падетъ

На ту поѣздку!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Что-же это значить?

Откройте мнѣ! Понять я не могу!

ОКТАВІО.

Пойдемъ! Напасть на этотъ слѣдъ несчастный

Сейчасъ я долженъ.... все увидѣть самъ!...

И такъ — пойдемъ!

(Хочетъ его увести.)

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Куда идти намъ?

ОКТАВІО.

Къ ней!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Къ ней?

ОКТАВІО

(спохватившись).

Къ герцогу! Пойдемъ же! Я боюсь

Теперь всего. Я вижу ясно сѣти,

Которыми опутали его:

Не прежнимъ Максомъ возвратился онъ!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

ОКТАВІО.

И не могъ я,
Слѣпецъ, того предвидѣть? — отвратить?
Зачѣмъ молчалъ я! Правы были вы:
Предупредить я долженъ былъ его
Еще тогда.... Теперь ужь поздно стало!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Что поздно стало? Странно мнѣ, мой другъ,
Отъ васъ одни загадки только слышать.

ОКТАВІО

(спокойнѣ).

Скорѣ къ герцогу! идемъ скорѣ!
Ужь близокъ часъ, для вашего приема
Назначенный. Проклятье пусть падетъ
На ту поѣздку! вѣчное проклятье!

(Онъ уводитъ Квестенберга. Занавѣсъ опускается.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

Зала во дворцѣ герцога Фридландскаго.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

СЛУГИ разставляютъ кресла и стелятъ ковры. Нѣсколько времени спустя, входитъ астрологъ СЕНИ, одѣтый нѣсколько фонтастически: весь въ черное, какъ одѣвались итальянскіе доктора. Онъ останавливается посреди нѣ залы, съ бѣлымъ посохомъ въ рукѣ, которымъ обозначаетъ страны свѣта.

СЛУГА

(обходя сцену съ курильницей).

Кончайте-же скорѣе! Часовые
Ужъ строятся. Сейчасъ они придутъ.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Скажи, зачѣмъ малиновую залу
Оставили? Въ ней такъ свѣтло всегда.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Поди, спроси, что скажетъ математикъ?
Онъ говорить: не будетъ счастья въ ней.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Дурацкіе рассказы! Это значить
Людей морочить. Зала — будетъ залой,
Какъ ни хитри. Что мѣсто значить можетъ?

*

СЕНИ

(съ важностью).

Имѣть все значеніе на свѣтѣ!
А главное, важнѣйшее во всѣхъ
Земныхъ дѣлахъ — есть мѣсто, другъ, и время.

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Оставь его! Ты знаешь, герцогъ самъ
Во всемъ его желанья исполняетъ.

СЕНИ

(считаетъ кресла).

Одиннадцать! Несчастное число!
Поставьте здѣсь двѣнадцатое кресло.
Въ кругу двѣнадцать знаковъ — пять и семь;
Священные тѣ числа составляютъ
Двѣнадцать.

ВТОРОЙ СЛУГА.

А одиннадцать чѣмъ хуже,
Хотѣлъ-бы знать я?

СЕНИ.

Заповѣдей десять
Господь намъ далъ: здѣсь лишнее число.

ВТОРОЙ СЛУГА.

А почему считаете вы пять
Числомъ священнымъ?

СЕНИ.

Богъ далъ человѣку
Пять чувствъ души; далъ поравну ему
Добра и зла — и въ первый разъ въ пяти
Нѣтъ равновѣсія добраго и злаго.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Глупецъ!

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Оставь! Мнѣ слушать весело его.

О многомъ тутъ подумаешь невольно.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Ступай-те въ эту дверь! Они идутъ!

(Слуги поспѣшно уходятъ. Сени тихо слѣдуетъ за ними.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ГЕРЦОГИНЯ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы заѣзжали въ Вѣну, герцогиня?

Надѣюсь, тамъ венгерской королевѣ

Представились?

ГЕРЦОГИНЯ.

Императрицѣ также.

Обѣими допущены къ рукѣ

Мы были.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что.... какъ принялъ дворъ, что я

Жену и дочь въ свой лагерь вызываю

Зимой?

ГЕРЦОГИНЯ.

Согласно вашему желанью,

Поступокъ вашъ я объяснила тѣмъ,

Что дочери супруга вы избрали

И вызвали невѣсту, чтобъ женихъ

Передъ войной ее увидѣлъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Выборъ

Мной сдѣланный, старались-ли узнать?

ГЕРЦОГИНЯ.

Желали всѣ, чтобъ выборъ вашъ не палъ
На чуждаго по вѣрѣ и рождению.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А ты, скажи, кого-бы ты желала?

ГЕРЦОГИНЯ.

Своею волей только вашу волю
Привыкла я, вы знаете, считать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(послѣ минутнаго молчанія).

Какой пріемъ былъ при дворѣ вамъ сдѣланъ?

(Герцогиня потупляетъ глаза и молчитъ.)

Зачѣмъ скрывать? Скажите прямо все.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, мой супругъ! тамъ все перемѣнилось!

Теперь не то, что прежде было.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ!...

Ужели вамъ и прежняго почета
Не оказали?

ГЕРЦОГИНЯ.

Былъ онъ соблюденъ.

Достоинство, приличіе — все было

Въ поступкахъ ихъ; но не было того

Открытаго довѣрія, какъ прежде.

Его смѣнилъ холодный этикетъ.

И даже въ самой нѣжной ихъ пощадѣ

Скрывалася не прежняя любовь
Ко мнѣ, а чувство состраданья. Нѣтъ!
Дочь Гѣрраса, супруга Валленштейна
Совсѣмъ не такъ должна быть принята.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я думаю, открыто тамъ мои
Послѣдніе поступки порицали?

ГЕРЦОГИНЯ.

Ахъ, если-бъ это дѣлали они!
Давно ужъ я привыкла извинять
Васъ, убѣждать всѣхъ недовольныхъ вами....
Нѣтъ! васъ никто не порицалъ: молчали
Такъ тяжело, такъ грозно всѣ они.
О, вѣрьте мнѣ: то не былъ гнѣвъ минутный,
Иль легкая досада! Что-то здѣсь
Невыразимо-страшное таилось.
Бывало прежде королева
Венгерская меня обыкновенно
Своей любезной теткой называла....
Такъ дружески, прощаясь, обнимала...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Теперь забыла это?

ГЕРЦОГИНЯ

(отирая слезы, послѣ короткаго молчанія).

Обняла

Она меня.... Но такъ-ли прежде было!
Ужъ выходила, холодно простясь,
Я отъ нея.... и долго оставалась
Она въ раздумьи; быстро подошла
Потомъ ко мнѣ, и такъ тоскливо-грустно
Къ груди своей прижала...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(беретъ ее за руку).

О, зачѣмъ

Васъ это такъ тревожитъ? Успокойтесь.

Ну, что мои старинные друзья,

Графъ Лихтенштейнъ и Эггенбергъ, скажите?

ГЕРЦОГИНЯ

(качаетъ головой).

Что мнѣ сказать? — Я не видала ихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А что посоль испанскій? Заступался

Онъ за меня такъ горячо всегда.

ГЕРЦОГИНЯ.

Теперь за васъ ни слова не сказалъ онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И такъ — для насъ свѣтила *тѣ* померкли:

Такъ пусть намъ свѣтитъ собственный на свѣтъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

О, если только правда, что за тайну

Передаютъ другъ - другу при дворѣ,

Объ чемъ въ народѣ громко разсуждаютъ,

Объ чемъ ужъ патеръ Ламормэнъ намекомъ

Даетъ всѣмъ знать....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(поспѣшно).

Что? Патеръ Ламормэнъ?

Что говорить онъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Тò, что обвиняютъ

Васъ въ превышенъи власти, данной вамъ;

Въ умышленно - мятежномъ ослушанъи

Законной волѣ нашего двора.

Испанскій дворъ, Баварскій гордый герцогъ—
Открыто всѣ возстали противъ васъ,
Со всѣхъ сторонъ сильнѣе прежней буря
Сбирается надъ вашей головой.

Ужь говорятъ... Я и сказать не смѣю!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ
(съ нетерпѣніемъ).

Объ чемъ еще?

ГЕРЦОГИНЯ.

Объ новой....
(Она останавливается.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Новой?...

ГЕРЦОГИНЯ.

Худшей,
Чѣмъ прежняя, отставка.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Говорятъ?

(Ходитъ въ волненіи по комнатѣ.)

Пусть будетъ такъ! Насильно вызываютъ
Они меня на все теперь, на все!

ГЕРЦОГИНЯ
(обнимаетъ его съ умоляющимъ взоромъ).

О, если только можно все поправить
Смирениемъ, покорностью, мой другъ,
Пока есть время—сдѣлайте вы это!
Свой гордый духъ смирите передъ нимъ:
Вашъ императоръ онъ, вашъ повелитель!
Не стыдно вамъ склонится передъ нимъ!
Пусть чистые поступки клеветою
Людская злоба больше не чернить!
Заставьте ложъ смириться передъ правдой

И со стыдомъ умолкнуть передъ ней!
Друзей у насъ, вы знаете, не много.
Завидно счастье наше для людей.
Погибли мы совсемъ, когда лишить насъ
И императоръ милости своей!

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Графиня Терцкая *вводитъ за руку Принцессу*
Тэклу. *Презніе.*

Графиня.

Онъ не успѣлъ на дочь полюбоваться,
А ты опять въ заботахъ ужъ, сестра, —
И, кажется, не радостныхъ, какъ вижу?
Минута эта радости одной
Принадлежить, какъ первая, по праву.
Смотри, отецъ, вотъ здѣсь твое дитя!

(Тэкла робко подходитъ къ отцу и хочетъ поцѣловать его руку; онъ заключаетъ ее въ объятія, и долго смотритъ на нее, въ какомъ-то забвеніи.)

Валленштейнъ.

Сбылась моя завѣтная надежда!
Пусть вѣстникомъ она много счастья
Мнѣ будетъ!

Герцогиня.

Вы оставили ребенкомъ
Ее, когда такъ грозно повели
Свои войска на помощь государю.
Потомъ — окончень славный былъ походъ,

Но дочери вы больше не видали:
Въ монастырѣ, въ тиши она жила
Все это время.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ битвахъ и походахъ
Старались мы, съ оружіемъ въ рукахъ,
Доставить ей величіе земное,
И блескомъ славы увѣнчать. А тамъ,
Въ уединенныхъ кельяхъ монастырскихъ,
Природа - мать дѣлала свое:
Осыпала небесными дарами
Она ребенка щедрою рукой;
Дала ей въ даръ и красоты душевной
Святой залогъ.... И лучшія сбылись
Мои надежды: дочь моя достойна
Вполнѣ высокой участи своей.

ГЕРЦОГИНЯ

(дочери).

Дитя мое! отца ты не узнала?
Тебѣ лишь восемь лѣтъ было, когда
Въ послѣдній разъ ты видѣла его.

ТЭКЛА.

О, нѣтъ! отца узнала я сейчасъ!
Его такъ мало время измѣнило:
Онѣ все тѣ-же — милоя черты,
Какъ я тогда ихъ въ сердцѣ сохранила.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(герцогиня).

И какъ умна! — Прелестное дитя!
А я въ душѣ ропталъ на Провидѣнье,
Зачѣмъ оно мнѣ въ сынѣ не дало
Наслѣдника и имени и счастья:

Чтобъ онъ, по гордой линіи князей,
Продлилъ мою погаснувшую жизнь.
Несправедливъ былъ ропоть мой. Теперь
Я возложу вѣнокъ войны лавровый
На дѣвственно-прекрасное чело!
Пусть нѣкогда короной королевской
Замѣнится лавровый мой вѣнецъ:
Тогда съ любовью пышную корону
На дочь надѣнетъ радостный отецъ!

(Заключаетъ ее въ объятія; въ это время входитъ Пик-
коломини.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Максъ Пикколомини, и вскорѣ за нимъ
графъ Терцкій. Прежніе.

графиня.

А, вотъ и онъ, нашъ рыцарь и защитникъ!

валленштейнъ.

Дай руку, Максъ! Всегда ты для меня

Былъ вѣстникомъ лишь радости и счастья!

И, какъ зори счастливая звѣзда,

Теперь мнѣ вызвалъ солнце жизни.

максъ.

Герцогъ!...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Всегда цѣнилъ заслуги я твои, —
А награждалъ до сихъ поръ императоръ
Тебя за нихъ. Я былъ судьей только....
Теперь отецъ за дочь тебѣ обязанъ,
И самъ тебѣ заплатитъ долгъ онъ свой.

МАКСЪ.

Наградой вашей, князь, вы поспѣшили.
Я вами пристыженъ и огорченъ.
Едва успѣлъ пріѣхать я сюда,
Едва успѣлъ семейство ваше, герцогъ,
Вамъ передать, какъ дома ужъ награда
Меня отъ васъ богатая ждала:
Охотничьихъ прекрасныхъ лошадей
Прислали вы, какъ плату за труды мнѣ.
Да, герцогъ, да, не иначе, какъ плату!
И такъ — что я за милость для себя
Считалъ тогда, за что теперь съ любовью
Благодарить пришелъ васъ отъ души, —
Былъ только долгъ, обязанность, не больше!
Не думалъ я, чтобъ службой вы сочли,
Что для меня прекраснымъ счастьемъ было!

(Входитъ Терцкій и подаетъ герцогу письма; тотъ быстро развертываетъ ихъ и читаетъ.)

ГРАФИНЯ

(Максу).

Онъ высказать наградой той хотѣлъ,
Что вамъ обязанъ счастьемъ. Ваши чувства
Такъ хороши, такъ благородны, графъ!
Ихъ оцѣнить умѣетъ братъ. Быть щедрымъ
Велитъ ему и санъ его и долгъ.

ТАКЛА.

По вашему — и я бы сомнѣваться
Должна была въ любви его ко мнѣ:
Еще и сердца не успѣлъ открыть мнѣ
Онъ, какъ отецъ, а щедрая рука
Уже меня богато одарила.

МАКСЪ.

Да, вѣрю я — назначено ему
Довольными, счастливыми всѣхъ дѣлать!

*(Беретъ герцогиню за руку и продолжаетъ съ возраста-
ющимъ жаромъ.)*

О, высказать не въ силахъ даже я,
Какъ дорого мнѣ имя Валленштейна!
Какъ много сердцу говорить оно!
Ему готовъ принадлежать я вѣчно.
Да! скрыто въ этомъ имени одномъ
Все для меня: и счастье, и надежда!
Какъ будто съ нимъ въ одинъ волшебный кругъ
Судьба меня на вѣки заключила!

ГРАФИНЯ

*(заботливо наблюдавшая все время за братомъ, за-
мѣчаетъ, что онъ, прочитавъ письмо, задумался).*

Пойдемте! Брату нужно одному
Остаться здѣсь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

*(быстро оборачивается, принимаетъ спокойный видъ и
весело обращается къ герцогинѣ).*

Еще разъ, герцогиня,
Примите вы мой радостный привѣтъ!
Здѣсь, въ лагерѣ, вы полная хозяйка.
А ты при прежней должности своей

Останься, Максъ, пока мы здѣсь дѣлами
Займемся съ нимъ.

*(Максъ Пикколомини подаетъ руку герцогинь; графиня
уводитъ принцессу.)*

ТЕРЦКІЙ

(кричитъ ему вслѣдъ).

Прошу, графъ, не забыть,
Что вы должны присутствовать въ собраньи.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ТЕРЦКІЙ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(погруженный въ глубокую задумчивость, про себя).

Да, вижу я, правà она во всемъ! —

Они готовятъ близкую развязку:

Давно у нихъ все въ Вѣнѣ рѣшено;

Преемникъ мой давно у нихъ назначенъ,

И даже кто? — я знаю: Фердинандъ,

Король венгерскій. Въ немъ ихъ вся надежда;

Для нихъ свѣтило новое взошло.

Со мной хотятъ они окончить разомъ.

Они меня отверженнымъ сочли,

Наслѣдника мнѣ выбрали. Тѣмъ лучше!

Терять не станемъ времени и мы!

*(Оборачивается, замѣчаетъ Терцкаго, и подаетъ ему
одно изъ писемъ.)*

Графъ Альтрингеръ и Галласъ къ намъ не будутъ.

Не нравится мнѣ это!

ТЕРЦКІЙ.

Если медлить

Еще ты будешь — всѣ поступять такъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Графъ Альтрингеръ проходы занимаетъ
Тирольскіе.... Послать ему приказъ,
Чтобъ не пускалъ Испанцевъ изъ Милана.
Что намъ привезъ Сезина, переметчикъ,
Отъ графа Турна?

ТЕРЦКІЙ.

Графъ увѣдомляетъ,
Что канцлера онъ шведскаго нашелъ
На общемъ съѣздѣ, въ Гальберштадтѣ. Мало
Надежды здѣсь намъ. Канцлеръ говоритъ,
Что онъ усталъ вести переговоры.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что это значитъ?

ТЕРЦКІЙ.

То, что на слова
Твои не станеть больше полагаться:
Что одурачить Шведовъ хочешь ты,
Съ Саксонцами въ союзъ вступить, а послѣ
Ничтожной суммой думаешь отъ нихъ
Отдѣлаться.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Уже-ль они мечтали,
Что подѣлиться съ ними думалъ я?
Прекрасную Германію чтобъ отдалъ
Имъ на грабежъ! Чтобъ на родной землѣ
Чужая власть насъ наконецъ стѣснила!
Нѣтъ, прочь ихъ! прочь! Они здѣсь не должны,

Не смѣютъ здѣсь остаться: намъ сосѣдей
Такихъ не надо!

ТЕРЦКІЙ.

Почему жь не дать имъ
Клочка земли, была бы лишь чужая,
А не твоя? Когда свою игру
Ты выигралъ, тебѣ какое дѣло,
Кто проигрышъ обязанъ заплатить!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ, прочь ихъ! прочь! Ты этого не можешь
Понять! Не долженъ падать на меня
Упрекъ, что я, изъ видовъ личныхъ, низкихъ,
Германію на части раздробилъ,
Врагамъ ее на жертву предалъ, съ цѣлью
Себѣ измѣной часть ея купить.
Я долженъ быть имперіи защитникъ;
Какъ членъ, какъ князь имперскій, я займу
Въ ряду князей достойное мнѣ мѣсто;
Не допущу укорениться я
Въ имперіи властителямъ ей чуждымъ!
А эти Готы, эти пришлецы
Голодные, которые такъ жадно,
Съ такою низкой завистью глядятъ
На счастье нашей родины великой,
Они не могутъ, не должны здѣсь быть.
Я черезъ нихъ своей достигну цѣли,
А дѣлежа пускай не ждутъ они!

ТЕРЦКІЙ.

Я думаю, съ Саксонцами честнѣе,
Чѣмъ съ Шведами ты хочешь поступить?
Они давно терпѣнье потеряли.
Скажи, зачѣмъ не хочешь ты идти

Прямымъ путемъ? Къ чему всѣ эти маски?
Въ сердца твоихъ испытанныхъ друзей
Закралось ужь сомнѣніе. Ни Баннеръ,
Ни Оксенштирнъ понять никакъ не могутъ,
Чего ты ждешь такъ долго, такъ упорно.
Что-жь, наконецъ, я лгалъ имъ? Всѣ дѣла
Черезъ меня идутъ, а я ни разу
Не получалъ бумаги отъ тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я никому, ты знаешь, не даю ихъ.

ТЕРЦКІЙ.

Но какъ узнать намѣренья твои,
Когда дѣла не слѣдуютъ за словомъ?
Положимъ такъ: уластятъ все тебѣ,
И замыселъ, задуманный тобою,
Исполнишь ты при помощи враговъ,
Скажи же самъ, не значить ли все это,
Что ты въ душѣ на гибель ихъ обрекъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(нѣсколько времени молча и пристально смотритъ на него).

А почему ты знаешь, что на гибель
Давно въ душѣ враговъ я не обрѣкъ?
Что можетъ быть и вамъ ее готовлю?
Такъ хорошо не знаешь ты меня!...
Души своей тебѣ не открывалъ я,
И тайнъ ея не зналъ ты никогда.
Да, оскорбилъ глубоко императоръ
Теперь меня, и если бѣ я хотѣлъ —
Я могъ бы много зла ему надѣлать.
Отраднѣе мнѣ почувствовать имъ дать
Всю мощь мою; но захочу-ли я

Ее на дѣлѣ выказать — *объ этомъ*

И не тебѣ, и не другимъ судить!

ТЕРЦКІЙ.

Такъ, значить, нами ты игралъ доселѣ!

—

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе и Илло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну, что войска? Готовы ли онѣ?

ИЛЛО.

Войска давно настроены, согласно

Желанью твоему. Они узнали

Про волю государя и — шумять.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чью сторону графъ Изолани держать?

ИЛЛО.

О, этотъ твой и тѣломъ и душой,

Съ тѣхъ поръ, какъ ты помогъ его финансамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что говорятъ Коляльто, Деодать?

Увѣренъ ли вполне ты въ Тифенбахъ?

ИЛЛО.

Что скажутъ Пикколомини, то скажутъ

Они....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И такъ, ты думаешь, во всемъ

На нихъ могу я положиться?

ИЛЛО.

Если

Ты въ Пикколомини увѣренъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Эти

Всегда со мной: имъ вѣрю, какъ себѣ!

ТЕРЦКІЙ.

Желалъ бы я, чтобъ ты лисицѣ этой,

Октавіо по меньше довѣрялъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Людей моихъ цѣнить ужь предоставь мнѣ!

Шестнадцать разъ въ походахъ съ старикомъ

Я былъ. Притомъ судьбу его я знаю:

Мы подъ одной звѣздой съ нимъ родились.

Короче —

(таинственно)

тутъ есть собственная польза

Его. И такъ, когда ты за другихъ

Ручаться можешь....

ИЛЛО.

Въ станѣ — *общій* голосъ,

Что ты не долженъ войска покидать.

Къ тебѣ хотятъ, я слышалъ, депутатовъ

Прислать они.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

О, если я приму

Условия *ихъ* — пусть примутъ и мои!

ИЛЛО.

Конечно такъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Они должны мнѣ клятву

Безпрекословно дать и подписаться,

Что мнѣ служить готовы *безусловно*.

ИЛЛО.

Они дадутъ охотно.

ТЕРЦКІЙ.

Безусловно?

Свой долгъ предъ Австріей и государемъ
Они всегда удержатъ за собой.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(качая головой).

Нѣтъ! этого мнѣ мало! Безусловной
Я вѣрности потребую отъ нихъ.

ИЛЛО.

Есть у меня одно предположеніе....
Мнѣ помнится, сегодня намъ дастъ
Графъ Терцкій вечеръ?

ТЕРЦКІЙ.

Да, и генералы

Всѣ на него приглашены.

ИЛЛО

(Валленштейну).

Скажи,

Дашь ли мнѣ ты полную свободу
Такъ дѣйствовать, какъ я хочу! Тогда
Тебѣ согласье нашихъ генераловъ
Сегодня же доставлю, точно такъ,
Какъ ты хотѣлъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ихъ подписи доставь мнѣ;

А средства самъ для этого найди.

ИЛЛО.

Ну, если я своей достигну цѣли
(Какъ я достигну — дѣло ужь мое) —
И принесу тотъ актъ неоспоримый,

Что всѣ вожди, которыхъ созвалъ ты,
Тебѣ готовы слѣпо подчиниться —
Скажи, тогда захочешь ли и ты
Открыто, прямо дѣйствовать?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Доставь мнѣ

Ихъ подписи....

ИЛЛО.

Обдумай хорошо
Свои поступки! Волю государя
Не можешь ты исполнить никогда;
Войска свои нельзя тебѣ ослабить —
Къ Испанцамъ ихъ на помощь отослать.
Ты этимъ власть слагаешь добровольно,
Самъ въ руки ихъ ты предаешь себя.
Обдумай также, можешь ли ты явно
Пренебрегать приказами двора?
Стараться время выиграть и медлить
Нельзя тебѣ, когда не хочешь ты
Вступить съ дворомъ въ открытую вражду.
Одно изъ двухъ осталось тебѣ:
Или идти рѣшительно и смѣло
На встрѣчу имъ, иль робко выжидать,
Чтобы они на все рѣшились сами.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вѣрнѣе медлить, прежде чѣмъ рѣшиться
На этотъ шагъ.

ИЛЛО.

Настало это время!

О, не теряй напрасно ты его!
Такихъ минутъ немного въ жизни нашей
Дается намъ, — и дороги онѣ;

Глубокое значеніе въ нихъ скрыто;
Гдѣ что нибудь великое должно
Свершиться, тамъ всегда, какъ бы случайно,
Условья всѣ соединить судьба.
Разсѣяны на жизненномъ пути
Случайности счастливыя; но рѣдко,
И очень рѣдко встрѣтятся онѣ
Въ такомъ счастливомъ могутъ сочетаньи....
Смотри, какъ все во кругъ тебя значенья
Глубокаго исполнено; какъ все
Успѣхъ тебѣ и счастье предвѣщаетъ:
На твой призывъ сошлись всѣ сюда;
Все, что въ войскахъ есть лучшаго, собралось
Кругомъ тебя, какъ главнаго вождя.
Не допускай ты разойтись ихъ снова!
О, никогда въ другой разъ ужъ они
Въ такой кружокъ блестящій не сойдутся
Во кругъ тебя: измѣнчивъ ходъ войны.
Когда всѣ вмѣстѣ — мужество и сила
Растутъ въ душѣ у cadaго тогда;
Такъ нужно въ морѣ сильное теченье,
Чтобы поднять тяжелыя суда!
Еще теперь всѣ здѣсь они, а послѣ
По всѣмъ мѣстамъ разсѣетъ ихъ война;
Теперь одинъ въ нихъ общій духъ, а послѣ
Заглохнетъ онъ въ заботахъ мелочныхъ,
Въ ихъ интересахъ личныхъ онъ исчезнетъ.
И кто тогда останется одинъ,
Оторванный отъ общаго потока, —
Ничтожество, безсиліе свое,
Забытый всѣми, горько онъ сознаетъ,
И поневолѣ быстро онъ пойдетъ

По широко-проложенной дорогѣ
Обычая, да будничныхъ заботъ;
И счастливъ будетъ, если поскорѣе
Вернется онъ подъ свой родимый кровъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Еще теперь не время.

ТЕРЦКІЙ.

Говоришь

Всегда ты такъ. Когда-жъ оно настанетъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Когда скажу.

ИЛЛО.

О, будешь ты отвѣта
Отъ звѣздъ небесныхъ ждать, пока земное,
И безвозвратно, самъ ты неутратишь!
Повѣрь ты мнѣ: въ груди твоей сокрыта —
Въ тебѣ самомъ — звѣзда твоей судьбы.
Увѣренность, рѣшительность въ поступкахъ —
Вотъ, гдѣ твоя Венера, а злой врагъ
Есть у тебя одинъ: твое сомнѣнье!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ своихъ словахъ ты высказался весь!
Какъ часто, сколько разъ я объяснялъ
Тебѣ: Юпитеръ, свѣтозарный богъ,
Спускался внизъ, когда родился ты —
И тайнъ его ты разгадать не можешь.
Въ удѣлъ тебѣ земная тьма дана.
И также мрачно, какъ тотъ богъ подземный,
Который жизни путь твой озарялъ
Тогда своимъ свинцово-блѣднымъ свѣтомъ,
Обычное, земное только ты

И можешь видѣть; мудростью житейской
Вопросы жизни близкіе рѣшать.
Вотъ почему тебѣ я довѣряю,
Вотъ почему я слушаюсь тебя!
Но, что въ природѣ тайнаго сокрыто,
Что глубоко на днѣ ея лежитъ —
Ту лѣствицу, которая связуетъ,
Незримой связью, съ небомъ дольний міръ,
Гдѣ двухъ міровъ взаимное сношеніе
Свершается, при помощи однихъ
Духовъ небесныхъ, тайныхъ и незримыхъ —
Тотъ звѣздный міръ, гдѣ круги безъ числа
Въ своемъ движеніи вѣчномъ тяготѣютъ
Къ центральному свѣтилу — это все
Тотъ только видитъ окомъ просвѣтленнымъ,
Кому сіялъ надъ дѣтской колыбелью
Звѣздою свѣтозарною Юпитеръ.

*(Ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается въ раз-
думьи и продолжаетъ.)*

Небесныя свѣтила не однѣ,
По времени, свершаютъ перемѣны
Обычныя: смѣняютъ ночью день,
И зиму лѣтомъ; могутъ земледѣльцу
Посѣва, жатвы время указать....
И только? Нѣтъ! Дѣянья человека
Такой же, вѣрь, посѣвъ судьбы всемогущей:
На темной почвѣ будущаго, тайно
Посѣянный, растетъ и зрѣетъ онъ.
И- нужно здѣсь знать время для посѣва,
По звѣздамъ вѣрный срокъ опредѣлять,
Изслѣдовать небесныя пространства —
Не скрыть-ли тайно, гдѣ-нибудь, въ углу,

Злой геній нашъ, враждебный для растенья.
Вотъ почему вы время дайте мнѣ,
А сами все путемъ своимъ идите.
Еще теперь и самъ не знаю я
На что рѣшусь; но знаю, что смириться
Я не могу предъ ними никогда!
И не смирюсь! Лишить меня начальства
Не могутъ также — и за это вамъ
Ручаюсь я честью....

СЛУГА

(сходитъ).

Генералы!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Проси сюда.

ТЕРЦКІЙ.

Ты всѣхъ ихъ приглашаешь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ, этого не нужно. — Пусть придутъ
Октавіо и Максъ Пикколомини,
Караффа, Буттлеръ, Форгачъ, Деодатъ,
Графъ Изолани, Марадасъ — и только.

(Терцкій уходитъ вмѣстѣ съ слугою.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(Илло).

Слѣдишь-ли ты за Квестенбергомъ? Тайно
Не говорилъ-ли съ кѣмъ нибудь онъ?

ИЛЛО.

Нѣтъ!....

За нимъ довольно зорко наблюдалъ я:
При немъ всегда одинъ Октавій былъ.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Презніе, Квестенбергъ, оба Пикколомини, Буттлеръ, Изолани, Марадасъ и еще три генерала входятъ. По знаку Валленштейна Квестенбергъ садится противъ него; прочіе садятся по чинамъ. Минутное молчанье.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Цѣль вашего посольства, Квестенбергъ,
Извѣстна мнѣ, — и твердое рѣшеніе
Въ душѣ моей готово ужь давно.
Теперь сюда я созвалъ генераловъ:
Изъ ашихъ устъ услышать пусть они
Чего отъ насъ желаетъ императоръ.
И потому, позвольте васъ просить
Здѣсь высказать намъ ваше порученіе.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Извольте! — только помнить васъ прошу,
Что воля и достоинство монарха,
Не я, устами говорятъ моими.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вступленіе ваше можете оставить.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Когда его величество войскамъ
Изволилъ дать увѣнчаннаго славой,
Къ трудамъ войны привыкшаго вождя
(Фриландскій герцогъ былъ тотъ вождь великій),
Тогда у всѣхъ увѣренность была,
Что съ нимъ дается счастье и побѣда.
И, въ самомъ дѣлѣ, чудно оправдать

Сначала онъ всеобщія надежды:
Онъ смѣло встрѣтилъ шведскія войска,
Богемію очистилъ отъ Саксонцевъ.
И отдохнула бѣдная страна,
Когда враговъ, разсѣянныхъ по всюду,
Гнѣздившихся во всѣхъ ея углахъ,
На бой открытый вызвалъ полководецъ.
Противники, достойные его —
Рейнграфъ и Баннеръ, Бѣригардъ, Оксенштирна,
И самъ король, никѣмъ не побѣжденный, —
Всѣ здѣсь сошлись — и старый Нюренбергъ
Свидѣтель былъ кровавой этой битвы.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Скорѣе къ дѣлу!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Новаго вождя

Узнали всѣ, и ожили надеждой!
И измѣнилась самая война.
Не злоба больше съ злобою боролась;
Враговъ другимъ онъ средствомъ побѣдилъ:
Онъ мужествомъ ихъ смѣлость уничтожилъ,
Расчетомъ мудрымъ храбрость утомилъ.
Напрасны всѣ усилія ихъ вызвать
Его на битву: въ лагерьъ своемъ
Онъ остается грозно - неподвиженъ.
Онъ можетъ ждать; не могутъ ждать враги:
Болѣзни, голодъ медленно ихъ губятъ —
И трупами наполненъ лагерьъ ихъ.
Тогда король въ рѣшительную битву,
Въ отчаяньи, ведетъ свои войска....
Спасетъ ихъ честь одинъ кровавый приступъ!
Еще герой, никѣмъ не побѣжденный,

Себѣ онъ хочетъ грудью проложить
Черезъ твердыни страшныя дорогу,
Гдѣ каждый шагъ имъ гибелью грозитъ.
О, никогда такого нападенья,
Такой защиты не было нигдѣ!
И отступить съ разбитыми войсками
Онъ вынужденъ, — и ни клочка земли
Не могъ купить цѣною жертвъ кровавыхъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Увольте насъ то слушать изъ газетъ,
Что сами мы такъ страшно пережили.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Для порицанья присланъ я сюда,
А сердце хочетъ высказать хвалу!
Подъ Нюренбергомъ въ лагерѣ король
Утратилъ славу громкую свою,
И смерть въ долинахъ люценскихъ нашелъ...
И кто въ то время не былъ изумленъ,
Когда, во слѣдъ за этимъ днемъ великимъ,
Фридландскій герцогъ, словно побѣжденный,
Въ Богемію поспѣшно отступилъ,
Тогда-какъ юный Веймарскій герой
Франконію войсками наводнилъ,
Нигдѣ враговъ не встрѣтилъ, и свободно
Вплоть до Дуная путь себѣ открылъ,
И смѣло сталъ подъ самымъ Регенсбургомъ,
На страхъ и горе церкви проваславной.
Баварскій герцогъ, въ крайности ужасной,
Напрасно ищетъ помощи въ войскахъ!
Самъ императоръ проситъ полководца
Къ Баваріи на помощь поспѣшить;
Да! проситъ онъ, когда повелѣвать-бы,

Какъ государь, какъ властелинъ, онъ могъ
Напрасно все! Въ минуту общей нужды,
Внимаетъ герцогъ голосу вражды
И помнить только личныя обиды.
Когда все ждетъ спасенья отъ него,
Онъ мечь врагу старинному готовить....
И — падаетъ надежный Регенсбургъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Скажи мнѣ, Максъ, когда случилось это?
Мнѣ измѣнила память.

МАКСЪ.

Мы тогда
Въ Силезіи съ войсками были.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да!

Да! Точно такъ! Теперь я вспоминаю....
Зачѣмъ-же мы въ Силезію пошли?

МАКСЪ.

Изгнать оттуда Шведовъ и Саксонцевъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да! точно такъ! А я весь ходъ войны
Забылъ въ его разсказѣ!

(Квестенбергу.)

Продолжайте!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

На Одерѣ могли вознаградить
Безславныя потери на Дунаѣ.
Да! много было радостныхъ надеждъ,
Когда самъ герцогъ смѣло вывелъ въ поле
Войска, когда вступить въ неравный споръ
Рѣшились Аригеймъ и ничтожный Турнъ
Съ соперникомъ героя - короля!

И что-жь? — враги сошлись, какъ друзья,
Не для борьбы, а для сношеній мирныхъ.
Германія страдала отъ враговъ,
Подъ бременемъ войны изнемогала;
А наслаждался миромъ, тишиной
Одинъ счастливый лагерь Валленштейна.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нужна побѣда юному вождю:
Цѣною жертъ кровавыхъ покупаетъ
Онъ славу. — Мужъ, испытанный въ бояхъ,
Не увлечется въ битву безразсудно,
Чтобъ только міръ побѣдой удивить.
Разбить врага, ничтожнаго, какъ Аригеймъ,
Не много славы было для меня.
Германія нуждалась не въ побѣдахъ:
Другія средства нужны были ей.
Саксонцы тайно съ Шведами сносились....
Я это зналъ, и избралъ путь иной:
Враговъ хотѣлъ врагами я ослабить
И разорвать ихъ гибельный союзъ!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Не удался вашъ планъ — и запылала
Опять война. И здѣсь-то, наконецъ,
Воскресли вновь дни прежней, старой славы
Для герцога Фридландскаго: враги
Безъ выстрѣла, безъ бою положили
Предъ нимъ оружье на поляхъ Штейнау.
И здѣсь рукою Промысла правдивой
Былъ преданъ въ руки мстителямъ графъ Туринъ,
Зачинщикъ вѣчный бунтовъ и востаній,
Виновникъ этой гибельной войны!

Но встрѣтилъ онъ враговъ великодушныхъ:
Гдѣ казни ждалъ, нашелъ себѣ награду;
И государя врагъ закоренѣлый,
Осыпанный дарами, получилъ,
На гибель всѣмъ, отъ герцога свободу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(смыется).

Да, знаю, знаю!... Вы ужь занимали
Заране въ Вѣнѣ окна и балконы,
Чтобъ посмотрѣть, какъ Турна поведутъ
На эшафотъ. Я очень понимаю,
Что могъ безславно битву проиграть,
Но этого мнѣ Вѣнцы не простятъ —
Что зрѣлища пріятнаго лишилъ ихъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Уже давно Силезіи была
Побѣдою искуплена свобода;
Баварію пришла теперь пора
Изъ рукъ враговъ побѣдой славной вырвать.
И въ самомъ дѣлѣ, герцогъ наконецъ
Ведетъ туда войска свои; проходить
Богемію не торопясь, и вдругъ,
Еще врага въ лице не видя, быстро
Идетъ назадъ, и въ лагерь своемъ
Покойно ждетъ... И нашими войсками
Напрасно только бѣдная страна
Изнурена безъ пользы и безъ цѣли.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Безъ цѣли? Нѣтъ! Вы знаете-ль въ какомъ
Безвыходно - ужасномъ положеніи
Нашелъ я войско? Холодъ наступалъ,

А съ нимъ нѣжда и тысячи лишений.
Не стоять развѣ жалости войскà?
Зачѣмъ смотрѣть такъ жёстко, такъ сурово?
И безъ того довольно тяжела
Судьба солдата: только что приходитъ
Куда нибудь—и все бѣжить ужь прочь;
Уходить онъ — и страшныя проклятья
Съ собой уносить. Дастъ-ли кто нибудь
Кроху ему изъ чести, добровольно?
Все долженъ онъ насильно брать — и вотъ,
Что дѣлаетъ солдата ненавистнымъ
Для всякаго. А онъ-ли виновать?
Здѣсь генералы всѣ мои: спросите,
Исправно-ли давали мы войскамъ
Обычную ихъ плату даже?

БУТТЛЕРЪ.

Зà годъ

Не выдавали жалованья имъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А безъ него солдатъ служить не можетъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Совсѣмъ другое герцогъ говорилъ
Лѣтъ зà восемь, иль зà девять, я помню.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Моя вина, я знаю! — государя
Къ такому взгляду самъ я пріучилъ!
Тому лѣтъ девять, въ датскую войну,
Я войско, тысячъ въ сорокъ-пятьдесятъ,
Собралъ бесплатно въ помощь государю —
И грознымъ имя сдѣлалъ я его
На берегахъ Балтійскихъ отдаленныхъ.

О, не забуду время это я!
Имперія цѣнить тогда умѣла
Мои дѣла, — и Альбрехтъ Валленштейнъ,
Быть можетъ, былъ въ коронѣ Фердинанда
Одинъ изъ камней самыхъ дорогихъ!
Но все прошло! На Регенсбургскомъ Сеймѣ
Открылась тайна: поняли тогда,
Кто долженъ былъ огромныя издержки
Взять на себя. Позвольте васъ спросить,
Какая-жъ мнѣ готовилась награда,
За то, что я, какъ вѣрный вашъ слуга,
Проклятіе и ненависть народовъ
Навлекъ, изъ вашихъ выгодъ, на себя?
За то, что я общественною пользою
Пожертвовалъ для славы одного?
За это я врагамъ моимъ былъ выданъ!
Отставленъ былъ съ позоромъ и стыдомъ!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Вы, герцогъ, сами знаете, какъ мало
Свободенъ былъ на Сеймѣ государь.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

И все имѣлъ, чтобъ дать ему свободу!
Нѣтъ, Квестенбергъ, по опыту узналъ я,
Какъ дурно цѣнить службу нашу дворъ,
И съ этихъ поръ, повѣрьте мнѣ, на службу
Я научился иначе смотрѣть.
Пусть облеченъ я волей государя,
Его рукой, въ высокій санъ вождя,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ я главою
Имперскихъ войскъ, — и дѣйствовать хочу
Для блага всѣхъ, во имя общей пользы,

А не для личныхъ выгодъ одного.
Скорѣй же къ дѣлу! Прямо говорите,
Чего отъ насъ желаетъ дворъ?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Во первыхъ,
Его величеству угодно, чтобъ войска
Немедленно вы вывели отсюда.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Теперь? Зимой ихъ вывести? И куда
Вести мнѣ ихъ?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Туда, гдѣ непріятель!
Еще до Пасхи хочетъ императоръ
Свой Регенсбургъ опять свободнымъ видѣть;
Желаетъ онъ, чтобъ въ храмъ вѣковомъ
Не раздавался голосъ иновѣрца,
Чтобъ въ день великій святость празднества
Не осквернялась ересью презрѣнной!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ

(обращаясь къ генераламъ).

Скажите вы, исполнить этотъ планъ
Мы можемъ-ли?

Н Л О .

Нѣтъ! это не возможно!

Б У Т Т Л Е Р Ъ .

Нельзя намъ это сдѣлать!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Императоръ
Ужъ далъ приказъ, чтобы полковникъ Сюи
Къ Баваріи подвинулъ свой отрядъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Что-жъ сдѣлалъ Сюи?

О, не забуду время это я!
Имперія цѣнить тогда умѣла
Мои дѣла, — и Альбрехтъ Валленштейнъ,
Быть можетъ, былъ въ коронѣ Фердинанда
Одинъ изъ камней самыхъ дорогихъ!
Но все прошло! На Регенсбургскомъ Сеймѣ
Открылась тайна: поняли тогда,
Кто долженъ былъ огромныя издержки
Взять на себя. Позвольте васъ спросить,
Какая-жъ мнѣ готовилась награда,
За то, что я, какъ вѣрный вашъ слуга,
Проклятiе и ненависть народовъ
Навлекъ, изъ вашихъ выгодъ, на себя?
За то, что я общественною пользою
Пожертвовалъ для славы одного?
За это я врагамъ моимъ былъ выданъ!
Отставленъ былъ съ позоромъ и стыдомъ!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Вы, герцогъ, сами знаете, какъ мало
Свободенъ былъ на Сеймѣ государь.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

И все имѣлъ, чтобъ дать ему свободу!
Нѣтъ, Квестенбергъ, по опыту узналъ я,
Какъ дурно цѣнить службу нашу дворъ,
И съ этихъ поръ, повѣрьте мнѣ, на службу
Я научился иначе смотрѣть.
Пусть облеченъ я волей государя,
Его рукой, въ высокій санъ вождя,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ я главою
Имперскихъ войскъ, — и дѣйствовать хочу
Для блага всѣхъ, во имя общей пользы,

А не для личныхъ выгодъ одного.
Скорѣй же къ дѣлу! Прямо говорите,
Чего отъ насъ желаетъ дворъ?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Во первыхъ,
Его величеству угодно, чтобъ войска
Немедленно вы вывели отсюда.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Теперь? Зимой ихъ вывести? И куда
Вести мнѣ ихъ?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Туда, гдѣ непріятель!
Еще до Пасхи хочетъ императоръ
Свой Регенсбургъ опять свободнымъ видѣть;
Желаетъ онъ, чтобъ въ храмъ вѣковомъ
Не раздавался голосъ иновѣрца,
Чтобъ въ день великій святость праздниества
Не осквернялась ересью презрѣнной!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ

(обращаясь къ генераламъ).

Скажите вы, исполнить этотъ планъ
Мы можемъ-ли?

Н Л Л О .

Нѣтъ! это не возможно!

Б У Т Т Л Е Р Ъ .

Нельзя намъ это сдѣлать!

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Императоръ
Ужъ далъ приказъ, чтобы полковникъ Сюи
Къ Баваріи подвинулъ свой отрядъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Что-жъ сдѣлалъ Сюи?

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Тò, что долженъ былъ....

Онъ выступилъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Онъ выступилъ? Въ то время,
Когда ему я строгій далъ приказъ
Не трогаться съ назначеннаго мѣста!
Такъ вотъ какъ чтутъ велѣнья полководца!
Вотъ послушанье, должное ему!
А безъ него чего намъ ждать отъ войска?
Вы судьями здѣсь будьте, господа!
Кто, презрѣвши присягой, самовольно
Оставилъ постъ, имъ занятый, скажите,
Что заслужилъ по вашему онъ?

И Л Л О .

Смерть!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ

(видя, что все молчатъ, возвышаетъ голосъ).

Графъ Пикколомини, что заслужилъ онъ?

М А К С Ъ

(послѣ долгаго молчанья).

Какъ говорятъ законы наши — смерть!

И З О Л А Н И .

Смерть!

Б У Т Т Л Е Р Ъ .

Смерть ему! — вотъ приговоръ по праву!

(Квестенбергъ встаетъ. Вслѣдъ за нимъ встаетъ Валленштейнъ и все остальные.)

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Не я, законъ свой судъ надъ нимъ изрекъ!
И если я виновнаго прощаю —

Изъ уваженья это одного
Къ лицу монарха.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Вижу по всему я,
Что роль моя здѣсь кончена совсѣмъ.

В А Л Л Е И Ш Т Е Й Н Ъ .

Не безъ условій принялъ я начальство
Надъ арміей — и первое изъ нихъ:
Чтобы никто, ни даже императоръ,
Не могъ мѣшать мнѣ въ дѣйствіяхъ моихъ.
Когда и честь и жизнь свою я отдалъ
Въ залогъ успѣха, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ
И я одинъ главою войскъ остаться.
Вы знаете-ль, чѣмъ былъ непобѣдимъ,
Чѣмъ такъ великъ Густавъ былъ? Властелиномъ
И *королемъ* онъ въ *войскъ* былъ своимъ.
И только тотъ могъ въ битвахъ съ нимъ быть равнымъ,
Кто также власть съ нимъ равную имѣлъ!
Такъ къ дѣлу! Мы не все еще узнали:
Отъ насъ вы скрыли лучшее.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ .

Весной

Ишпантъ испанскій выйдетъ изъ Милана
И въ Нидерланды войско поведетъ.
Такъ государь желаетъ восемь конныхъ
Полковъ ему на помощь отослать
Изъ вашихъ войскъ.

В А Л Л Е И Ш Т Е Й Н Ъ .

Прекрасно! Понимаю!

Изъ войскъ моихъ? О, патеръ Ламормэнь,
Удачна ваша выдумка! И право,
Не будь она такъ дьявольски хитра,

Я отъ души надъ ней-бы посмѣлся!
Да, восемь тысячъ конницы? Ну, что-же?
Расчетъ не дурень: можно и подумать.

К В Е С Т Е Н Б Е Р Г Ъ.

Объ чемъ тутъ думать? Дѣйствовать вамъ такъ
Велитъ нужда, совѣтуетъ разсудокъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Что жъ, господинъ посланникъ, развѣ я
Не замѣчаю, какъ вамъ надоѣло
Въ рукахъ моихъ такъ долго оставлять
Опасный мечъ. Ужели я не вижу,
Что случая вѣдь только ждали вы....
Что вамъ войска испанскія служили
Пустымъ предлогомъ войско уменьшить,
Другую власть со мной поставить рядомъ,
И тѣмъ меня ослабить и стѣснить.
Не такъ легко меня вы отстраните:
Для этого довольно силенъ я.
Вы договоръ нашъ, кажется, забыли:
Мнѣ одному имперскія войска
Въ Германіи должны повиноваться,
Мнѣ одному, гдѣ-бъ ни были онѣ.
А объ войскахъ испанскихъ, да инфантахъ,
Которые пожалуютъ сюда,
Не сказано ни слова въ договорѣ.
Такъ вы его хотите обойти:
Сперва меня ослабить по немногу,
А тамъ ненужнымъ сдѣлать, чтобъ потомъ
Со мной, какъ съ лишнимъ, вовсе расчитаться!
Зачѣмъ-же вы такой избрали путь?
Къ чему всѣ эти дальніе обходы?
Скажите лучше прямо, что для васъ

Мой договоръ стѣснителенъ, что хочетъ
Давно моей отставки императоръ.
Такъ что жъ? Его желанья я исполню.
Еще сюда не пріѣзжали вы,
А я въ душѣ на это ужъ рѣшился.

*(Между генералами поднимается волненіе, которое съ
каждой минутой возрастаетъ.)*

Мнѣ только жаль товарищей моихъ:
Не знаю я, кто имъ тогда заплатитъ
За старую ихъ службу? кто тогда
Имъ прежнее ихъ жалованье выдастъ?
Другое войско явится, а съ нимъ
Другіе люди; прежняя-же плата
Забудется, какъ водится всегда.
Въ моихъ войскахъ довольно чужеземцевъ:
Я не смотрѣлъ, при выборѣ людей,
На вѣру ихъ, не рылся въ родословныхъ.
Я храбрости и чести въ нихъ искалъ.
Теперь совсѣмъ другое будетъ! Впрочемъ,
Довольно! Я все, кажется, сказалъ.

(Садится.)

МАКСЪ.

Не дай Богъ, если такъ зайдетъ далеко:
Поднимется вся армія тогда
Въ возстаніи ужасномъ! Императоръ
Несчастье самъ готовитъ для себя.
Нѣтъ, этого не можетъ быть!

ИЗОЛАНИ.

Не можетъ!

Или тогда все рушиться должно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты угадалъ, мой вѣрный Изолани:

Все неизбѣжно рушиться должно,
Все, что такъ долго, прочно созидаль я!
Что-жь? явится, быть можетъ, новый вождь!
Вокругъ него, по первому призыву
Трубы военной, явятся войска
Со всѣхъ сторонъ на службу государю!

МАКСЪ

(заботливо переходитъ отъ одного къ другому и старается ихъ успокоить).

О, выслушай меня, мой полководецъ!
Тебя прошу, тебѣ я заклинаю:
Возьми назадъ рѣшеніе свое,
Пока въ совѣтѣ общемъ не обсудимъ,
Что дѣлать намъ. Пойдемъ-те же, друзья!
Въ душѣ моей живетъ еще надежда,
Что будетъ все по прежнему опять.

ТЕРЦКІЙ.

Идемъ-те всѣ! Въ пріемной залѣ встрѣтимъ
Мы остальныхъ товарищей.

БУТТЛЕРЪ

(Квестенбергу).

Когда

Вы отъ меня совѣтъ принять хотите,
Такъ не кажитесь войску вы теперь.
Повѣрьте мнѣ! — не то отъ оскорбленій
Васъ не спасетъ и ключъ вашъ золотой.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Совѣтъ хорошъ. — Октавіо, ты будешь
За безопасность гостя отвѣчать.

Фонъ-Квестенбергъ, прощайте! до свиданья!

(Замѣтя, что Квестенбергъ хочетъ говорить.)

Не говорите больше объ дѣлахъ:

Мы кончили. Исполнили вы долгъ свой,
Какъ слѣдуетъ. Повѣрьте, я умѣю
Людей цѣнить, помимо службы ихъ.

*(Въ то время, какъ Октавіо съ Квестенбергомъ хотятъ
уйти, врываются въ комнату Гецъ, Тифенбахъ,
Коляльто, сопровождаемые еще другими начальни-
ками.)*

ГЕЦЪ.

Гдѣ онъ? Гдѣ тотъ, который полководца....

ТИФЕНБАХЪ

(вмѣстѣ).

Что мы узнали? — хочешь ты отъ насъ....

КАЛЯЛЬТО

(также).

Съ тобой хотимъ мы жить и умереть!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(съ важностью указывая на Илло).

Фельдмаршалъ вамъ мою объявить волю.

(Уходитъ.)

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Комната.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Илло. Терцкій.

ТЕРЦКІЙ.

Скажите мнѣ, какъ думаете вы
Уговорить всѣхъ нашихъ генераловъ,
За ужиномъ сего дня у меня?

ИЛЛО.

А вотъ какъ: мы составимъ съ вами актъ,
Что герцогу мы всѣ единодушно
Служить готовы тѣломъ и душой,
Ни нашихъ силъ, ни крови не жалѣя,
Не нарушая вѣрности притомъ
И клятвы, нами данной государю.
Замѣьте вы: условіемъ такимъ
Мы ихъ умы и совѣсть успокоимъ.
Теперь смотрите: этотъ договоръ
Еще въ началѣ вечера прочтемъ имъ;
Его, повѣрьте, примутъ безъ труда,

И на него легко всё согласится;
А тамъ, къ концу, когда вино у всѣхъ
Сердца раскроетъ, чувства отуманить,
Легко намъ будетъ дать имъ подписать
Подложный листъ, гдѣ прежняго условья,
Само собой, не будетъ ужь.

Т Е Р Ц К І Й.

И вы

Надѣетесь, что вѣрными останься
Они присягѣ этой захотять,
Когда увидятъ послѣ, какъ безстыдно
Ее у нихъ мы выманили?

И Л Л О.

Что-же?

Они во всякомъ случаѣ попались!
Пускай кричатъ, что хитрость тутъ была.
Вѣдь дворъ повѣритъ подписямъ ихъ больше,
Чѣмъ клятвамъ, самымъ искреннимъ. А разъ
Въ глазахъ двора ослушниками ставши —
Невольно ими сдѣлаться должны.
Покрайней мѣрѣ доброе вѣдь дѣло,
Хоть изъ нужды, да сдѣлаютъ они.

Т Е Р Ц К І Й.

Мнѣ все равно, скорѣй-бы только къ дѣлу,
Чтобъ съ мѣста только сдвинуться-бы намъ.

И Л Л О.

Тогда не очень много будутъ значить
И генералы наши. Для меня
Довольно, если герцога увѣримъ,
Что преданы они ему. Я знаю,
Увѣренный въ ихъ помощи, онъ станетъ

Рѣшительнѣе дѣйствовать, и этимъ
Ихъ увлечетъ невольно за собой.

Т Е Р Ц К І Й.

Къ нему иной разъ трудно примѣниться!
То онъ врагамъ ввѣряется своимъ,
Съ Аригеймомъ, съ Турномъ сноситься открыто,
Участникомъ въ намѣреньяхъ своихъ
Такъ безразсудно дѣлаетъ Сезицу,
То иногда, по цѣлымъ онъ часамъ,
Объ тайныхъ планахъ съ нами разсуждаетъ.
Иной разъ я повѣрить ужь готовъ,
Что нашъ совсѣмъ онъ, — вдругъ онъ ускользаетъ
Изъ нашихъ рукъ — и кажется тогда,
Что цѣль свою онъ прежнюю оставилъ.

И Л Л О.

Онъ цѣль свою оставилъ? Никогда!
Повѣрьте мнѣ — одной онъ ею занятъ,
И днемъ и ночью думаетъ объ ней;
Объ ней одной онъ звѣзды вопрошаетъ.

Т Е Р Ц К І Й.

Да, это такъ! Сегодня даже ночью
Въ завѣтной башнѣ, вмѣстѣ съ астрологомъ,
Запретя онъ, чтобъ дѣлать наблюденья.
Я слышалъ такъ: что будто эта ночь
Полна для нихъ глубокаго значенья,
Что на небѣ великое для нихъ,
Чего они такъ долго ожидали,
Должно свершиться....

И Л Л О.

Пусть-бы на землѣ
Свершилось только! Наши генералы
Полны теперь усердія къ вождю;

Онъ дорогъ имъ, я знаю, и готовы
На все они, чтобъ удержать его.
А это лучший поводъ для возстанья—
Невинный самый, будто для того,
Чтобъ удержать за герцогомъ начальство.
А тамъ, какъ скоро дѣло закипитъ,
И лишній шагъ не трудно будетъ сдѣлать.
Пусть только герцогъ будетъ убѣжденъ
Въ ихъ искренномъ содѣйствіи; пусть только
Повѣритъ ихъ готовности.... А я
Устрою такъ, что долженъ онъ повѣритъ....
Тогда и онъ надеждой на успѣхъ,
Повѣрьте мнѣ, невольно увлечется.
Хоть шагъ онъ сдѣлай — въ Вѣнѣ не простятъ
Ему: онъ это знаетъ хорошо —
Тогда его заставить ужь нужда
Идти впередъ, врагамъ своимъ на встрѣчу.
Въ началѣ онъ колеблется всегда,
Всегда ступить онъ первый шагъ боится;
А сдѣланъ онъ — по прежнему къ нему
И духъ его и бодрость возвратится.

ТЕРЦКІЙ.

А непріятель этого и ждетъ,
Чтобъ противъ насъ возстановить все войско.

И Л Л О.

Пойдемъ-те! Время дорого для насъ.
Мы въ эти дни такъ много можемъ сдѣлать,
Такъ далеко подвинуть наше дѣло,
Какъ прежде-бы и въ годы не успѣли.
Пусть только здѣсь все счастливо пойдетъ,
Такъ и по звѣздамъ счастье вѣрно будетъ.

Идемъ-же къ нашимъ. Надобно ковать
Пока еще желѣзо не остыло.

ТЕРЦКІЙ.

Идите, Илло! Долженъ подождать
Я здѣсь жену. У насъ свои есть мѣры,
На всякій случай: если гдѣ нибудь
Порвется сѣть, такъ было-бъ чѣмъ поправить.

ИЛЛО.

Графиня такъ лукаво усмѣхалась....
Что съ ней у васъ?

ТЕРЦКІЙ.

На время — это тайна.
Но, тише! Къ намъ жена моя идетъ.

(Илло уходитъ.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФЪ и ГРАФИНЯ ТЕРЦКІЕ, которые выходятъ
изъ кабинета. Потомъ СЛУГА и за нимъ ИЛЛО.

ТЕРЦКІЙ.

Ну, что? идетъ? Такъ я его не стану
Удерживать....

ГРАФИНЯ.

Пришли его скорѣй.
Она сейчасъ здѣсь будетъ.

ТЕРЦКІЙ.

Я не знаю,

Поправится-ли герцогу, что мы
Рѣшились сдѣлать? Знаешь, онъ объ этомъ
Всегда скрывалъ намѣренья свои.
Уговорила ты меня, смотри-же:
Не заходи ужь слишкомъ далеко.

ГРАФИНЯ.

Я за свои поступки отвѣчаю.

(*Про себя.*)

Здѣсь полномочія не нужно мнѣ. Безъ словъ
Мы хорошо другъ друга понимаемъ.
И, кажется, не трудно угадать,
Зачѣмъ онъ дочь сюда въ свой лагерь вызвалъ?
Зачѣмъ онъ Макса именно избралъ?
Зачѣмъ его за Тэклою послалъ онъ?
А мнимая помолвка съ женихомъ,
Котораго никто еще не знаетъ?...
Другихъ ты этимъ можешь обмануть
А не меня! Я цѣль твою узнала —
Но не тебѣ здѣсь дѣйствовать. О, нѣтъ!
Въ такой игрѣ ты слишкомъ нескусецъ.
Я здѣсь должна, какъ жепщина, во всемъ
Помочь тебѣ — и ты не ошибешься
Въ сестрѣ своей!

СЛУГА

(*входитъ.*)

Пожаловали на домъ
Къ вамъ генералы.

(*Уходитъ.*)

ТЕРЦКІЙ

(*графинь.*)

Максу постарайся

Ты хорошенько голову вскружить.
Ты сдѣлай такъ, чтобъ онъ не долго думалъ
При подписи.

Г Р А Ф И Н Я .

Къ гостямъ своимъ ступай!
И присылай сюда его скорѣе.

Т Е Р Ц К І Й .

Зависитъ все отъ подписи его.

Г Р А Ф И Н Я .

Иди къ гостямъ!

И Л Л О

(возвращается).

Гдѣ это вы, графъ Терцкій?
Ужъ полонъ домъ — хозяина всѣ ждуть.

Т Е Р Ц К І Й .

Иду, иду!

(Графиня.)

Чтобъ былъ онъ здѣсь не долго,
А то старикъ начнетъ подозрѣвать.

Г Р А Ф И Н Я .

Напрасно ты заботишься!...

(Терцкій и Илло уходятъ.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Графиня Терцкая. Максъ Никколомини.

МАКСЪ

(робко осматриваясь).

Графиня,

Могу ли я войти?

(Останавливается по срединѣ комнаты и безпокойно смотритъ во кругъ.)

Ее здѣсь нѣтъ?

Такъ гдѣ-жъ она?

ГРАФИНЯ.

Смотрите хорошенько :

Она, быть можетъ, спряталась въ углу,
За ширмами.

МАКСЪ.

Ахъ! вотъ ея перчатки!

(Хочетъ схватить ихъ; графиня беретъ ихъ къ себѣ.)

О, какъ вы злы! Вамъ весело, должно быть,
Обманывать и мучить такъ меня!

ГРАФИНЯ.

Такое мнѣнье, вѣрно, я отъ васъ
За всѣ мои заботы заслужила!

МАКСЪ.

О, еслибъ вы почувствовать могли,
Какъ тяжело мнѣ на сердцѣ! Съ тѣхъ поръ,
Какъ мы сюда пріѣхали, я долженъ
Расчитывать малѣйшія движенья,
Все взвѣшивать—и взгляды и слова!
Нѣтъ! къ этому я, право, не привыкъ!

Г Р А Ф И Н Я.

Вы здѣсь должны ко многому привыкнуть,
Прекрасный другъ мой! Какъ ни тяжело,
А принести вамъ надо эту жертву.
Съ такимъ условьемъ только и могу,
Повѣрьте мнѣ, для васъ я быть полезной.

М А К С Ъ.

Но гдѣ-жъ она? Зачѣмъ ее здѣсь нѣтъ?

Г Р А Ф И Н Я.

Вы мнѣ должны довѣриться вполнѣ.
И кто-же вамъ желаетъ здѣсь добра,
Такъ искренно, какъ я его желаю?
И потому не долженъ знать никто,
Никто, ни даже вашъ отецъ, объ этомъ —
И вашъ отецъ особенно.

М А К С Ъ.

О, здѣсь

Нѣтъ никого, кому-бъ я могъ повѣрить,
Что такъ волнуетъ радостно меня!
Здѣсь для меня чужіе всѣ! Скажите,
Ужели все такъ измѣнилось здѣсь?
Иль я одинъ на столько измѣнился,
Что не осталось даже для меня
И тѣни прежнихъ радостей и счастья?
Бывало, всѣмъ я въ этомъ самомъ мірѣ
Доволенъ былъ; теперь же такъ ничтожно,
Такъ пусто всё! Товарищи мои
Мнѣ нестерпимы сдѣлались, и даже
Съ отцомъ своимъ я словъ не нахожу.
Занятъ, служба прежняя — все стало
Такой пустой бездѣлкой для меня!
Я вѣрю, тоже чувствовать должна-бы

Земную жизнь отжившая душа,
Когда-бъ она изъ свѣтлаго жилища,
Пріюта вѣчной радости, опять
Къ своимъ земнымъ занятьямъ воротилась,
Къ игрушкамъ дѣтскимъ, суетнымъ дѣламъ,
Къ своимъ привычкамъ прежнимъ и связямъ,
И къ жизни той, съ которой разлучилась:
Къ ничтожно-жалкой жизни всѣхъ людей!

Г Р А Ф И Н Я .

И въ эту жизнь ничтожную должны вы
Поглубже вникнуть: многое теперь
Свершается въ ней важнаго.

М А К С Ъ .

Я вижу,
Къ чему-то здѣсь готовятся: вездѣ,
Вокругъ меня, тревога и движенье;
А тамъ, когда готово будетъ все,
Тамъ очередь дойдетъ и до меня.
Вы знаете-ль, графиня, гдѣ я былъ?
Послушайте, но безъ насмѣшки только!
Весь этотъ шумъ вокругъ меня, толпа
Знакомыхъ лицъ, наскучившихъ мнѣ страшно,
Ихъ преданность занятьямъ мелочнымъ,
И пошлыя ихъ шутки — все невольно
Мнѣ возмущало душу; я страдалъ!
Мнѣ тѣсно здѣсь, мнѣ душно становилось;
Измученный, отсюда я бѣжалъ:
Душа искала мирнаго пріюта —
И только тамъ я снова счастливъ былъ,
И только въ эти чудныя минуты,
Вдали отъ всѣхъ, я снова сердцемъ жилъ!
Не смѣйтесь-же: я въ церкви былъ, графиня!

*

Этот монастырь отъ насъ недалеко:
Туда пошелъ сегодня я молиться.
Я былъ одинъ; никто не развлекалъ
Молитвъ моихъ. Маріи-Дѣвы образъ
У алтаря висѣлъ передо-мною;
Пречистый ликъ былъ грубо нарисованъ,
Но я пришелъ у ногъ Ея искать
И радостей и скорби раздѣленья.
О, сколько разъ случалось видать
Мнѣ Дивную во всѣмъ Ея сіяньи,
Когда въ нѣмомъ восторгѣ передъ ней
Склонялось все въ священномъ созерцаньи, —
И — оставался холоденъ я къ Ней!
А здѣсь моя молитва смыслъ имѣла
И, какъ любовь, чиста она была!

Г Р А Ф И Н Я.

О, наслаждайтесь счастьемъ вы своимъ,
И цѣлый міръ въ блаженствѣ позабудьте!
А между тѣмъ заботливо беречь
Васъ будетъ дружба! Ввѣрьтесь-же ей смѣло —
И къ счастью вы найдете путь прямой.

М А К С Ъ.

Но гдѣ-жъ она? О, чудное то время,
Когда, съ утра до поздней ночи, я
Съ ней вмѣстѣ былъ! Ни срока, ни часовъ
Не знали мы: казалось, что для насъ
И время вѣчный бѣгъ остановило.
Нѣтъ! не вполне тотъ счастливъ человѣкъ,
Когда часами счастье онъ считаетъ.
Кто безгранично - счастливъ — для того
Ни времени, ни срока не бываетъ!

ГРАФИНЯ.

Скажите мнѣ, когда она узнала
Объ вашихъ чувствахъ?

МАКСЪ.

Только что сегодня.

ГРАФИНЯ.

Сегодня только—въ эти двадцать дней?

МАКСЪ.

На станціи послѣдней это было
За Непомукомъ, въ замкѣ томъ, гдѣ вы
Догнали насъ. Стояла на балконѣ
Со мной она, и съ грустію, безъ цѣли
Мы на поля пустынные смотрѣли;
А мимо насъ тянулись драгуны,
Которыхъ герцогъ выслалъ для конвоя.
Боязнь разлуки тяготила сердце,
И, трепеща, сказалъ я наконецъ:
«Взгляните, все здѣсь сердцу говорить,
«Что скоро долженъ съ счастьемъ я разстаться.
«Васъ дома встрѣтитъ любящій отецъ,
«Друзей, знакомыхъ новыхъ вы найдете,
«И буду я, затерянный въ толпѣ,
«Опять чужимъ для васъ!» — Поговорите
Съ графиней Терцкой! — быстро такъ прервала
Она меня.... И слышно какъ дрожалъ
Ея прекрасный голосъ, и покрылось
Румянцемъ яркимъ чудное лице,
И взоръ ея, опущенный стыдливо,
Поднявшись тихо, встрѣтился съ моимъ.
О, тутъ я все забылъ — и въ иступленьи
(Въ эту минуту Тэкла показывается въ дверяхъ и оста-
навливается. Графиня ее видитъ, а Никколомини—нѣтъ.)

Ее въ свои объятья заключилъ,
Уста мои слились съ ея устами....
Но въ это время шорохъ сзади насъ
Заставилъ насъ невольно разлучиться.
И тотчасъ къ намъ, графиня, вы вошли.
Что было послѣ, знаете вы.

Г Р А Ф И Н Я

(послѣ минутнаго молчанія, бросаетъ украдкой взглядъ на Тэклу).

Что-же

Такъ скромны вы, такъ мало любопытны,
Что не хотите даже и спросить
И о моей вы тайнѣ?

М А К С Ъ.

Вашей тайнѣ?

Г Р А Ф И Н Я.

Я думаю, хотѣлось-бы вамъ знать,
Что дѣлала племянница въ то время,
Когда я къ ней печально вошла!
Что, можетъ быть, въ ту первую минуту
Волненія душевнаго, она
Въ порывѣ страсти....

М А К С Ъ

(перебиваетъ ее).

Что-же? Говорите!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ТЭКЛА *входитъ поспѣшно.*

ТЭКЛА

(*графиня*).

Позвольте тетушка! Ему пріятнѣй будетъ
Услышать это отъ меня.

МАКСЪ

(*отступаетъ*).

Графиня,

Что вы меня заставили сказать!

ТЭКЛА

(*графиня*).

Давно онъ здѣсь?

ГРАФИНЯ.

Давно, и скоро долженъ
Уйти отъ насъ. А гдѣ-же были вы?

ТЭКЛА.

Опять въ слезахъ я мать свою застала.

Она страдаетъ, бѣдная! а я? —

Я счастлива, и ей помочь не въ силахъ!

МАКСЪ

(*смотритъ на нее съ восхищеніемъ*).

Опять могу свободно я теперь

Смотрѣть на васъ, по прежнему, а утромъ

Не могъ я: блескъ нарядовъ дорогихъ

Для глазъ моихъ васъ дѣлалъ недоступной.

ТЭКЛА.

Зачѣмъ-же вы смотрѣли на меня

Холодными глазами, а не сердцемъ?

МАКСЪ.

Когда я васъ въ объятіяхъ отца,
Въ кругу родныхъ и близкихъ вашихъ видѣлъ,
И я одинъ чужой для всѣхъ васъ былъ, —
О, какъ хотѣлось въ эту мнѣ минуту
Обнять, какъ сыну, вашего отца,
Отцомъ своимъ назвать его съ любовью!
Но взглядъ его суровый удержалъ
Во мнѣ порывъ невольнаго влеченья.
И этотъ блескъ, и пышный вашъ нарядъ —
Все робостью мнѣ душу наполняло.
Зачѣмъ-же это сдѣлалъ вашъ отецъ?
Зачѣмъ-же онъ при первой встрѣчѣ вздумалъ
Такъ рѣзко васъ отъ прочихъ отдѣлить,
Какъ жертву васъ убрать, и тяжесть сана
На чистую вамъ душу наложить?
Пускай любовь искать по всюду смѣетъ
Любви себѣ, но этотъ пышный блескъ....
Однимъ царямъ онъ можетъ быть доступенъ!

ТЭКЛА.

Ни слова болѣ! Этотъ маскарадъ
И мнѣ наскучилъ! Видите: какъ скоро
Съ усталыхъ плечъ я сбросила его.

(Графинѣ.)

Скажите мнѣ, зачѣмъ онъ такъ печаленъ?
О, это вы разстроили его!
Онъ былъ другой, совсѣмъ другой въ дорогѣ:
Такъ веселъ онъ, такъ кротко-счастливъ былъ!

(Максу.)

Такимъ всегда желала-бъ я васъ видѣть!
Зачѣмъ-же вы хотите быть другимъ?

МАКСЪ.

Вы здѣсь нашли объятія отца,
Здѣсь новый міръ теперь васъ окружаетъ,
Покорный вамъ, и новостью своей
Васъ многое невольно увлекаетъ.

ТЭКЛА.

О, это правда! Столько для меня
Есть чуднаго во всемъ, что я здѣсь вижу:
И этотъ шумно-движущійся станъ....
Какъ живо онъ душѣ напоминаетъ
Знакомыя картины дѣтскихъ лѣтъ!
Во мнѣ теперь все прошлое воскресло,
Дѣйствительнымъ и вѣрнымъ стало то,
Что прежде сномъ прекраснымъ мнѣ казалось.

МАКСЪ.

За то, какъ сонъ, и счастье все мое
Исчезло въ томъ, что васъ такъ увлекаетъ:
Вдали отъ всѣхъ, въ небесной высотѣ,
Душа моя парила это время;
Но вдругъ спустилась на землю она,
И эта связь, которая опять
Меня къ прошедшей жизни возвращаетъ,
Меня съ моимъ блаженствомъ разлучаетъ!

ТЭКЛА.

Свѣтлѣе жизнь должна казаться намъ,
Когда есть въ сердцѣ истинное благо,
И радостно отъ жизненныхъ тревогъ
Въ душѣ своей пріютъ тогда находимъ.

(Продолжаетъ шутливымъ тономъ.)

О, сколько я въ короткій этотъ срокъ
Здѣсь новаго и страннаго узнала!

Но самымъ главнымъ чудомъ для меня
Здѣсь кажется таинственный нашъ замокъ:
Въ немъ столько есть чудеснаго!

ГРАФИНЯ.

Не знаю,

Какое въ немъ вы чудо отыскали:
Здѣсь каждой темный уголь мнѣ извѣстенъ.

ТЭКЛА

(съ усмѣшкой).

Къ нему дорогу духи стерегутъ,
И у дверей поставлены два грифа.

ГРАФИНЯ

(смѣется).

А, знаю! это башня астролога.
Но странно мнѣ, какъ вы туда вошли:
Ее всегда такъ зорко охраняютъ.

ТЭКЛА.

Мнѣ двери отперъ маленькій старикъ,
Сѣдой совсѣмъ, съ лицомъ такимъ открытымъ.
Онъ такъ привѣтливъ, ласковъ былъ со мной.

МАКСЪ.

А, это Сени, здѣшній астрологъ.

ТЭКЛА.

Онъ обо многомъ спрашивалъ меня:
Въ какой и день и мѣсяцъ я родилась;
Хотѣлъ узнать часъ ночи, или дня....

ГРАФИНЯ.

Онъ гороскопъ хотѣлъ для васъ составить

ТЭКЛА.

И руку онъ разсматривалъ мою;

Задумчиво качалъ такъ головою;
Казалось, что линіи моей
Руки ему не нравились.

ГРАФИНЯ.

Скажите,
Что-жъ въ этой залѣ видѣли вы? Долго
Не оставалась въ ней я никогда.

ТЭКЛА.

Какъ странно я была изумлена,
Когда въ нее, при полномъ блескѣ утра,
Вошла я вдругъ и въ страшной темнотѣ
Среди огромной залы очутилась!
И слабо такъ глубокій мракъ ея
Какимъ-то страннымъ свѣтомъ освѣщался.
Въ срединѣ залы статуи царей
Огромныя стояли полукругомъ.
Въ рукахъ у каждой скипетръ царскій былъ,
И на челѣ звѣзда у нихъ сіяла.
Отъ этихъ звѣздъ и свѣтъ весь исходилъ.
Старикъ сказалъ, что статуи тѣ были
Небесныя планеты: какъ цари
Всесильныя, онѣ располагають
Судьбой людей. Всѣхъ ближе отъ меня
Стоялъ старикъ, съ лицомъ сурово-мрачнымъ,
Съ звѣздою мутно-желтой на челѣ.
То былъ *Сатурнъ*; съ другаго края первымъ
Былъ грозный *Марсъ*, закованный въ броню;
Багровыми лучами осѣнялось
Его чело.... и эти божества
Всегда почти враждебны человѣку.
Но возлѣ *Марса*, съ кротостью въ лицѣ,
Здѣсь женщина прекрасная стояла

И кротко такъ на женственномъ челѣ
Ея звѣзда счастливая сіяла.
Въ другомъ концѣ, на лѣвой сторонѣ,
Стоялъ крылатый вѣстникъ ихъ *Меркурій*;
А посреди, какъ властелинъ боговъ,
Съ челомъ царя, серебрянымъ сіяньемъ
Блисталъ *Зевесъ*, богъ счастья для отца,
И *мѣсяцъ* съ *солнцемъ* вокругъ его стояли.

МАКСЪ.

О, никогда не стану порицать
Я этой вѣры въ звѣзды и планеты
И въ тайное могущество духовъ!
О, нѣтъ! не *гордость* только человѣка
Духами міръ весь хочетъ заселить,
И въ жизнь ввести таинственныя силы.
Нѣтъ! также тѣсепъ любящей душѣ
Покажется нашъ міръ обыкновенный!
О, вѣрьте мнѣ, что въ сказкахъ дѣтскихъ лѣтъ
Есть столько же глубокаго значенья,
А можетъ быть и больше, чѣмъ во всѣхъ
Тѣхъ истинахъ, которымъ опытъ жизни
Современемъ такъ горько учить насъ.
А свѣтлый міръ чудеснаго? Онъ только
Даетъ отвѣтъ восторженной душѣ,
Уноситъ насъ въ далекія пространства,
Которымъ нѣтъ предѣла и конца, —
И тамъ, въ роскошной области мечтаній,
Въ забвеньи сладкомъ носится нашъ духъ,
Любовь живѣтъ въ волшебномъ мірѣ сказокъ!
Ей нравится чудесный этотъ миръ
Незримыхъ фей, духовъ и талисмановъ.
Она сама есть искра божества,

Такъ можетъ-ли богамъ она не вѣрить!
Давно ужъ нѣтъ тѣхъ сказочныхъ существъ —
Съ земли исчезло чудное ихъ племя.
Но свой языкъ для сердца нуженъ былъ;
Оно тотъ міръ таинственный любило,
И въ прежнія названья воплотило
Любимыя имъ прежде существа!
И тѣ, что прежде спутниками жизни
Такъ радостно намъ были на землѣ,
Теперь въ надзвѣздный міръ переселились
И съ высоты небесной, какъ друзья,
Всѣмъ любящимъ привѣтъ свой посылаютъ.
Я вѣрю—намъ приносить и теперь
Все на землѣ прекрасное—*Венера*,
И все, что есть великаго—*Зевесъ*.

ТЭКЛА.

О, если въ этомъ знанье астрологовъ —
Я съ радостью готова раздѣлить
Ихъ свѣтлое ученье! Какъ отрадна,
Какъ сладостна для сердца эта мысль,
Что въ высотѣ небесъ необозримой,
Изъ свѣтлыхъ звѣздъ, вѣнокъ любви для насъ
Ужъ былъ сплетенъ до нашего рожденья!

ГРАФИНЯ.

Съ цвѣтами вмѣстѣ тернія тамъ есть
На свѣтломъ небѣ! Счастливы тѣ люди,
Кому онѣ въ вѣнокъ не попадутъ!
Что связано Венерой благодатной,
То Марсъ враждебный можетъ разорвать.

МАКСЪ.

Часъ пробилъ царству гибельнаго Марса!
Благословенъ да будетъ первый шагъ,

Который князь ступилъ на встрѣчу мира!
Пусть лаврами увѣнчаный герой
Себя украситъ масличною вѣткой
И міру—миръ желанный подарить.
Великій духъ свой пусть онъ успокоитъ:
Довольно жилъ для громкой славы онъ,
Теперь онъ можетъ жизнью гражданина,
Вдали отъ всѣхъ, въ кругу семейномъ жить.
Въ его земляхъ есть столько чудныхъ замковъ —
И Рейхенбергъ, и Гитчинъ и Фридландъ,
Въ его лѣсахъ охотничьи засѣки
Доходятъ вплоть до исполинскихъ горъ.
И тамъ, ничѣмъ не связанный, свободный,
Онъ цѣль себѣ прекрасную найдетъ,
И міръ искусствъ, міръ свѣтлый, благородный,
Подъ свой покровъ высокій онъ возметъ.
Тамъ можетъ онъ небесныя свѣтила,
Среди занятій мирныхъ, наблюдать.
Когда-жъ въ борьбѣ могучія онъ силы
Души своею захочетъ испытать,
Тогда и здѣсь — съ врагомъ его достойнымъ —
Въ борьбу съ природой можетъ онъ вступить:
Отвести рѣку, взорвать скалу на воздухъ,
Широкий путь торговлѣ проложить.
А вечерами зимними рассказы,
Въ кругу друзей, о прежнихъ, славныхъ дняхъ....

ГРАФИНЯ.

О, нѣтъ! мой другъ, не думайте такъ скоро
Оставить мечъ свой: нуженъ онъ для васъ.
Дочь герцога, я думаю, достойна,
Чтобы ее съ оружіемъ въ рукахъ
Искали всѣ.

МАКСЪ

(быстро).

О, если бы наградой
Трудовъ и славы быть она могла!

ГРАФИНЯ.

Вы ничего не слышите? Какъ будто
Въ столовой залѣ спорять и шумять.

(Уходитъ.)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ТЭКЛА. Максъ Пикколомини.

ТЭКЛА

*(какъ только графиня вышла, быстро и таинственно
Пикколомини).*

Не вѣрь ты имъ! Они хитрятъ съ тобой.

МАКСЪ.

Ужель они рѣшились....

ТЭКЛА.

Здѣсь только

Вѣрь мнѣ одной, и больше никому.

У нихъ есть цѣль, цѣль скрытая, я вижу.

МАКСЪ.

Но, если такъ, зачѣмъ же было имъ

Намъ подавать надежду?

ТЭКЛА.

Я не знаю!

Но вѣрь мнѣ, Максъ, не думаютъ они

Объ нашемъ счастьи. Цѣль у нихъ другая.

МАКСЪ.

Къ чему намъ Терцкихъ? Развѣ у тебя
Нѣтъ матери? Какъ лучшему намъ другу,
Мы можемъ смѣло сердце ей открыть.

ТЭКЛА.

Да, мать моя и любить, и умѣть
Цѣнить тебя въ душѣ своей, повѣрь;
Но эту тайну важную не въ силахъ
Она скрывать, я знаю, отъ отца.
Беречь ея спокойствіе должны мы —
И передъ ней скрываться и молчать.

МАКСЪ.

Зачѣмъ тебѣ передъ отцемъ скрываться?
Ты знаешь-ли, что сдѣлать я хочу?
У ногъ его во всемъ ему признаться —
И онъ любовь благословить мою.
О, вѣрь, что такъ!.. Онъ прямъ и благороденъ,
И путь прямой сочувствіе себѣ
Всегда найдетъ въ душѣ его правдивой.
О, какъ глубоко-честенъ онъ и добръ!

ТЭКЛА.

Таковъ ты Максъ!

МАКСЪ.

Нѣтъ, ты его не знаешь,
А я живу съ нимъ вмѣстѣ десять лѣтъ.
О, сколько разъ случалось, что онъ дѣлалъ,
Чего никто надѣяться не могъ!
Ему-ль идти обычною стезею?
Чудесное лишь свойственно ему!
Для счастья всѣхъ назначено судьбою
Здѣсь жить ему, подобно божеству.
Кто знаетъ, Тэкла, можетъ быть признанья

Онъ только ждетъ отъ насъ съ тобой теперь,
И счастье наше, можетъ-быть, такъ близко!
Какъ? Ты молчишь? Ты этому не вѣришь?
Зачѣмъ такъ жёстко думать объ отцѣ?

ТЭКЛА.

О, нѣтъ! Мнѣ только кажется, что занять
Такъ много онъ, что некогда ему
Объ нашемъ счастьи думать.

(Беретъ его съ нѣжностью за руку.)

О, послушай:

Не пужно столько людямъ довѣрять!
За все мы будемъ Терцкимъ благодарны,
Но многого нельзя имъ открывать:
Для нашихъ чувствъ посредниковъ не нужно.

МАКСЪ.

О, будемъ-ли мы счастливы съ тобой!

ТЭКЛА.

А мы теперь несчастливы? А развѣ
Мой милый Максъ не мнѣ принадлежитъ,
И Тэклу онъ назвать своей не можетъ?
Въ душѣ твоей есть мужество, а я
Въ любви своей найти его съумѣю!
Послушай, Максъ, не слѣдовало мнѣ,
Я знаю, быть съ тобой такъ откровенной:
У свѣта есть условія свои —
И я отъ нихъ невольно отступилась;
Но гдѣ-бы могъ ты правду здѣсь найти,
Когда-бъ и я хитрить съ тобой рѣшилась?
Насъ случай свелъ на жизненномъ пути,
И связаны такъ тѣсно, неразрывно
Другъ съ другомъ мы. Чего-же больше намъ?
Судьба довольно счастья намъ послала.

Съумѣемъ-же на днѣ своей души
Сберечь его, какъ лучшую святыню.
Оно съ небесъ низпослано на насъ,
Такъ будемъ-же за все и благодарны
Мы только небу: съ помощью его
Для насъ здѣсь можетъ чудо совершиться.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ.

ГРАФИНЯ

(торопливо).

Меня прислалъ за вами мужъ. Пора!

Ему пора идти къ столу.

(Видя, что они не обращаютъ на ея слова вниманія, она
становится между ними.)

Разстаньтесь!

ТЭКЛА.

Онъ прѣбылъ здѣсь всего одно мгновенье.

ГРАФИНЯ.

Какъ скоро время здѣсь для васъ проходитъ,
Племянница!

МАКСЪ.

Къ чему спѣшить?

ГРАФИНЯ.

Идите!

Идите! Васъ хватились. Ужь отецъ
Два раза спрашивалъ про васъ.

ТАКЛА.

Такъ что же!

ГРАФИНЯ.

Должны вы это, кажется, понять,

ТАКЛА.

Что дѣлать въ этомъ обществѣ ему?

И безъ него довольно, вѣдь, найдется

Достойныхъ тамъ, и доблестныхъ мужей :

Повѣрьте мнѣ, для нихъ онъ слишкомъ молодъ.

ГРАФИНЯ.

По вашему, не лучше-ли ему

Остаться здѣсь совсѣмъ?

ТАКЛА

(съ живостью).

Вы угадали!

Послушайте, оставьте здѣсь его.

Скажите имъ....

ГРАФИНЯ.

Въ умѣ-ли вы, княжна?

(Максу).

Условия наши, знаете вы графъ!

МАКСЪ

(Тэклѣ).

Обязанъ я ихъ выполнить. — Прощайте!

(Тэкла быстро отворачивается отъ него.)

Что вы сказать хотите?

ТАКЛА

(не глядя на него).

Ничего!...

Идите, графъ!

МАКСЪ.

Могу-ли это сдѣлать?

Вы сердитесь!

(Онъ подходитъ къ ней; взоры ихъ встрѣчаются. Тэкла стоитъ нѣсколько минутъ безмолвно, потомъ бросается къ нему на грудь. Максъ нѣжно прижимаетъ ее къ сердцу.)

ГРАФИНЯ.

Уйдите-же! О, Боже!

Ну, если кто застанетъ васъ? Скорѣй!

Я слышу шумъ. Идутъ сюда! Ступайте!

(Максъ вырывается изъ объятій Тэклы, и уходитъ. Графиня слѣдуетъ за нимъ. Тэкла нѣсколько времени слѣдитъ глазами за Максомъ, потомъ въ волненіи проходитъ черезъ комнату, и останавливается въ задумчивости. Быстро потомъ схватываетъ со стола гитару, беретъ нѣсколько печальныхъ аккордовъ, и начинаетъ пѣть.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ТЭКЛА

(играетъ и поетъ).

Сбираются тучи; лѣсъ глухо шумить;

Склонясь надъ рѣкою, дѣвица сидитъ.

Вздымаются волны сильнѣй и сильнѣй,

И слезы невольно бѣгутъ изъ очей.

И пѣснь ея льется уныло:

Разбилось сердце и міръ опустѣлъ!
Мнѣ счастья нѣтъ больше, свершенъ мой удѣлъ!
О, Матерь Святая, возьми ты меня!
Все счастье земное извѣдала я:
Жила я, и въ жизни любила!

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФИНЯ *возвращается*. ТЭКЛА.

ГРАФИНЯ.

Что это было? Какъ-же вамъ не стыдно!

На шею вы бросаетесь ему.

Вамъ не мѣшало-бъ вспомнить, что должны вы
Собой немножко больше дорожить.

ТЭКЛА

(вставая).

Что вамъ угодно?

ГРАФИНЯ.

Развѣ вы забыли,

Кто вы, и кто онъ? Кажется, что вамъ

Должно бы лучше помнить.

ТЭКЛА.

Что такое?

ГРАФИНЯ.

Что герцога Фридландскаго вы дочь!

ТЭКЛА.

Ну, что-же дальше?

ГРАФИНЯ.

Что? Вопросъ прекрасный!

ТАКЛА.

Онъ тѣмъ рожденъ, чѣмъ сдѣлался мы.
Изъ древней онъ фамиліи ломбардской,
И сынъ княгини.

ГРАФИНЯ.

Право, мнѣ смѣшно.

По вашему, намъ только остается
Просить его превѣжливо, чтобъ онъ
Своей рукой рѣшился осчастливить
Васъ, первую невѣсту, можетъ быть,
Во всей Европѣ.

ТАКЛА.

Этого не нужно!

ГРАФИНЯ.

И, кажется, не сдѣлаетъ никто.

ТАКЛА.

Его отецъ препятствовать не будетъ:
Онъ столько любить сына.

ГРАФИНЯ.

Да, его

Отецъ! его! а вашъ отецъ, княжна?

ТАКЛА.

Да, мой отецъ! А мнѣ такъ все казалась,
Что только вы его отца боитесь,
И потому такъ скрытны передъ нимъ!

ГРАФИНЯ.

(пристально смотритъ на нее).

О, вы со мной не искренны!

ТАКЛА.

А это

Вамъ такъ обидно? О, не беспокойтесь!

Г Р А Ф И Н Я .

Не слишкомъ-ли въ своемъ вы торжествѣ
Увѣрены? Не радуйтесь такъ скоро!

Т Э К Л А .

Не беспокойтесь!

Г Р А Ф И Н Я .

Очень далеки
Отъ цѣли вы!

Т Э К Л А .

Увѣрена я въ этомъ!

Г Р А Ф И Н Я .

Затѣмъ-ли онъ безплодно погубилъ
Всю жизнь свою въ трудахъ войны суровыхъ,
Всѣхъ радостей земныхъ себя лишилъ,
Какъ мученикъ, подъ гнѣтъ заботъ тяжелыхъ
Онъ гордую главу свою склонилъ,
Чтобъ только ваше счастье устроить?
Чтобъ вывести изъ стѣнъ монастыря,
И первому, кого-бъ ты полюбила,
Торжественно вручить тебя? О, нѣтъ!
Повѣрь-ты мнѣ, чтобъ этого достигнуть
Не стоило трудиться такъ ему.
Нѣтъ, не за тѣмъ онъ сѣялъ, чтобъ сорвала
Ты дѣтскою рукой своей цвѣты,
И, какъ пустымъ, ничтожнымъ украшеньемъ,
Ты ими грудь украсила свою!

Т Э К Л А .

Что для меня не сѣяно, быть можетъ,
Само собой прекрасный плодъ мнѣ дать.
И тамъ, гдѣ все такъ мрачно, такъ ужасно,
Быть можетъ, мнѣ счастливая судьба
Готовить въ жизни счастье и радость.

Г Р А Ф И Н Я .

Какъ дѣвочка влюбленная ты судишь!
О, посмотри вокругъ себя, гдѣ ты?
Не здѣсь пріютъ для радости и счастья,
Не свадебный готовится здѣсь пиръ,
Не для него весь убранъ домъ, и гости,
Увѣчанные, съѣхались. О, нѣтъ!
Одинъ здѣсь блескъ, блескъ грознаго оружья!
Ты думаешь, что тысячи людей
За тѣмъ теперь здѣсь собраны, чтобъ только
Тебѣ составить свадебный поѣздъ?
Чело отца задумчиво и мрачно;
А мать твоя.... въ слезахъ она всегда.
Для насъ такъ много въ будущемъ сокрыто,
И смѣло брошенъ жребіи нашъ теперь!—
Забудь же ты ребяческія чувства,
И страсть пустую въ сердцѣ заглуши.
Когда ты дочь такого человѣка,
Съумѣй-же ты достойной быть его!
Повѣрь мнѣ, Тэкла, женщина не можетъ,
И не должна себѣ принадлежать!
Съ чужой судьбою связана такъ тѣсно,
Такъ неразрывно женщины судьба!
И благо той, которая съумѣетъ
Составить счастье участи чужой,
И съ нѣжною и искренной любовью
Сроднится съ ней и сердцемъ и душой.

Т Э К Л А .

Еще въ стѣнахъ монастыря старались
Мнѣ эти мысли въ сердцѣ поселить.
Я тамъ жила безъ воли, безъ жалапій;
Одно сознанье было лишь во мнѣ,

Что мой отецъ могущественъ и славенъ;
И все, что только знала я объ немъ,
Душѣ моей невольно говорило,
Что въ жизни мнѣ назначено одно:
Себя во всемъ отцу принести на жертву.

Г Р А Ф И Н Я.

Таковъ удѣлъ твой! Слѣдуй-же ему
Ты добровольно. Развѣ ты не видишь,
Какъ я сама, какъ мать твоя покорна
Судьбѣ своей?

Т Э К Л А.

Судьба мнѣ указала
Кому должна я жертвовать собой;
И съ радостью на жертву я готова.

Г Р А Ф И Н Я.

Нѣтъ, не судьба, дитя мое, а сердце.

Т Э К Л А.

Влеченіе сердечное — есть голосъ
Самой судьбы, и съ радостью хочу
Принадлежать я избранному мною.
Теперь живу я жизнію иною,
И за нее обязана ему!
Онъ вновь меня возсоздалъ, онъ и долженъ
Имѣть святое право на меня!
Что я была, пока не озарила
Меня любовь прекрасная его?
Когда поставилъ онъ меня высоко,
Могу-ли я унизиться тогда?
Кто разъ любовь почувствовалъ глубоко,
Ничтожнымъ тотъ не будетъ никогда!
Сама въ себѣ нашла я подкрѣпленье;
Я счастлива—и, стою быть, сильна.

Кто въ жизни могъ сознать свое значенье,
Тому и жизнь значенія полна!
Зависимость стѣснительна мнѣ стала.
Отнынѣ я свободной быть хочу:
Въ себѣ я волю твердую сознала
И съ ней на все рѣшиться я могу.

Г Р А Ф И Н Я.

Ты думаешь отцу сопротивляться,
Отвергнуть волю хочешь ты его?
Такъ знай, дитя, что имя его — Фридландъ!

Т Э К Л А.

А это имя — также и мое!
Пусть дочь во мнѣ достойную найдетъ онъ.

Г Р А Ф И Н Я.

Какъ? Самъ монархъ не могъ его принудить,
А дочь его бороться хочетъ съ нимъ?

Т Э К Л А.

Чего никто съ нимъ сдѣлать не посмѣлъ-бы,
То можетъ сдѣлать дочь его одна!

Г Р А Ф И Н Я.

Нѣтъ! Этого навѣрное не ждетъ онъ!
За тѣмъ-ли онъ боролся такъ упорно,
Всѣ трудности такъ славно побѣдилъ,
Чтобъ дочь его любимая рѣшилась
Ему преградой стать? Дитя! дитя!
Его улыбку видѣла ты только;
Еще не знаешь гнѣва ты его!
Нѣтъ! голосъ твой дрожащій не посмѣетъ
Возвыситься въ присутствіи его.
Пока одна ты, замысль твой дерзкій
Тебѣ такъ легокъ кажется теперь:
Ты пышныя придумываешь рѣчи;

Ты робкій духъ голубки укрѣпляешь
Отвагой льва. Но испытай, дитя!—
Когда ты съ нимъ лицомъ къ лицу сойдешся,
Рѣшишься-ли ты выговорить: нѣтъ!
Какъ солнца лучъ былинку сожигаетъ,
Сожжетъ тебя суровый взоръ его!
Дитя мое! не думай, чтобъ хотѣла
Тебя пугать я. Вижу я сама,
Что этого не можетъ быть. Къ тому-же
Не знаю я намѣреній его.
Что жъ? Развѣ онъ не можетъ быть согласенъ
И самъ съ тобой? Но, вѣрь мнѣ, никогда
До этого отецъ твой не допуститъ,
Чтобъ ты, его и гордость и надежда,
Какъ дѣвочка влюбленная, могла
Ребяческими чувствами увлечься.
Когда тому, кого ты полюбила,
Какъ высшая награда, суждена
Рука твоя—пусть жертвой онъ, достойной
Любви твоей, заплатитъ за себя!

(Уходитъ.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Т Э К Л А

(одна).

Благодарю за твой намекъ! Къ несчастью
Сбывается предчувствіе мое.
Ужели такъ? Ни дружба, ни участія
Здѣсь ожидать нельзя ни отъ кого?

Да, всѣми мы оставлены, забыты,
Въ тяжелую борьбу увлечены.
О, будь-же ты, любовь, моей защитой!
Дай силы мнѣ! Ужели вы должны,
Мечты мои прекрасныя, разбиться?
Не въ этомъ мѣстѣ счастья мнѣ искать!
Нѣтъ, имъ не здѣсь, моимъ надеждамъ, сбыться!
На всемъ лежитъ здѣсь гибели печать
Здѣсь крикъ войны зловѣщій раздается,
И подъ холодной сталью боевой
И сердце какъ-то холодно здѣсь бьется:
Оно любви чуждается святой!
Тяжелый рокъ надъ нами тяготѣетъ!
Увлечена изъ мирной жизни я
Очарованьемъ тайнымъ, и не смѣетъ
Ему душа противиться моя!
Все ближе, ближе чей-то образъ милый
Таинственно мелькаетъ предо-мною;
И въ бездну онъ влечетъ меня съ собой—
И мнѣ ему противиться нѣтъ силы!

(Вдали слышна застольная музыка.)

О! если домъ ужь обреченъ пожару,
Тогда на небѣ грозно облака
Собираются, и шлютъ свои удары,
И молнія летитъ издалека;
Изъ безднъ подземныхъ пламя излетаетъ;
И даже онъ, богъ радости земной,
Въ горящій домъ вѣнокъ свой смоляной
Съ слѣпою яростью бросаетъ!

(Уходитъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Большая, пышно-освѣщенная зала; по срединѣ ея, въ глубинѣ театра, богато-убранный столъ, за которымъ сидятъ восемь генераловъ, и въ томъ числѣ Октавіо Пикколомини, графъ Терцкій и Марадасъ. По обѣ стороны, еще дальше, въ глубинѣ сцены, другіе два стола; за каждымъ изъ нихъ по шести человѣкъ гостей. Впереди столъ съ напитками. Вся передняя часть сцены пуста. По ней взадъ и впередъ ходятъ пажи и слуги. Все въ движеніи. Музыканты Терцкаго полка проходятъ по сценѣ кругомъ столовъ. Еще они не совсѣмъ удалились, какъ является Максъ Пикколомини. Его встрѣчаютъ Терцкій съ бумагой въ рукѣ, и Изолани съ бокаломъ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Терцкій. Изолани. Максъ Пикколомини.

ИЗОЛАНИ.

Вотъ, что люблю, товарищъ! Гдѣ-жъ ты былъ?
Скорѣй на мѣсто! Знаешь-ли, графъ Терцкій
Открылъ для насъ завѣтный погребъ свой.
Пируемъ, точно въ замкѣ Гейдельбергскомъ.
Да не засталъ ты лучшаго. Теперь
Они короны княжескія дѣлятъ,
Имѣнія Славаты, Лихтенштейна,
Штернберга, лены, лучшіе во всей

Богеміи, — все пущено въ продажу.

Иди скорѣй! Быть можетъ, что нибудь

И на твою достанется тамъ долю.

Иди скорѣе!

КОЛЯЛЬТО и ГЕЦЪ

(кричатъ со второго стола).

Графъ Пикколомини!

ТЕРЦКІЙ.

Онъ здѣсь! Прочти присягу, и скажи

Намъ, такъ-ли мы составили ее?

Ужъ всѣ ее читали по порядку,

И всякъ подъ ней подпишется потомъ.

МАКСЪ

(читаетъ).

«Ingratis servire nefas.»

ИЗОЛАНИ.

Мнѣ кажется, что это на латынь,

Какъ будто-бы, похоже. А нельзя-ли,

Товарищъ, мнѣ по нашему сказать?

ТЕРЦКІЙ.

Неблагодарнымъ честные не служатъ!

МАКСЪ.

«Такъ какъ нашъ высокомощный полководецъ,
«свѣтлѣйшій герцогъ Фридландскій, намѣренъ былъ,
«вслѣдствіе многихъ оскорбленій, оставить импера-
«торскую службу; но, снисходя на наши единодуш-
«ныя просьбы, рѣшился остаться, и не оставлять
«насъ безъ общаго нашего согласія: то мы, съ
«своей стороны, обязуемся, всѣ вмѣстѣ, и каждый
«за себя порознь, кромѣ общей нашей присяги, слу-
«жить ему честно и вѣрно, ни въ какомъ случаѣ
«не покидать его, и жертвовать за него всемъ—

«даже до послѣдней капли крови, на столько, раз-
«зумѣется, на сколько дозволитъ намъ присяга,
«данная нами императору.

(Послѣднія слова повторяетъ Изолани.)

«Если-же кто изъ насъ нарушитъ это обязательство,
«и отступится отъ общаго нашего дѣла, то мы
«обязуемся считать того клятвопреступникомъ и из-
«мѣнникомъ, и метить ему, не щадя ни жизни его,
«ни собственности. Все это подтверждаемъ мы на-
«шею собственноручною подписью.»

ТЕРЦКІЙ.

Согласенъ-ли ты это подписать?

ИЗОЛАНИ.

Причины нѣтъ отказываться. Каждый,
Въ комъ совѣсть есть, обязанъ это сдѣлать.
Перо, чернила!

ТЕРЦКІЙ.

Подожди немного,
Какъ ужинъ кончится...

ИЗОЛАНИ

(увлекая Макса).

Идемъ! идемъ!

(Оба идутъ къ столу.)

—

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ТЕРЦКІЙ. НЕЙМАНЪ.

ТЕРЦКІЙ

*(даетъ знакъ Нейману, ожидавшему у стола съ напит-
ками, и, вмѣстѣ съ нимъ, выходитъ на авансцену).*

Ну, что? Готова копія? Да такъ-ли

Ты снялъ ее, чтобъ можно подмѣнить?
Подай сюда!

НЕЙМАНЪ.

Списалъ я слово въ слово;
Пропущено лишь мѣсто о присягѣ,
Какъ приказали.

ТЕРЦКІЙ.

Ты ее положишь
Туда, а эту брось въ огонь сейчасъ-же:
Что было нужно сдѣлала она.

(Нейманъ кладетъ копію на столъ и возвращается на
прежнее мѣсто.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Илло выходитъ изъ другой комнаты. ТЕРЦКІЙ.

ИЛЛО.

Ну, какъ у васъ съ Пикколомини?

ТЕРЦКІЙ.

Сколько

Мнѣ кажется, не дурно: ничего
Не возражалъ онъ.

ИЛЛО.

Эти намъ опасны,—
Онъ, да отецъ. Смотрите вы за ними
Внимательнѣй.

ТЕРЦКІЙ.

У васъ какъ за столомъ
Дѣла идутъ? Надѣюсь, ваши гости
Довольны вами?

И Л Л О.

Кажется, на нихъ
Расчитывать мы смѣло можемъ. Вѣрьте,
Для насъ теперь вопросъ уже не въ томъ,
Чтобъ удержать за герцогомъ начальство,
И только! Нѣтъ! Монтекукули правъ:
Возстанъ хоть разъ мы всѣ единодушно
И намъ не трудно будетъ предписать,
Въ стѣнахъ самой столицы, государю
Условия мира. Если бы не эти
Пикколомини, не зачѣмъ-бы намъ
Такой обманъ придумывать, повѣрьте!

Т Е Р Ц К І Й.

Сюда идетъ за чѣмъ-то Буттлеръ. Тише!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. БУТТЛЕРЪ.

БУТТЛЕРЪ

(выходитъ изъ за втораго стола).

Зачѣмъ скрываться? Очень хорошо
Я понялъ васъ, фельдмаршалъ, и желаю
Во всемъ успѣха. Что-же до меня—

(таинственно.)

Располагайте мною, какъ угодно.

И Л Л О

(съ живостью).

Какъ? можемъ мы....

БУТТЛЕРЪ.

Съ условьемъ, или нѣтъ—
Мнѣ все равно! Вы поняли, надѣюсь.
Готовъ на дѣлѣ преданность свою
Я доказать. Скажиту это князю.
До тѣхъ поръ я имперскій офицеръ,
Пока самъ герцогъ служить Фердинанду,
А властелиномъ сдѣлайся онъ самъ,
Готовъ и я подъ знамя стать Фридланда!

ТЕРЦКІЙ.

Повѣрте мнѣ, такая переменна
Вамъ выгодна: вашъ новый властелинъ
Не нищій, онъ — не Фердинандъ.

БУТТЛЕРЪ

(съ достоинствомъ).

Графъ Терцкій,
Я не торгую вѣрностью своей!
Какихъ нибудъ за полгода, совѣта
Я нѣ далъ-бы вамъ то мнѣ предложить,
На что теперь охотно соглашаюсь.
Я предлагаю герцогу себя
И весь свой полкъ. Такой примѣръ, надѣюсь,
Не безъ послѣдствій будетъ.

И Л О.

Что во всемъ
Полковникъ Буттлеръ лучшимъ былъ примѣромъ—
Всѣ это знаютъ.

БУТТЛЕРЪ.

Думаете вы?

Такъ нѣ зачѣмъ раскаяваться мнѣ,
Что сорокъ лѣтъ я вѣрнымъ оставался,
Когда мнѣ эта вѣрность въ шестьдесятъ

Даетъ все право мщенья. На слова
Мои вниманья вы не обращайтесь.
Зачѣмъ я вашъ — вамъ все равно. Надѣюсь,
Убѣждены вы сами въ томъ, что я
Не изъ за вашихъ цѣлей это сдѣлалъ,
Что вѣтренность, волненіе въ крови,
Или другія вздорныя причины,
Въ такихъ лѣтахъ, не могутъ ужъ совлечь
Съ дороги чести, столько мнѣ знакомой.
Идемъ! Я знаю, съ чѣмъ я расстаюсь,
И все-таки рѣшился.

И Л Л О.

За кого-же
Должно считать васъ? Прямо намъ скажите.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

За друга! Вотъ рука моя: я вашъ!
И самъ и все, что я имѣю — ваше!
Нуждается не въ людяхъ только герцогъ,
И въ деньгахъ также. Кое-что успѣлъ
Я сохранить въ его-же службѣ: это
Пусть онъ возьметъ на время; а когда
Умру — онъ мой единственный наслѣдникъ.
Давно ужъ такъ рѣшился я. Одинъ здѣсь
На свѣтѣ я. Душѣ моей чужда
Любовь къ семьѣ. Умру я — и со мною
Умрутъ мое и имя и дѣла!

И Л Л О.

Не деньги ваши нужны намъ, а сердце.
Оно для насъ дороже милліоновъ!

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Сюда пріѣхалъ всадникомъ простымъ
Я съ береговъ Ирландіи далекой.

Мой господинъ скончался здѣсь; а я,
Причудливаго случая игрою,
Изъ званія ничтожнаго достигъ
Судьбой войны до степени высокой.
И Валленштейнъ сынъ счастья! Илло, я
Люблю дорогу сходную съ моею.

И Л Л О.

Есть тайное и близкое сродство
Между людьми съ душою твердой.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Время

Великое для всѣхъ теперь настало!
Кто смѣлъ и храбръ, тотъ можетъ много сдѣлать.
Какъ мелкая монета переходитъ
Изъ рукъ въ другія, замки города
Мѣняють такъ владѣльцевъ торопливыхъ.
Бѣгутъ изъ замковъ дѣдовскихъ своихъ
Фамилій древнихъ жалкіе потомки,
И новые, неслыханные прежде,
Являются гербы и имена.
И гость незванный, чуждый намъ народъ
Въ Германіи, присвоиваетъ дерзко
Права гражданства. Веймарскій герой
Уже давно всѣ силы напрягаетъ,
Чтобъ княжество на Майнѣ основать;
И только смерть Мансфельду помѣшала
Владычество надъ цѣлою страной,
Съ оружіемъ въ рукахъ, себѣ присвоить.
Но кто-жъ изъ нихъ сравняется съ Фридландомъ?
Нѣтъ на землѣ могучему предѣла,
Куда-бы онъ достигнуть не посмѣлъ.

ТЕРЦКІЙ.

Вотъ мнѣніе, достойное мужчины!

БУТТЛЕРЪ.

Старайтесь увѣриться въ Испанцахъ,
Да Итальянцахъ. Если на себя
Я принимаю. Къ дѣлу-же скорѣе!
Идемъ къ гостямъ!

ТЕРЦКІЙ.

Гдѣ кравчій? Лучшихъ винъ!...
Все, что найдешь, давай сюда! Не жаль ихъ!
Теперь дѣла идутъ у насъ прекрасно.

(Уходятъ, каждый къ своему столу.)

—

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

КРАВЧІЙ выходитъ на авансцену съ НЕЙМАНОМЪ.

СЛУГИ ходятъ взадъ и впередъ по сценѣ.

КРАВЧІЙ.

Да! лучшихъ винъ! О, если бъ увидала
Такую жизнь покойная ихъ мать, —
Она-бъ въ своемъ гробу повернулась!
Къ упадку близокъ славный этотъ домъ!
Все бѣзъ толку; ни въ чемъ не знаютъ мѣры!
Въ родствѣ-же съ герцогомъ свѣтлѣйшимъ,
Повѣрьте мнѣ, не много благодати.

НЕЙМАНЪ.

Спаси васъ Богъ! Теперь-то и настанетъ
Для васъ пора счастливая.

КРАВЧІЙ.

Ужели?

Объ этомъ много слышалъ я.

СЛУГА

(входитъ).

Скорѣй

Бургонскаго къ четвертому столу.

КРАВЧІЙ

(Нейману).

Семи-десятая бутылка!

СЛУГА.

Оттого,

Что этотъ Нѣмецъ, Тифенбахъ, сидитъ тамъ.

КРАВЧІЙ

(продолжаетъ, обращаясь къ Нейману).

Всѣ лѣзутъ въ гору! Въ пышности хотятъ

Съ курфирстами равняться, съ королями.

Все, что ни сдѣлай герцогъ—отъ него

Мой господинъ никакъ ужь не отстаетъ.

(Слугамъ.)

Чего стоите? Слушать-бы все вамъ!

Смотрѣли-бы вы лучше за столами:

Вонъ, тамъ стаканъ пустой у графа Пальфи.

ВТОРОЙ СЛУГА

(входитъ).

Тамъ спрашиваютъ кубокъ золотой,

Съ гербомъ богемскимъ. Графъ сказалъ, что сами

Вы знаете, который.

КРАВЧІЙ.

Какъ не знать!

Тотъ кубокъ сдѣланъ мастеромъ Вильгельмомъ,

Когда вѣнчали Фридриха на царство.

Онъ изо всей добычи, взятой въ Прагѣ,
Вещь лучшая.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Ну, да, его, его!

Хотятъ имъ пить здоровье круговое.

КРАВЧІЙ

(качая головой, достаетъ кубокъ и выполаскиваетъ его).

НЕЙМАНЪ.

Богатый кубокъ! Дайте посмотрѣть!

Литаго золота.... И какъ искусно

Изображенья сдѣланы на немъ!

Представлена, смотрите, амазонка:

Она сидитъ такъ гордо на конѣ;

А конь ея ногами попираетъ

Епископскіе жезлъ и клобуки.

Въ рукахъ у ней какой-то посохъ съ шляпой

И знамя съ кубкомъ. Что-же это значить,

Скажите мнѣ?

КРАВЧІЙ.

Та женщина — есть право

Свободнаго избранья королей

Въ Богеміи; а гордый конь и шляпа —

То символы священныхъ нашихъ правъ.

Мущины гордость шляпа! Кто не смѣетъ

Въ присутствіи князей и королей

Носить ее — тотъ больше не свободенъ!

НЕЙМАНЪ.

Къ чему-жь на знамѣ кубокъ нарисованъ?

КРАВЧІЙ.

Тотъ кубокъ — знакъ свободы нашей церкви —

Свободы прежней. Нѣтъ ее теперь!

Въ войнѣ Гусситовъ вынудили силой

Ее у папы предки наши: онъ
Однимъ духовнымъ чашу предоставилъ.
Нѣтъ ничего дороже этой чаши
Для утравистовъ: куплена она
Цѣной священной крови нашихъ предковъ.

НЕЙМАНЪ.

А на верху что значить свитокъ?

КРАВЧІЙ.

Это

Та грамота, которую Богемцамъ
Былъ вынужденъ дать Рудольфъ. Высоко
Ту хартію цѣнили мы! Даны ей
Для нашей новой церкви всѣ права:
Колокола и пѣніе, что прежде
Отъ насъ отнять хотѣли; но съ тѣхъ поръ,
Какъ царствовать надъ нами сталъ *католикъ*,
Все кончилось для насъ, и послѣ той
Несчастной битвы прагской, гдѣ корону
И свой престолъ нашъ Фридрихъ потерялъ,
И наша вѣра пала вмѣстѣ съ нимъ,
И рушился алтарь, едва возникшій;
И позабыли родину свою
Ея-же дѣти, братья намъ по крови.
А грамоту Рудольфа—императоръ
Въ клочки изрѣзалъ собственной рукой.

НЕЙМАНЪ.

Какъ хорошо вы знаете все это:
Родной страны вамъ лѣтопись знакома.

КРАВЧІЙ.

Еще-бы мнѣ не знать ее, когда
Мои всѣ предки были табориты.
Они служили, всѣ до одного,

Подъ знаменами Жижки и Прокопа.
Миръ праху ихъ! Сражались они
За правое и доблестное дѣло!

(Слугамъ.)

Несите кубокъ!

НЕЙМАНЪ.

Дайте-жь посмотрѣть!

Тамъ что-то есть еще. Вотъ, поглядите:
Точь въ точь, какъ въ замкѣ прагскомъ. Изъ окна
Летятъ стремглавъ совѣтники: Славата
И Мартивицъ. А вотъ и онъ, графъ Турнь,
Виновникъ катастрофы.

КРАВЧІЙ.

О, ни слова

Про этотъ день несчастный! Двадцать третье
То было мая, тысяча шестьсотъ
Восьмнадцатаго года. Какъ теперь
Въ моихъ глазахъ все это происходитъ!
Да! Этотъ день былъ роковой для всѣхъ!
Имъ начались страданья государства.
И вотъ съ тѣхъ поръ шестнадцать лѣтъ прошло,
А все еще мы мира не видали.

(За вторымъ столомъ кричатъ.)

Принцъ Веймарскій!

(За третьимъ и четвертымъ.)

За герцога Бернгарда!

(Музыка гремитъ.)

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Какой тамъ шумъ!

ВТОРОЙ СЛУГА

(прибѣгаетъ.)

Вы слышали? Они

Пьютъ за здоровье Веймарскаго принца!

ТРЕТІЙ СЛУГА

Всегдашній врагъ Австрійцевъ!

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Лютеранинъ!

ВТОРОЙ СЛУГА.

А передъ тѣмъ, когда въ честь государя,

Замѣтилъ я, свой тостъ пилъ Деодать,

Никто изъ нихъ словечка не промолвилъ.

КРАВЧІЙ.

Ну, мало-ли за рюмкой что бываетъ!

На это бы порядочный слуга

И обращать вниманія не долженъ.

ТРЕТІЙ СЛУГА

(тихо четвертому).

Смотри, Іоганнъ, старайся все замѣтить!

Что-бы намъ было что поразсказать

Отцу Квиругъ: онъ вѣдь обѣщался

За это намъ прощенье дать въ грѣхахъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.

Затѣмъ-то я стараюсь, сколько можно,

Быть возлѣ Илло: я ужъ отъ него

Престрашныхъ словъ наслушался довольно.

(Оба уходятъ къ столу.)

КРАВЧІЙ

(Нейманну).

Кто этотъ черный, видите-ль, съ крестомъ,

Такъ дружески болтаетъ съ графомъ Пальфи?

НЕЙМАНЪ.

Одинъ изъ тѣхъ, которымъ всѣ они

Не слишкомъ-ли ужъ много довѣряютъ.

Его зовутъ Марадасъ, онъ Испанецъ.

КРАВЧІЙ.

Повѣрьте мнѣ, Испанцы ничего.
Вотъ итальянцы — эти такъ опасны.

НЕЙМАНЪ.

Нѣтъ! говорить не должно такъ: изъ нихъ
Есть много нашихъ лучшихъ генераловъ.
Самъ герцогъ имъ всѣхъ больше довѣряетъ.
(Входитъ Терцкій, беретъ бумагу и уноситъ ее съ собой;
за столами всѣ приходятъ въ движеніе.)

КРАВЧІЙ

(слугамъ).

Что это? графъ Пикколомини всталъ!
И вслѣдъ за нимъ всѣ поднялись въ волненіи.
Вы, прочь отсюда! Кресла убирайте!
(Слуги бѣгутъ къ столамъ, нѣкоторые изъ гостей вы-
ходятъ на авансцену.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ выходитъ, разговаривая съ
МАРАДАСОМЪ, и оба становятся на одной сторонѣ
авансцены. На противоположной сторонѣ ея становится
МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ; онъ задумчивъ и не обра-
щаетъ никакого вниманія на окружающее. Между ними,
нѣсколько шаговъ далѣе, занимаютъ сцену БУТТЛЕРЪ,
ИЗОЛАНИ, ГЁЦЪ, ТИФЕНБАХЪ, КОЛЯЛЬТО и вскорѣ
потомъ ГРАФЪ ТЕРЦКІЙ.

ИЗОЛАНИ.

(между тѣмъ, какъ все общество подается впередъ).
Желаю вамъ спокойной ночи, графъ!

И вамъ, Коляльто! Всѣмъ спокойной ночи!
Сказать вѣрнѣе, добраго-бы утра!

ГѢЦЪ

(Тифенбаху).

Желаю вамъ здоровымъ быть, товарищъ!

ТИФЕНБАХЪ.

Да, пиръ былъ царскій!

ГѢЦЪ.

Нѣчего сказать,

Графиня угостить умѣетъ.

Переняла у тещи—царство ей

Небесное! Ужъ вотъ была хозяйка.

ИЗОЛАНИ

(хочетъ идти).

Свѣчей сюда!

ТЕРЦКІЙ.

Товарищъ! подождите

Еще минутку! Кое-что вамъ нужно

Здѣсь подписать.

ИЗОЛАНИ.

Что подписать? Давайте!

Все подпишу, да только ужъ отъ чтенья

Меня увольте.

ТЕРЦКІЙ.

И читать не надо.

Извѣстная присяга. Стѣить только

Вамъ подчеркнуть.

(Видя, что Изолани передаетъ бумагу Октавіо.)

Э! Все равно! Пиши

Кому пришлось! Не до чиновъ здѣсь дѣло.

(Октавіо съ поддѣльнымъ хладнокровіемъ пробѣгаетъ бумагу. Терцкій наблюдаетъ за нимъ издали.)

ГЕЦЪ

(Терцкому).

Позвольте мнѣ проститься съ вами, графъ!

ТЕРЦКІЙ.

Куда спѣшите! Нужно на прощанье

Еще бокаль.

(Слугамъ).

Давай сюда вина!

ГЕЦЪ.

Не въ состояньи, право.

ТЕРЦКІЙ.

Э, немножко!

ГЕЦЪ.

Увольте, право.

ТИФЕНБАХЪ.

(садится).

Нѣтъ ужъ, господа,

Я сяду здѣсь: стоять мнѣ не подъ силу.

ТЕРЦКІЙ.

Безъ церемоній будьте, генераль!

ТИФЕНБАХЪ.

Разсудокъ свѣжъ, и голова легка;

Да ноги вотъ не держутъ.

ИЗОЛАНИ

(указывая на его толщину).

Наложили

Порядочную тяжесть вы на нихъ.

(Октавіо, подписавъ бумагу, отдаетъ ее Терцкому; тотъ передаетъ ее Изолани, который отходитъ къ столу, чтобъ подписать.)

ТИФЕНБАХЪ.

А шведская война всему причиной.

Тамъ насъ таскали пѣльду, по снѣгамъ.
Теперь ужъ я весь вѣкъ свой не поправлюсь.

ГѢЦЪ.

Да, Шведъ тогда не разбиралъ погоды.

*(Терцкій передаетъ бумагу Дону-Марадасу; тотъ от-
ходитъ къ столу ее подписывать.)*

ОКТАВІО

(подходитъ къ Буттлеру).

И вы, полковникъ, сколько я замѣтилъ,
Не любите пировъ такихъ. Для васъ,
Мнѣ кажется, пріятнѣе шумъ битвы,
Чѣмъ шумъ попойки?

БУТТЛЕРЪ.

Точно, до пировъ,
Признаться вамъ, я не большой охотникъ.

ОКТАВІО

(довѣрчиво приближается къ нему).

Повѣрьте мнѣ, и я ихъ не люблю.
Я очень радъ, что вы, кого такъ много
Я уважалъ, однихъ со мною мыслей.
Пять-шесть друзей за столикомъ, стаканъ
Токайскаго, прямое сердце друга,
И умная бесѣда — вотъ, что я
Люблю всемъ сердцемъ.

БУТТЛЕРЪ.

Если только можно,
Отъ этого и я не откажусь.

*(Бумага доходитъ до Буттлера, который идетъ ее
подписывать. На авансценѣ остаются только оба Пик-
коломини.)*

ОКТАВІО

*(нѣсколько минутъ смотритъ въ молчаніи на сына, по-
томъ приближается къ нему).*

Мой другъ! ты гдѣ-то долго оставался?

МАКСЪ

(быстро оборачивается и говоритъ съ замѣшательствомъ).

Я?... Задержали нужныя дѣла
Меня.

ОКТАВІО.

Однако жъ мысль твоя, я вижу,
Еще не здѣсь.

МАКСЪ.

Ты знаешь, что всегда
Въ толпѣ людей я молчаливъ бываю.

ОКТАВІО

(подходитъ къ нему ближе).

Нельзя узнать мнѣ, чѣмъ ты былъ задержанъ?
(Лукаво.)

А Терцкій знаетъ?...

МАКСЪ.

Что-же знаетъ Терцкій?

ОКТАВІО

(значительно).

Онъ здѣсь одинъ отсутствіе твое
Не замѣчалъ.

ИЗОЛАНИ

(наблюдавшій за ними издали, подходитъ).

Такъ, такъ, старикъ! получше
Намой ему ты голову! Учи,
Отецъ сына! Исправнѣе пусть будетъ!

ТЕРЦКІЙ

(возвращается съ бумагой).

Кто не забылъ-ли? Всѣ-ли подписали?

ОКТАВІО.

Всѣ, кажется.

ТЕРЦКІЙ

(громко).

Ну? Кто не подписалъ?

БУТТЛЕРЪ

(Терцкому).

Считите: тридцать подписей должно быть.

ТЕРЦКІЙ.

Да тутъ есть крестикъ.

ТИФЕНБАХЪ.

Крестикъ этотъ — я.

ИЗОЛАНИ.

Ну, онъ писать не мастеръ; но довольно

Креста его: и жидъ и христiянинъ

Ему повѣрятъ.

ОКТАВІО

(выразительно Максу).

Поздно. Сынъ, идемъ!

ТЕРЦКІЙ.

Здѣсь только разъ стоитъ Пикколомини.

ИЗОЛАНИ

(указывая на Макса).

Замѣьте, онъ не подписался, нашъ

Суровый гость. Недаромъ цѣлый вечеръ

Чуждался насъ.

Максъ беретъ бумагу изъ рукъ Терцкаго и смотритъ
въ нее задумчиво.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. Илло выходитъ изъ задней комнаты. Въ рукѣ у него золотой кубокъ. Онъ пьянъ. За нимъ слѣдуютъ ГѢЦЪ и БУТТЛЕРЪ, которые стараются его удержать.

ИЛЛО.

Пустите! Что вамъ надо?

ГѢЦЪ и БУТТЛЕРЪ.

Не пейте, Илло! будетъ!

ИЛЛО

(идетъ къ Октавіо, и пьетъ, обнимая его).

Это я

Несу тебѣ, Октавіо! Пусть наша
Вражда потонетъ въ этомъ кубкѣ. Знаю,
Что ты меня всегда терпѣть не могъ.
Пусть Богъ меня накажетъ, — не любилъ
Тебя я также! Прошное забудемъ!
Тебя я искренно люблю теперь!

(Цѣлуетъ его нѣсколько разъ.)

Я лучший другъ твой. Знайте это всѣ!
И съ тѣмъ я самъ раздѣляюсь, кто только
Тебя лукавой кошкой назоветъ!

ТЕРЦКІЙ

(тихо).

Въ умѣ-ли ты? Опомнись, Илло, гдѣ ты?

ИЛЛО

(добродушно).

Ну, что тебѣ? Мы здѣсь между друзьями!

(Оглядывая вспѣхъ съ довольнымъ видомъ.)

Я радъ, что нѣтъ Іуды между нами.

ТЕРЦКІЙ

(настойчиво, Буттлеру).

Прошу васъ, Буттлеръ, уведите Илло.

(Буттлеръ ведетъ его къ столу съ напитками.)

ИЗОЛАНИ

(обращаясь къ Максѹ, который до сихъ поръ стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на бумагу).

Что-жь? скоро-ли, товарищъ? Разсмотрѣлъ
Ее, надѣюсь?

МАКСЪ

(какъ-бы пробуждаясь отъ сна).

Что-жь мнѣ дѣлать съ нею?

ТЕРЦКІЙ и ИЗОЛАНИ.

Что? — Подписать.

(Октавіо боязливо смотритъ на сына.)

МАКСЪ

(возвращая бумагу).

Пусть полежитъ до завтра.

Тутъ дѣло — я-жь сегодня не способенъ

Къ дѣламъ. Пришлите завтра.

ТЕРЦКІЙ.

Максъ, подумай....

ИЗОЛАНИ.

Подписывай, сейчасъ-же! Ты вѣдь здѣсь

Моложе всѣхъ, а хочешь быть умнѣе,

Должно быть, всѣхъ насъ! Видишь-ли: отецъ

Твой подписалъ, и всѣ мы подписали.

ТЕРЦКІЙ

(Октавіо).

Хоть вы ему скажите, какъ отецъ.

ОКТАВІО.

Онъ не ребенокъ.

ИЛЛО

(ставитъ свой кубокъ на столъ).

Что у васъ такое?

ТЕРЦКІЙ.

Не хочетъ Максъ бумаги подписать.

МАКСЪ.

Я говорю — до завтра-бы оставить...

ИЛЛО.

Нельзя оставить! Всѣ мы подписали;
Ты долженъ также. Слышишь-ли, ты *долженъ*!
Подписывай!

МАКСЪ.

Спокойной ночи, Илло!

ИЛЛО.

Ты не уйдешь такъ! Герцогъ долженъ знать,
Кто другъ ему, кто недругъ.

(Гости собираются во кругъ нихъ.)

МАКСЪ.

Герцогъ знаетъ,

Какъ я къ нему расположенъ, и всѣмъ
Извѣстно это; и ему нѣтъ нужды
Въ подобныхъ вздорахъ.

ИЛЛО.

Это благодарность,
За то, что князь всегда предпочиталъ
Намъ итальянцевъ этихъ.

ТЕРЦКІЙ.

*(въ большомъ замѣшательствѣ, столпившимся вокругъ
нихъ генераламъ).*

Ради Бога,

Не слушайте! — Вино въ немъ говорить.

ИЗОЛАНИ

(смыется).

Вишь не въ силахъ выдумать, а развѣ
Что выболтать — пожалуй....

ИЛЛО.

Кто не съ нами,
Тотъ противъ насъ! Нѣжна ужъ очень совѣсть!
Когда-бы имъ нельзя было уловкой,
Да оговоркой....

ТЕРЦКІЙ

(перебиваетъ его).

Что съ нимъ? Онъ совсѣмъ
Сошелъ съ ума! Не слушайте!

ИЛЛО

(кричитъ еще громче).

Когда-бы

Нельзя спастись имъ было оговоркой...

Что оговорка? Чортъ ее возьми!

МАКСЪ

(становится внимательнѣе и снова разсматриваетъ бумагу).

Да, въ чемъ-же здѣсь опасность? Я хотѣлъ-бы
Теперь ее по лучше разсмотрѣть.

ТЕРЦКІЙ

(тихо Илло).

Что ты надѣлалъ, Илло? — Ты намъ портишь!

ТИФЕНБАХЪ

(Коляльто).

Мнѣ кажется, намъ за столомъ читали
Совсѣмъ не то.

ГЕЦЪ.

И мнѣ сдается тоже!

ИЗОЛАНИ.

Мнѣ что за дѣло? Гдѣ есть имена
Другихъ, стоять тамъ можетъ и мое.

ТИФЕНБАХЪ.

Условіе тамъ было включено
На счетъ присяги нашей государю.

БУТТЛЕРЪ

(нѣкоторымъ изъ генераловъ).

Стыдитесь, господа! Къ чему все это,
Подумайте. Вопросъ весь въ томъ, должны-ли
Мы герцога лишиться, или нѣтъ?
Въ такихъ дѣлахъ, мнѣ кажется, не должно
Такъ мелочно придирчивыми быть!

ИЗОЛАНИ

(одному изъ генераловъ).

Что? Такъ-ли былъ разборчивъ князь въ то время,
Когда тебѣ онъ полкъ далъ?

ТЕРЦКІЙ

(Гецу).

И когда

Вамъ далъ подрядъ, который доставляетъ
Вамъ тысячу пистолей *каждый* годъ?

ИЛЛО.

Хотятъ плутами сдѣлать насъ, а сами
Плуты! Кто оскорбленъ? — скажи! — я здѣсь!

ТИФЕНБАХЪ.

Ну, полно, Илло! Видишь, говорятъ
Безъ всякой цѣли.

МАКСЪ

(прочитавъ, отдаетъ бумагу).

Стало быть, до завтра.

И Л Л О

(въ бѣшенствѣ топаетъ ногами, и, не помня себя отъ гнѣва, одной рукой держитъ передъ нимъ бумагу, а другою грозитъ ему шпагой).

Подписывай, Іуда!

И З О Л А Н И.

Стыдно, Илло!

О К Т А В І О, Т Е Р Ц К І Й и Б У Т Т Л Е Р Ъ

(вмѣстѣ).

Прочь шпагу! прочь!

М А К С Ъ

(быстро бросается на Илло, обезоруживаетъ его, и потомъ обращается къ графу Терцкому).

Веди его въ постель!

(Максъ уходитъ. Илло продолжаетъ кричать и ругаться; нѣсколько генераловъ держатъ его за руки. Среди общаго смятенія опускается занавѣсъ.)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Комната въ домѣ Пикколомини. Ночь.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ОКТАВІО Пикколомини. Слуга свѣтитъ ему.
Вскорѣ потомъ Максъ Пикколомини.

ОКТАВІО.

Какъ скоро Максъ воротится, проси
Его ко мнѣ. Который часъ?

СЛУГА.

Ужъ скоро

Свѣтать начнетъ.

ОКТАВІО.

Поставь сюда свѣчу;

А самъ иди: мы оба спать не ляжемъ.

(Слуга уходитъ. Октавіо въ задумчивости прохаживается по комнатѣ. Входитъ Максъ Пикколомини и, не замеченный отцомъ, нѣсколько времени, молча, смотритъ на него.)

МАКСЪ.

Ты сердишься? Клянусь тебѣ, что я
Невиноватъ въ той ссорѣ ненавистой.

Что подписалъ присягу ты — я видѣлъ, —
И могъ-бы тоже сдѣлать, но въ такихъ
Дѣлахъ, ты знаешь, больше довѣряю
Я своему разсудку.

О К Т А В І О

(идетъ къ нему и обнимаетъ его).

И впередъ,
Любезный сынъ мой, вѣрь ему: онъ лучше,
На этотъ разъ, тобой руководилъ,
Чѣмъ мой примѣръ.

М А К С Ъ.

Скажи, что это значить?

О К Т А В І О.

Сейчасъ ты все узнаешь. Послѣ этой
Несчастной ночи, тайны между нами
Не должно быть.

(Они садятся.)

Скажи мнѣ прямо, Максъ,
Какъ думаешь ты о присягѣ той,
Что подписать намъ нынче предлагали?

М А К С Ъ.

Я не люблю формальностей такихъ;
Но ничего дурного въ ней не вижу.

О К Т А В І О.

И твой отказъ упорный не имѣлъ
Другой причины?

М А К С Ъ.

Дѣло слишкомъ важнымъ
Казалось мнѣ; а я разсѣянъ былъ.
Къ тому-жъ спѣшить нужды большой не видѣлъ.

О К Т А В І О.

Послушай, Максъ! скажи мнѣ откровенно
Подозрѣвалъ ты въ чемъ нибудь ихъ?

М А К С Ъ.

Я

Подозрѣвалъ ихъ? Въ чемъ-же? И не думалъ!

О К Т А В І О.

Такъ ангелъ твой хранитель спасъ тебя!
Благодари, мой сынъ, его: изъ бездны
Извлекъ тебя незримой онъ рукой!

М А К С Ъ.

Что это значить? Я не понимаю!

О К Т А В І О.

Такъ слушай-же: позорнѣйшему дѣлу
Свое ты имя долженъ былъ отдать:
Отречься отъ присяги и отъ долга
Единымъ почеркомъ пера.

М А К С Ъ

(встаетъ).

Октавій!

О К Т А В І О.

Сядь, Максъ. Я многое еще обязанъ
Тебѣ открыть. Ты былъ до этихъ поръ
Въ непостижимо-странномъ ослѣпленьи.
Въ глазахъ твоихъ ужасный заговоръ
Ростетъ, тогда какъ демонская сила
Твой свѣтлый умъ туманомъ омрачаетъ.
Нѣтъ! я не въ правѣ долѣе молчать!
Я долженъ снять съ очей твоихъ повязку!

М А К С Ъ.

Обдумай прежде, что открыть мнѣ хочешь!
И если ты — въ чемъ я почти увѣренъ —

Одни догадки высказать рѣшился,
Не говори ихъ лучше: я не такъ
Расположенъ, чтобъ слушать ихъ покойно

О К Т А В І О.

Я вижу, Максъ, не хочется тебѣ
Узнать всей правды: важныя причины
Есть у тебя на это; но тѣмъ больше
Обязанъ я открыть ее тебѣ.

Я могъ-бы, Максъ, покойно положиться
На собственный разсудокъ твой, на сердце:
Оно въ тебѣ такъ чисто; но теперь
Стараются и сердцу твоему
Разставить сѣти гибельныя.

(Пристально смотритъ на него.)

Тайна,

Что ты скрываешь отъ меня, невольно
Меня въ своей открыться вынуждаетъ.

М А К С Ъ

*хочетъ отвѣчать, но не можетъ и въ смущеніи по-
тупляетъ глаза).*

О К Т А В І О

(послѣ нѣкотораго молчанія).

Узнай-же, Максъ: безстыдно ты обмануть!
И ты, и всѣ мы! Герцогъ, говорятъ,
Оставить войско думаетъ: не правда!
Украсть его онъ хочетъ и врагамъ
Отдать.

М А К С Ъ.

Давно я слышалъ эти сказки,
Но отъ тебя не думалъ ихъ услышать.

О К Т А В І О.

Что это не пустыя сказки, Максъ, —
Порукой въ томъ мои слова.

МАКСЪ.

Какимъ

Они безумцемъ герцога считаютъ?
Чтобъ на такой поступокъ онъ рѣшился?
Чтобъ тридцать тысячъ опытныхъ солдатъ
И болѣе чѣмъ тысячу дворянъ
Онъ могъ отвлечь отъ чести, отъ присяги,
И на измѣну низкую склонить?

ОКТАВІО.

Нѣтъ! цѣль его совсѣмъ не такъ черна.
Чего отъ насъ желаетъ онъ — гораздо
Невиннѣе и легче. Герцогъ хочетъ
Имперіи дать миръ, а государь
Такого мира вовсе не желаетъ,
Такъ Валленштейнъ рѣшается его
Къ тому *принудить* силою. Онъ хочетъ
Довольными всѣхъ сдѣлать, а себѣ
Въ награду взять Богемію, которой
И безъ того владѣетъ онъ давно.

МАКСЪ.

Октавіо, ужель онъ заслужилъ,
Чтобъ мы объ немъ такъ думали?

ОКТАВІО.

Послушай,

До нашихъ мнѣній дѣла нѣтъ топерь.
Здѣсь столько ясныхъ, сильныхъ доказательствъ.
Ты знаешь самъ, какъ смотритъ дворъ на насъ;
Но ты себѣ не можешь и представить,
Мой милый Максъ, какой коварной ложью
Стараются здѣсь войско возмутить!
Разорванъ онъ, священный тотъ союзъ,
Связующій съ монархомъ офицера,

Солдата съ цѣлымъ обществомъ! Забытъ
Законъ святой, забыты долгъ и вѣрность.
Солдаты въ враждѣ открытой съ государствомъ,
Готовы возстать съ оружіемъ въ рукахъ
На тѣхъ, кому въ защитники онъ призванъ.
Дошло ужъ до того, что императоръ
Своихъ-же войскъ трепещетъ въ этотъ мигъ;
Въ его дворцѣ, въ стѣнахъ его столицы
Ему кинжалъ измѣнника грозитъ....
Спасать пришлось царственную отрасль
Не отъ меча еретиковъ и Шведовъ,
А отъ своихъ-же собственныхъ солдатъ!

МАКСЪ.

О, замолчи! Слова твои пугаютъ
Меня. Какъ часто призраковъ пустыхъ
Боятся люди. Ложнымъ заблужденіемъ
Навлечь не трудно истинное зло.

ОКТАВІО.

Увы, не заблужденіе! Государству
Грозитъ огонь войны междоусобной.
И вспыхнетъ эта страшная война
Съ ужасной силой, если не успѣемъ
Мы въ время ее предупредить.
Начальники подкуплены, а съ ними
Колеблется и вѣрность подчиненныхъ;
Мятежъ волнуетъ цѣлые полки;
Всѣ крѣпости въ рукахъ у чужеземцевъ.
Начальникомъ силезскихъ гарнизоновъ
Измѣнникъ Шафгочъ; шефъ пяти полковъ—
Зять герцга, графъ Терцкій. Самъ ты знаешь,
Кто лучше ми командуетъ полками:
Графъ Илло, Кинскій, Буттлеръ, Изолани....

МАКСЪ.

Мы также.

ОКТАВІО.

Да, они и насъ хотѣли
Наградами блестящими привлечь.
Два княжества мнѣ герцогъ обѣщалъ:
Саганъ и Глатцъ; тебя же Максъ — я вижу
Чѣмъ думаютъ завлечь они.

МАКСЪ.

О, нѣтъ!

Повѣрь, что нѣтъ!

ОКТАВІО.

О, убѣдись-же въ правдѣ,
Мой милый Максъ! Ты думаешь, зачѣмъ
Насъ призвали всѣхъ въ Пильзенъ? Для совѣтовъ?
Нуждался-ли когданибудь въ нихъ герцогъ?
Продать себя мы призваны сюда,
А не согласны будемъ — такъ залогомъ
Въ его рукахъ останемся мы здѣсь.
Вотъ почему графъ Галласъ не пріѣхалъ.
Ты и отца бы здѣсь не видѣлъ, если бъ
Священнымъ долгомъ не былъ связанъ онъ.

МАКСЪ.

Что для него мы созваны сюда,
Изъ этого не дѣлаетъ онъ тайны.
Что-жъ? Развѣ герцогъ самъ не признавался,
Что видитъ въ насъ поддержку для себя?
Для насъ такъ много дѣлалъ онъ, — должны-же
И для него мы сдѣлать чтонибудь.

ОКТАВІО.

А знаешь-ли, что сдѣлать мы должны?
Ты слышалъ самъ, что этотъ пьяный Илло

Намъ выболталъ. Обдумай-же все это!
Подложный листъ, съ пропущеннымъ условьемъ,
Мнѣ кажется, доказываетъ ясно,
Къ чему они хотѣли насъ вести.

МАКСЪ.

Что въ эту ночь случилось, я увѣренъ,—
Продѣлки Илло: этотъ родъ людей
Всегда готовъ на скорыя услуги.
Узнавъ, что герцогъ не въ ладахъ съ дворомъ,
И услужить тѣмъ думая ему,
Они вражду стараются раздуть.
Повѣрь, объ этомъ герцогъ и не зналъ.

ОКТАВІО.

Мнѣ больно, Максъ, что долженъ я разрушить
Въ душѣ твоей довѣріе къ тому,
Кого любилъ, кому ты столько вѣрилъ.
Но здѣсь нельзя — не должно здѣсь щадить!
Твой долгъ принять рѣшительныя мѣры—
И дѣйствовать! Я долженъ наконецъ
Открыть тебѣ: все, что не говорилъ я,
Чему ты могъ и въ правѣ былъ не вѣрить, —
Все это самъ узналъ я отъ него.

МАКСЪ

(въ сильномъ волненіи).

О, никогда!

ОКТАВІО.

Онъ самъ открылъ, о чемъ я
И прежде зналъ, что съ Шведами онъ хочетъ
Вступить въ союзъ; и, ставши во главѣ
Покорныхъ войскъ, принудить государя....

МАКСЪ.

Онъ такъ горячъ.... Его обидѣлъ дворъ....

И, можетъ быть, въ минуту желчи, гнѣва
Забылся онъ....

О К Т А В І О.

Нѣтъ, хладнокровно онъ
Открылся мнѣ; и, принявъ изумленье
Мое за страхъ, довѣрчиво мнѣ письма
Отъ Шведовъ и Саксонцевъ показалъ,
Гдѣ помощь ужь обѣщана ему.

М А К С Ъ.

Не можетъ *быть!* не можетъ *быть!* Не можетъ!
Ты видишь самъ, что это невозможно!
Ты высказалъ-бы все свое презрѣнье
Въ лицо ему! Не такъ-ли? И тогда—
Или съ тобой-бы герцогъ согласился,
Или живой ты здѣсь бы не стоялъ!

О К Т А В І О.

Да! откровенно высказалъ я мнѣнье:
Я убѣждалъ, совѣтовалъ, молилъ.
Но мысль свою, но чувство отвращенья
Въ груди своей глубоко затаилъ!

М А К С Ъ.

И ты.... ты могъ такъ низко притворяться?
Нѣтъ! въ этомъ я не узнаю тебя!
Когда и прежде могъ я сомнѣваться,
За клевету считать твои слова,
Какъ хочешь ты, чтобъ я теперь повѣрилъ,
Когда ты самъ клеветешь на себя!

О К Т А В І О.

Я тайнъ его развѣдывать не думалъ.

М А К С Ъ.

Когда онъ такъ довѣрчивъ былъ, тѣмъ больше
Всей правды онъ заслуживалъ.

О К Т А В І О.

Ея

Въ моихъ глазахъ онъ не былъ ужь достоинъ.

М А К С Ъ.

А твой обманъ достоинъ былъ тебя?

О К Т А В І О.

Такъ дѣтски-чистымъ въ жизни невозможно
Всегда намъ быть, какъ совѣсть намъ велить.
Въ борьбѣ со зломъ—всегдашней и ничтожной—
И чистая душа не устоитъ;
Всегда отъ зла другое зло исходитъ:
Вотъ почему такъ гибельно оно!
Не самъ я путь свой избралъ: руководить
Моею волей высшее лицо.
Да, вѣрю я, высоко и прекрасно
Влеченью сердца слѣдовать всегда;
Но многого полезнаго напрасно
Старались-бы достигнуть мы тогда.
Намъ долгъ велить—престола быть защитой,
И голосъ сердца долженъ здѣсь молчать.

М А К С Ъ.

Въ твоихъ словахъ сегодня что-то скрыто,
Чего ни какъ не въ силахъ я понять!
Какъ? Герцогъ такъ довѣрчиво открылся,
Что замыселъ преступный онъ питалъ,
А ты въ душѣ благую цѣль скрывалъ,
И обмануть постыдно такъ рѣшился!
О, перестань, прошу тебя! Лишить
Меня не можешь друга: не заставь-же
Чтобы въ тебѣ отца я потерялъ!

О К Т А В І О

(тронуть, но старается скрыть свои чувства).

Мой милый Максъ! Не знаешь ты всего.

Такъ слушай-же, что я тебѣ открою.

(Послѣ короткаго молчанія.)

Давно ужъ все у герцога готово!

Своимъ звѣздамъ онъ ввѣрился. Напасть

На насъ въ распахъ онъ думаетъ. Въ успѣхѣ

Заранѣ увѣренъ онъ. О, нѣтъ!

Онъ въ заблужденіи. Мы не оставались

Въ бездѣйствіи.... Таинственной и мрачной

Судьбѣ своей онъ предалъ самъ себя.

М А К С Ъ:

О, не рѣшайся дѣйствовать такъ скоро!

Тебя я всѣмъ священнымъ заклинаю:

Не принимай такихъ поспѣшныхъ мѣръ!

О К Т А В І О.

Онъ тихими шагами пробирался

По своему преступному пути.

И такъ-же тихо, скрытно такъ прокралось

Во слѣдъ за нимъ и мщеніе ему.

Теперь оно невидимо и грозно

Стоитъ за нимъ — и шагъ еще одинъ —

И на него падетъ неотразимо

Оно съ ужасной силой... У меня

Ты Квестенберга видѣлъ, но не знаешь

Еще вполнѣ всѣхъ цѣлей ты его:

Сюда онъ присланъ съ тайнымъ порученьемъ,

И одному извѣстно мнѣ оно.

М А К С Ъ.

Могу-ли я узнать его?

О К Т А В І О.

Мой сынъ,
И жизнь отца, и благо государства
Ввѣряю съ этимъ словомъ я тебѣ!
Тебѣ, я знаю, Валленштейнъ такъ дорогъ:
Ты съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ его любить;
Въ душѣ твоей желанье есть.... Позволь-же
Мнѣ самому то высказать тебѣ,
Въ чемъ не хотѣлъ такъ долго ты признаться:
Въ душѣ твоей, я знаю, есть надежда
Еще тѣснѣй съ нимъ сблизиться.

М А К С Ъ.

Отецъ!

О К Т А В І О.

Мой Максъ, увѣренъ въ сердцѣ я твоемъ!
Но можешь-ли ты выдержать на столько,
Чтобъ холодно, покойно оставалось,
При встрѣчѣ съ нимъ, лицо твое, когда
Его судьба тебѣ извѣстна будетъ?

М А К С Ъ.

Я отъ тебя вину его узналъ!

О К Т А В І О

(вынимаетъ изъ ящика бумагу и отдаетъ ее Максу).

М А К С Ъ.

Какъ? Подлинный указъ отъ государя!

О К Т А В І О.

Прочти его.

М А К С Ъ

(взглянувши на бумагу).

Онъ осужденъ и изгнанъ!

О К Т А В І О.

Да, это такъ.

МАКСЪ.

Такъ вотъ ужь до чего
Дошло! Несчастливая ошибка!

ОКТАВІО.

Максъ,
Приди въ себя! Читай-же дальше!

МАКСЪ

(прочитавъ далѣе, съ изумленіемъ смотритъ на отца).

Что?

Что это? Ты? — Ты сдѣланъ...

ОКТАВІО.

Да, на время....

Пока король венгерскій не пріѣдетъ,
Поручено начальство мнѣ.

МАКСЪ.

И ты

Изъ рукъ у князя войско хочешь вырвать?

Не думай! нѣтъ! — Отецъ! отецъ! отецъ!

Твоя обязанность ужасна! Этотъ

Указъ ужель захочешь ты исполнить?—

Могучаго вождя обезоружить

Среди ему покорныхъ-слѣпо войскъ,

Среди послушныхъ тысячъ? О, повѣрь мнѣ,—

И ты погибъ, и мы съ тобой погибли!

ОКТАВІО.

Я знаю самъ, чему я подвергаюсь.

Во власть Творца я отдалъ жизнь свою;

Щитомъ своимъ прикроетъ Всемогущій

Отъ всякихъ бѣдствій царскую семью,

И мрачное злодѣйство низпровергнетъ.

Еще богатъ друзьями императоръ;

И даже здѣсь найдется много ихъ,

Готовыхъ стать за праведное дѣло.
Я ихъ предупредилъ; а за другими
Я самъ смотрю.... И сдѣлай первый шагъ,
Тогда...

МАКСЪ.

Ты тотчасъ дѣйствовать начнешь
По подозрѣнью только?

ОКТАВІО.

Императоръ
Захочетъ-ли тираномъ быть? Преступна
Въ его глазахъ не воля, но дѣянье.
Еще теперь для герцога есть время;
Его судьба еще въ его рукахъ:
Пусть замысль преступный онъ оставитъ
Безъ выполненья.... Тайно отзовутъ
Его отсюда... Сыну государя
Уступить онъ начальство надъ войсками.
Почетное изгнаніе въ имѣнья
Не казнь ему — благодѣянье будетъ.
Но первый шагъ, но первая попытка....

МАКСЪ.

А что такой попыткой ты считаешь?
Преступной онъ не сдѣлаетъ; но ты
И чистое намѣреніе способенъ
Истолковать такъ жёстко, какъ теперь
Ты сдѣлалъ....

ОКТАВІО.

Какъ-бы ни были преступны
Намѣренія князя, но дѣла
Его судить нельзя еще такъ строго.
То что предписано въ указѣ этомъ,
Тогда я только выполню, когда

Какимъ нибудь поступкомъ обнаруж лтъ
Онъ самъ измѣну явную свою.

МАКСЪ.
А кто судьей будетъ здѣсь?

ОКТАВІО.
Ты самъ.

МАКСЪ.
Такъ никогда не будетъ онъ исполненъ!
Ты далъ мнѣ слово — дѣйствовать не прежде,
Пока меня, меня ты самаго
Не убѣдишь.

ОКТАВІО.
Ужель ты можешь вѣрить
Еще его невинности, когда
Ты знаешь все?

МАКСЪ.
(быстро).
Ты можешь ошибаться, —
А я... я сердцу вѣрю своему.

(Продолжаетъ нѣсколько покойнѣе.)
Кто можетъ въ глубь души его проникнуть?
Таинствененъ и чуденъ путь его,
Какъ путь тѣхъ звѣздъ, съ которыми такъ тѣсно
Онъ чудную судьбу свою связалъ.
Объ немъ, повѣрь, не справедливо судять;
Его поступки время объяснить.
Изъ этой тины черныхъ подозрѣній
Онъ выйдетъ чистымъ — вѣрю въ это я.

ОКТАВІО.
Я ожидаю этого.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. СЛУГА. *Вскорѣ потомъ* КУРЬЕРЪ.

ОКТАВІО.

Кто тамъ?

СЛУГА.

Курьеръ къ вамъ, графъ!

ОКТАВІО.

Такъ рано утромъ? Кто онъ?

Откуда?

СЛУГА.

Онъ сказать мнѣ не хотѣлъ.

ОКТАВІО.

Введи его — и ни кому ни слова
Не говорить.

(Слуга уходитъ. Входитъ Корнетъ.)

А! это вы? Графъ Галласъ
Прислалъ сюда васъ? Дайте мнѣ письмо.

КОРНЕТЪ.

Графъ на словахъ мнѣ передалъ.... Писать
Онъ не рѣшился.

ОКТАВІО.

Что-же поручилъ онъ

Скажъ мнѣ?

КОРНЕТЪ.

Я могу здѣсь говорить
Свободно?

ОКТАВІО.

Сынъ мой знаетъ все.

КОРНЕТЬ.

У насъ

Въ рукахъ онъ....

ОКТАВІО.

Кто?

КОРНЕТЬ.

Сезина, переметчикъ.

ОКТАВІО

(съ живостью).

Онъ взять? У васъ онъ?

КОРНЕТЬ.

Третьяго дни, утромъ

Его въ лѣсу Богемскомъ захватили.

Онъ вѣзъ депеши къ Шведамъ, въ Регенсбургъ.

ОКТАВІО.

Ну, а депеши?

КОРНЕТЬ.

Съ плѣнникомъ ихъ вмѣстѣ

Графъ Галласъ тотчасъ въ Вѣну отослалъ.

ОКТАВІО.

А! наконецъ-то! наконецъ! О, ваше

Извѣстие очень важно! Да, для насъ

Сезина этотъ слишкомъ дорогъ: можемъ

Теперь узнать мы многое. Ну что?

Нашли довольно?

КОРНЕТЬ.

Взяли у него

Шесть писемъ съ графа Терцкаго печатью.

ОКТАВІО.

Рукою князя было хоть одно

Написано?

КОРНЕТЪ.

Мнѣ кажется, что нѣтъ!

ОКТАВІО.

А что Сезина?

КОРНЕТЪ.

Очень былъ испуганъ,

Когда узналъ, куда его отправятъ.

Графъ Альтрингеръ прощенье обѣщалъ

Ему, когда сознается во всемъ.

ОКТАВІО.

Какъ? Графъ у васъ? А мнѣ было сказали,

Что въ Линцѣ онъ больной лежитъ.

КОРНЕТЪ.

Теперь

Три дня, какъ онъ у насъ во Фрауенбергѣ.

Ужъ около шестидесяти ротъ

Они собрали. Все народъ отборный.

И лишь отъ васъ приказовъ ожидаютъ.

ОКТАВІО.

Въ немного дней случится много можетъ!

Когда вы ѣхатъ думаете?

КОРНЕТЪ.

Это

Отъ васъ зависѣть будетъ.

ОКТАВІО.

Такъ останьтесь

До вечера.

КОРНЕТЪ.

Останусь, генераль!

(Хочетъ идти.)

ОКТАВІО.

Никто васъ здѣсь не встрѣтилъ?

КОРНЕТЬ.

Нѣтъ! Меня,
Какъ и всегда, впустили капуцины
Черезъ калитку ихъ монастыря.

ОКТАВІО.

Идите же; но будьте осторожны.
Я, можетъ быть, и раньше васъ отправлю.
Теперь развязка, кажется, близка,
И этотъ день, который ужъ на небѣ
Таинственно зачался, не успѣетъ
Еще пройти, какъ жребій будетъ брошенъ!

(Корнетъ уходитъ.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ОБА ПИККОЛОМИНИ.

ОКТАВІО.

Что, Максъ? Теперь мы скоро все узнаемъ:
Всѣ ихъ дѣла Сезина везъ.

МАКСЪ

который всю предыдущую сцену былъ въ сильной внутренней борьбѣ, рѣшительно).

Узнаю

Скорѣе васъ я истину. — Прощай!

ОКТАВІО.

Кудъ ? останься!

МАКСЪ.

Къ герцогу.

ОКТАВІО

(въ испугъ).

Къ кому?

МАКСЪ

(возвращаясь.)

О, ты во мнѣ ошибся, если думалъ,
Что я рѣшусь такую роль играть!
Всегда иду прямою я дорогой.
Я не умѣю низко притворяться,
Быть лживымъ въ сердцѣ, правымъ на словахъ,
Молчать предъ тѣмъ, кто вѣритъ мнѣ, какъ другу,
И успокоить совѣсть тѣмъ свою,
Что не мои уста ему солгали,
Что самъ хотѣлъ онъ этого. О, нѣтъ!
Какимъ кажусь, такимъ и быть я долженъ.
Сейчасъ иду я къ герцогу. И, вѣрь мнѣ,
Сегодня-же заставлю я его,
Чтобъ честь свою онъ спасъ отъ поношенья,
Чтобъ замыселъ коварный онъ разрушилъ
Однимъ поступкомъ смѣлымъ и прямымъ.

ОКТАВІО.

И ты рѣшился?

МАКСЪ.

Да, не сомнѣвайся!

ОКТАВІО.

Теперь я вижу: я въ тебѣ ошибся!
Не мальчика съ разсудкомъ помраченнымъ
Ничтожной страстью, жалкаго слѣпца,
Которому свѣтъ истины не ясенъ,
А человѣка съ волей и умомъ

Искалъ я въ сынѣ. Думалъ я, ты будешь
Благословлять спасительную руку,
Изъ пропасти извлекшую тебя.
Иди къ нему! Будь столько безразсуденъ!
Открой ему всѣ тайны государя,
Все, что тебѣ довѣрилъ твой отецъ;
Заставь меня рѣшиться по неволѣ
На явный, прежде-временный разрывъ!
Когда само, казалось, Провидѣнье
До сихъ поръ насъ такъ явно берегло,
И бдительное око подозрѣнья
Проникнуть нашей тайны не могло—
И что-жь? — мой сынъ, поступкомъ безразсуднымъ,
Всѣ наши планы разомъ разрушаетъ,
Все, что трудовъ намъ стоило такихъ!

МАКСЪ.

О, какъ я эти планы проклинаяю!
Да, ваши планы вынудятъ его
Къ чему нибудь!... И только потому,
Что вы его *считаете* виновнымъ,
Его виновнымъ *сдѣлаете* вы!
О, чѣмъ то страшнымъ кончиться должно
Все это дѣло! Выхода нѣтъ больше!
Я чувствую, я вижу, что для насъ
Уже близка кровавая развязка!
Да, если этотъ дивный долженъ пасть,
Онъ увлечетъ весь міръ въ своемъ паденьи;
И, какъ корабль, обхваченный огнемъ,
Среди кипящей бездны океана
Взлетаетъ вдругъ на воздухъ, и съ собою
Уноситъ все, что ни было на немъ, —
Онъ увлечетъ въ паденіи своемъ

Кто связанъ былъ одною съ нимъ судьбою.
Отецъ, суди, какъ хочешь. Но позволь
Мнѣ дѣйствовать свободно! Между мной
И Валленштейномъ — тайны быть не можетъ,
И нынче-же все должно объясниться,
Отца иль друга долженъ я лишиться!

(Онъ уходитъ. Занавѣсъ опускается.)

ВАЛЕНШТЕЙНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

—
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кто знает, как много вы знаете,
О том, что вы знаете, не знаю.
Мне известно, что вы знаете,
И вы знаете, что вы знаете,
И вы знаете, что вы знаете,
И вы знаете, что вы знаете.

ВЛАДИМИР

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА
ВЛАДИМИР

Поручик Александр Шинков
1897

СМЕРТЬ ВАЛЕНШТЕЙНА

ТРАГЕДІЯ

Переводъ Александра Шишкова 2-го

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Валленштейнъ.

Октавіо Пикколомини.

Максъ Пикколомини.

Терцкій.

Илло.

Изолани.

Буттлеръ.

Нейманъ, ротмистръ.

Адъютантъ.

Врангель, полковникъ, посланный отъ Шведовъ.

Гордонъ, комендантъ Егера.

Геральдинъ, майоръ.

Деверуксъ

Макдональдъ

} капитаны въ арміи Валленштейна.

Шведскій капитанъ.

Кирасиры.

Бургомистръ Егера.

Сени.

Герцогиня Фридландская.

Графиня Терцкая.

Тэкла.

Дѣвица Нейбрунъ, фрелина принцессы.

Фонъ-Розенбергъ, шталмейстеръ принцессы.

Драгунъ.

Слуги, пажы, народъ.

Дѣйствіе въ первыхъ трехъ актахъ происходитъ въ Пильзенѣ,
а въ двухъ послѣднихъ — въ Егерѣ.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Комната, опредѣленная для астрологическихъ занятій, со сферами, картами, квадрантами и другими астрономическими принадлежностями. Занавѣсъ ротонды приподнять: въ ней видны семь изображеній планетъ, каждая въ особомъ нишѣ; всѣ они освѣщены страннымъ свѣтомъ. СЕНИ наблюдаетъ планеты, ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ стоитъ передъ большимъ, чернымъ столомъ, на которомъ изображена планетная система.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. СЕНИ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Довольно, Сени! Скоро день. Пойдемъ!
Марсъ этимъ часомъ властвуетъ. Теперь
Не хорошо наукой заниматься.
Пойдемъ! Довольно знаемъ.

СЕНИ.

На Венеру

Позволь еще взглянуть мнѣ. Вотъ она
Взошла: какъ солнце на востокѣ блещетъ!

В а л л е н ш т е й н ъ.

Она близка къ землѣ; всей силой
Внизъ дѣйствуетъ.

(Разсматриваетъ чертежи на столѣ.)

Благопоспѣшный видъ:

Такъ наконецъ они сошлись—три
Великіе предвѣстника событій;
И вотъ двѣ благодатныя звѣзды
Венера и *Юпитеръ*, окружаютъ
Коварнаго, губительнаго *Марса*,
И вредоносца заставляютъ мнѣ
Служить. Онъ долго мнѣ враждебенъ былъ:
Онъ ударялъ багровыми лучами,
Удвоеннымъ, учетвереннымъ свѣтомъ,
Отвѣсно, косвенно въ мои планеты
И благотворнымъ силамъ ихъ мѣшалъ.
Теперь онъ врага преодолѣли,
И плѣннаго на небеса влекутъ.

С е н и.

И не вредить ни что свѣтиламъ этимъ:
Сатурнъ, безсильный и безвредный, гаснетъ.

В а л л е н ш т е й н ъ.

Сатурна власть прошла—его, который
Таинственнымъ зачатіемъ вещей,
И въ глубинѣ земли, и въ мракѣ мыслей,
Завѣдываетъ и владѣетъ всемъ,
Что убѣгаетъ отъ дневнаго свѣта.
Теперь не время мыслить и вникать:
Настала власть блестящаго Завеса!
Онъ въ царство свѣта дѣло тьмы влечетъ
Насильственно. Безъ отлагательствъ долженъ
Я дѣйствовать, пока примѣты счастья

Не пролетятъ надъ головой моею;
Затѣмъ, что сводъ небесъ въ движеніи вѣчномъ.

(Слышенъ стукъ въ дверь.)

Стучать! Взгляни — кто тамъ.

ТЕРЦКІЙ

(за дверью).

Впустите!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Терцкій!

Какое-жъ дѣло нужное? Я занятъ.

ТЕРЦКІЙ.

Все, все оставь! Откладывать нельзя!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Впусти его.

(Между тѣмъ какъ Сени отворяетъ дверь и выпускаетъ Терцкаго, Валленштейнъ задерживаетъ изображенія занавѣсомъ.)

—

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. Графъ Терцкій.

ТЕРЦКІЙ

(входя).

Извѣстно ли тебѣ:

Онъ взятъ, онъ выданъ Галласомъ монарху!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто взятъ? Кто выданъ?

ТЕРЦКІЙ.

Тоть, кому извѣстна
Вся наша тайна, всѣ сношенья съ Шведомъ,
Съ Саксонцемъ; чрезъ кого все дѣло шло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(отступивъ).

Но не Сезина-жь? Нѣтъ? скажи, что нѣтъ!

ТЕРЦКІЙ.

Когда онъ ѣхалъ къ Шведамъ въ Регенсбургъ,
Его схватили Галласовы люди:
Они давно уже его слѣдили.

Пакетъ мой къ Кинскому, къ Матѳію Турну,
Къ Аригейму, къ Оксенштирну посланъ съ нимъ,—
И въ ихъ уже рукахъ. Теперь имъ все
Извѣстно, что случилось.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. Илло *входитъ*.

ИЛЛО

(Терцкому).

Знаетъ онъ?

ТЕРЦКІЙ.

Все знаетъ!

ИЛЛО

(Валленштейну).

Что-жь, или еще намѣренъ
Ты съ цесаремъ мириться, возвратить

Его довѣренность? Теперь, хотя-бы
Ото всего отречься вздумалъ ты,
Но то, чего хотѣлъ ты, ужь извѣстно.
Возврата нѣтъ — впередъ лежитъ твой путь!

ТЕРЦКІЙ.

Неотразимыя на насъ улики
У нихъ въ рукахъ; свидѣтельства....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты лжешь—

Нѣтъ, подписи моей!

ИЛЛО.

Такъ что-жь? Иль мыслишь,
Что не тебѣ припишутъ все, что зять
До нынѣ дѣлалъ именемъ твоимъ?
Коль Шведы вѣрили его словамъ,
Какъ собственнымъ твоимъ, то какъ-же въ Вѣнѣ
Твои злодѣи не повѣрятъ имъ?

ТЕРЦКІЙ.

Нѣтъ обязательствъ письменныхъ, но вспомни,
Какъ на рѣчахъ ты откровененъ былъ
Съ Сезиною. Уже-ль молчать онъ станетъ?
Ужели тайну сохранить твою,
Когда, открывъ ее, спастися можетъ?

ИЛЛО.

Подумай самъ: теперь, когда извѣстно
Имъ все, что дѣлалъ ты, — скажи, чего
Ты будешь ждать? Начальствовать надъ войскомъ
Не можешь долѣе; а сложишь власть—
И безвозвратно, горестно погибнешь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Оплоть мой — войско. Войско не оставитъ
Меня. Пусть знаютъ, что хотятъ; но власть

Въ моихъ рукахъ—такъ замолчать невольно.
Да! Замолчать, коль въ вѣрности моей
Поруки имъ представлю.

И Л Л О.

Такъ! все войско
Твое, теперь — твое; но трепещи
Предъ медленной, предъ тихой силой время?
Отъ явнаго насилія теперь—
Сегодня, завтра — ты хранимъ любовью
Всѣхъ войскъ твоихъ; но если дашь имъ срокъ—
Ихъ мнѣнье доброе, на коемъ нынѣ
Ты всю надежду основалъ свою,
Подкопанное непримѣтно, рухнетъ;
Одинъ другого сманить отъ тебя,
Доколѣ страшное землетрясенье
Не опрокинетъ рухлаго строенья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Злой это случай!

И Л Л О.

О, счастливый, если
Онъ на тебя подѣйствуетъ, какъ должно:
Понудить дѣйствовать! — Полковникъ шведскій....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пріѣхалъ онъ? Ты знаешь, что привезъ онъ?

И Л Л О.

Тебѣ лишь хочетъ лично объявить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Злой случай, злой! Конечно такъ, конечно!
Сезина слишкомъ много знаетъ и —
Молчать не будетъ.

ТЕРЦКІЙ.

Онъ бѣглець богемскій,

Мятежникъ; голова оцѣнена его:
Захочетъ-ли щадить тебя, коль скоро
Увидить средство—гибелью твоей
Спаستись? Найдется-ль въ робкомъ духъ, когда
Его допросятъ въ пыткахъ и мученьи?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(задумавшись).

Не возвратить довѣренности... нѣтъ!
И какъ бы я ни дѣйствовалъ, въ глазахъ ихъ —
Предатель я, и имъ же и останусь!
Мнѣ не поможетъ обращенье къ долгу!...

ИЛЛО.

Оно тебя погубить! — Этотъ шагъ
Безсилію — не вѣрности припишутъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(прохаживаясь взадъ и впередъ, въ сильномъ волненіи).

Какъ? Мнѣ же надо дѣйствовать теперь,
За то лишь, что я мыслямъ далъ свободу...
О, проклять тотъ, кто съ демономъ играетъ!

ИЛЛО.

Пусть это все была игра... но вѣрь:
Ты за нее расплатишься не шуткой.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И для чего жъ теперь исполнить долженъ,
Теперь, какъ власть еще въ рукахъ?

ИЛЛО.

Не медли,
Чтобы, опомнясь въ Вѣнѣ отъ удара,
Не поспѣшили упредить тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(разсматриваетъ листъ).

Всѣ генералы обязались. Подпись

Имѣю ихъ; но отъ чего же Максъ
Не подписался? Отъ чего?

ТЕРЦКІЙ.

Онъ былъ....

Онъ полагалъ....

И Л Л О.

Упрямство! Обязательствъ

Не нужно, говорилъ онъ, между нами.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Конечно такъ! Не нужно ихъ — онъ правъ!

Полки не-йдутъ во Фландрію. Ко мнѣ

Они прислали письменную просьбу —

И громко вопіють на повелѣнье.

Такъ къ мятежу ужъ сдѣланъ первый шагъ.

И Л Л О.

Вѣрь — легче будетъ отвести къ врагамъ

Ихъ, чѣмъ къ Испанцу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прежде знать хочу,

Что Шведъ мнѣ скажетъ.

И Л Л О

(торопливо Терцкому).

Позови его;

Онъ за дверьми.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Повремени немного!...

Онъ невзначай — онъ слишкомъ скоро прибылъ.

Я не привыкъ, чтобъ, управляя слѣпо,

Насильно случай увлекалъ меня.

И Л Л О.

Лишь выслушай; потомъ обдумать можешь.

(Уходитъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (одинъ).

Возможно ли? Я не могу исполнить
Чего хочу! Не смѣю отказаться!
Я долженъ къ дѣлу приступить теперь,
Затѣмъ, что думалъ нѣкогда о немъ,
Что не бѣжалъ отъ искушеній, сердце
Питалъ мечтой, что на невѣрный подвигъ
Я запасался средствами — и путь
Очищенный, свободный приготовилъ!
Клянусь всесильнымъ Богомъ: никогда
Намѣренья рѣшительнаго я
Не принималъ! Я эту мысль лелѣялъ
Въ моей душѣ. Богатства и свобода
Меня прельщали. Тяжкая-ль вина,
Что царскою я тѣшился надеждой?
Не оставалась ли въ моей груди
Ни чѣмъ еще не скованная воля?
Не близъ себя-ль я видѣлъ правый путь,
Которымъ къ долгу возвратиться могъ?
Куда-жъ внезапно завлеченъ я нынѣ?
Обратный путь мнѣ загражденъ стѣною:
Изъ собственныхъ моихъ воздвигшись дѣлъ,
Огромной мнѣ она препоной стала.

(Погружается въ глубокую задумчивость.)

Виновнымъ я кажусь, и, чтобъ ни дѣлалъ,
Не оправдаюсь. Обвинитель мой—
Двусмысленный до нынѣ образъ жизни;
И самыхъ чистыхъ дѣлъ источникъ чистый

Отравить подозрѣнье. Будь я тѣмъ,
Чѣмъ прѣслылъ, будь предателемъ, — наружность
Невиннаго старался-бъ сохранить,
Густымъ бы я одѣлъ себя покровомъ
И не ропталъ. Но въ твердомъ увѣреньи,
Что не таю въ душѣ преступныхъ мѣръ,
Что я невиненъ — ропоту, страстямъ
Далъ волю; злему не причастный дѣлу,
Я былъ и смѣлъ, и дерзокъ на рѣчахъ.
Теперь, все то, что дѣлалъ я безъ цѣли,
Припишутъ къ цѣли отдаленной, тайной,
Предвидѣнной; все, что въ порывѣ гнѣва,
Въ веселыя минуты, говорилъ
Отъ полноты души я, откровенно,
Въ ткань хитрую сплетутъ; противъ меня
Ужасное составятъ обвиненье,
Передъ которымъ долженъ я молчать.
Такъ! въ собственной запутался я сѣти:
Одно насилье разорветъ ее!

(Снова умолкаетъ.)

Иного средства нѣтъ! На подвигъ смѣлый
Свободный духъ меня донынѣ влекъ,
Теперь спасти себя повелѣваетъ
Необходимости суровый гласъ.
Важна, страшна подобная минута:
Дрогнетъ рука невольно, опускаясь
За жребіемъ въ таинственную урну
Судебъ! — Намѣренье, таясь въ груди,
Еще мое; но на чужбину жизни
Изъ сердца, тихой родины своей,
Однажды излетя, принадлежитъ
Уже духамъ коварнымъ и лукавымъ,

Со смертными во вѣкъ непримиримымъ.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ сильномъ волненіи и вновь задумчиво останавливается.)

И что ты предприемлешь? Самъ себѣ
Ты отдалъ ли отчетъ подробный? Хочешь
Поколебать святую власть престола,
Которая, освящена вѣками,
На навѣкъ покоится; съ которой
Соплетена младенческая вѣра
Народовъ тысячами упругихъ корней.
Неровныхъ силъ борьба начнется! — Нѣтъ,
Такой борьбы я не боюсь! Я стану,
Безъ трепета, противъ врага, когда
Могу его окинуть глазомъ, видѣть
И мужествомъ его воспламениться;
Но я боюсь тайнаго врага:
Онъ на меня въ сердцахъ людей возстанетъ;
Безжизненный, безсильный, робкій, онъ
Одинъ лишь можетъ утратить меня.
Его, опаснаго, боюсь я!
Ничтожное, но вѣчное *вчера*
Остерегать приходитъ человѣка,
И важенъ каждый день его совѣтъ.
Самъ человѣкъ — ничтожное созданье:
Кормилицей привычку онъ зоветъ,
И горе, кто коснется до наслѣдья
Его отцовъ, до рухляди старинной!
Года и вѣки освящаютъ все:
Боготворимъ, что убѣлило время.
Ты властвуешь — такъ властвуешь законно,
И свято чтить права твои толпа.

(Вошедшему пажу.)

Кто тамъ? Полковникъ шведскій? Пусть войдетъ!

*Пажъ уходитъ. Валленштейнъ задумчиво устремляетъ
взоры на дверь.)*

Еще порогъ не оскверненъ; еще

Къ нему не прикасалось преступленье!...

Вотъ какъ узка граница межъ двумя

Путиами жизни!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ВРАНГЕЛЬ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(устремивъ на него пронизательный взоръ).

Врангелемъ зовутъ васъ?

ВРАНГЕЛЬ.

Полковникъ Врангель, синяго полка
Зюдерманландскаго.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какой-то Врангель

При Стральзундѣ мнѣ сильно повредилъ:

Онъ отразилъ меня — и былъ причиной,

Что мнѣ приморскій городъ не сдался.

ВРАНГЕЛЬ.

Не я тотъ подвигъ совершилъ — стихія,

Съ которой вы боролись: силой бури

Бельтъ защищалъ свободу волнъ своихъ.

Земля и море одному служить

Не захотѣли.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Адмиральской шляпы
Меня тогда лишили вы.

ВРАНГЕЛЬ.
Корону
Теперь пришолъ я возложить на васъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ
(дастъ ему знакъ състь и самъ садится).
Уполномочены-ль вы въ этомъ дѣлѣ?

ВРАНГЕЛЬ.
Сомнѣнья есть. Ихъ надо разрѣшить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ
(прочитавъ письмо).

Горить письмо. Умень начальникъ вашъ!
Я, пишетъ канцлеръ, помогая вамъ
Взойти на тронъ Богемскій, исполняю
Лишь короля покойнаго желанье.

ВРАНГЕЛЬ.
Онъ пишетъ истину: король всегда
Высокихъ мыслей былъ о васъ, и часто
Говаривалъ, что быть монархомъ долженъ
Тотъ, кто глубокий умъ соединяетъ
Съ искусствомъ властелина и вождя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Онъ долженъ былъ такъ говорить.
(Довѣрчиво беретъ его за руку.)

По чести,
Полковникъ Врангель, я всегда былъ Шведомъ
Въ душѣ. Въ Силезіи, при Нюренбергѣ
Вы испытали это. Часто васъ
Въ рукахъ имѣлъ, но выпускалъ всегда.
Вотъ, вотъ чего мнѣ не прощаютъ въ Вѣнѣ,

Что къ шагу этому меня влечетъ.
Теперь, какъ наши выгоды сошлись,
Должны мы быть другъ съ другомъ откровенны,
Довѣрчивы.

ВРАНГЕЛЬ.

Довѣрчивость придетъ
Со временемъ, тогда — какъ вы и мы
Увѣримся другъ въ другъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Канцлеръ, вижу,
Не слишкомъ вѣрить мнѣ. Да! я согласенъ:
Со стороны невыгодной являюсь
Я въ этомъ дѣлѣ. Канцлеръ полагаетъ,
Что цесарю, монарху измѣнивъ,
Могу я также измѣнить врагамъ,
И что *одно* простительнѣй *другаго*.
Не такъ ли, Врангель?

ВРАНГЕЛЬ.

Съ порученьемъ я,
Не съ мнѣньями сюда пріѣхалъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Цесарь

До крайности меня довелъ, и съ честью
Служить ему отнынѣ не могу.
Для безопасности, для обороны,
Я долженъ сдѣлать этотъ трудный шагъ,
Въ которомъ совѣсть упрекаетъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Вѣрю.

Не вынужденный, не поступить такъ.

(Помолчавъ.)

О томъ, что понуждаешь вашу свѣтлость

Противъ монарха дѣйствовать, не намъ
Судить и думать. Честью и мечемъ
За правое мы ополчились дѣло.
Намъ все благопріятствуетъ; въ войнѣ
Нѣтъ выгоды незначущей; беремъ
Что можно взять, безъ дальнихъ размышленій.
И если точно таковы дѣла....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да въ чемъ еще сомнѣнье? Въ доброй волѣ
Моей, иль въ силахъ? Канцлеру я разъ
Далъ слово, если онъ шестнадцать тысячъ
Людей повѣритъ мнѣ — прибавить къ нимъ
Восемнадцать тысячъ цесарскаго войска.

ВРАНГЕЛЬ.

Воителя всѣ почитаютъ въ васъ,
Вторымъ Аттилой, Пирромъ называютъ,
И съ удивленьемъ говорятъ о томъ,
Какъ вы, ума непостижимой силой,
Рать цѣлюю изъ ничего создали;
Но....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что жъ такое?

ВРАНГЕЛЬ.

Канцлеръ полагаетъ,
Что шестьдесятъ готовыхъ къ бою тысячъ
Изъ ничего воздвигнуть легче, чѣмъ
Шестую часть....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что? Говорите прямо!

ВРАНГЕЛЬ.

Склонить къ забвенію долга и присяги.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ? Судить онъ, какъ Шведъ, какъ протестантъ.
За Библію свою идете въ бой
Вы, лютеране; *сердцемъ* и душой
За вашими стремитесь знаменами.
Кто ко врагу изъ *васъ* бѣжитъ, тотъ вдругъ
Два долга, двѣ присяги нарушаетъ.
У насъ не то! Намъ неизвѣстно это!

ВРАНГЕЛЬ.

Творецъ небесный! здѣсь ужели нѣтъ
Ни родины, ни церкви, ни святыни?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вотъ по чему: отечество *имѣетъ*
Австріецъ; любить, и любить его
Онъ можетъ и обязанъ. Но у войска,
У *этого*, которое стоитъ
Въ Богеміи, нѣтъ родины: оно
Чужихъ земель отбросокъ, часть народа
Бездомная; нѣтъ ничего у ней
Окромѣ солнца, общаго для всѣхъ.
Богемія жъ, для коей мы воюемъ,
Мертва душой къ властителю, который
Не избранъ ею, покорилъ ее.
Она съ примѣтнымъ ропотомъ влачить
Оковы вѣры. Власть ее сковала,
Не успокоила. Воспоминанье
Ужасныхъ дѣлъ, свершенныхъ въ ней, живетъ,
Кипящее огнемъ свирѣпой мести.
Забыть ли сыну, что его отца
Травили псами въ церкви? Нѣтъ! Народъ,
Кому въ наслѣдье пала жажда мщенья,

Свирѣпъ, ужасенъ — мститъ ли за обиды,
Иль терпитъ ихъ!

ВРАНГЕЛЬ.

Но офицеры, герцогъ,
Дворянство? Въ лѣтописяхъ нѣтъ примѣра
Такой измѣны и такого бѣгства.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Они мои! Не вѣря мнѣ, повѣрьте
Своимъ глазамъ.

*(Подаетъ ему присяжный листъ. Врангель, прочитавъ
его, кладетъ, молча, на столъ.)*

Что? поняли теперь?

ВРАНГЕЛЬ.

Пойми, кто можетъ! Князь, съ себя личину
Снимаю! Такъ! уполномоченъ я
Все кончить. Рейнграфъ ужь стоитъ отсюда
Недалеко; черезъ четыре дня
Здѣсь можетъ быть, и ждетъ лишь приказанья,
Чтобъ къ вамъ привести шестнадцать тысячъ войскъ.
Условимся, и я отдамъ приказъ....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чего же отъ меня желаетъ канцлеръ?

ВРАНГЕЛЬ

(значительно).

Двѣнадцать шведскихъ мы даемъ полковъ.

За нихъ я отвѣчаю головою.

А если изъ всего лишь шутка выйдетъ?...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(съ жаромъ прерываетъ его).

Полковникъ Врангель!

ВРАНГЕЛЬ

(продолжаетъ спокойно).

По причинѣ этой

Я долженъ настоять, чтобъ герцогъ Фридландъ
Не возвратимо объявилъ разрывъ
Съ своимъ монархомъ; безъ чего ему
Войскъ шведскихъ не поручать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ясно, кратко!...

Скажите, что я долженъ дѣлать? Канцлеръ
Чего желаетъ отъ меня?

ВРАНГЕЛЬ.

Чтобъ вы
Приверженные къ цесарю полки
Испанскіе обезоружили;
Чтобъ овладѣли Прагой вы и городъ
Отдали Шведамъ, вмѣстѣ съ замкомъ Эгеръ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

О, много, много! Прагу? Пусть бы Эгеръ,
Но Прагу.... Нѣтъ, нельзя! Все дамъ вамъ, все
Чего хотите, и что можно дать,
Но Прагу, по Богемію.... я самъ,
Самъ защищать могу.

ВРАНГЕЛЬ.

Въ томъ никакого
Сомнѣнья нѣтъ. Но мы не о защитѣ
Заботимся. Вознаградить должны мы
Потерю денегъ и людей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Цѣною

Дешевою!

ВРАНГЕЛЬ.

И Прага остается
Въ закладъ намъ, пока мы не воротимъ
Своихъ убытковъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Неужли такъ мало
Намъ вѣрите?

ВРАНГЕЛЬ

(встаетъ).

Съ Германцемъ осторожны
Должны быть Шведы. На его призывъ
Мы переплыли море — и спасли
Имперію; запечатлѣли кровью
Свободу вѣры... но уже забыты
Благодѣянія: мы въ тягость здѣсь;
На пришлеца не дружелюбно смотрятъ;
И рады бѣ были съ горстью денегъ насъ
Отправить въ наши дальніе лѣса.
Нѣтъ, не за золото и серебро,
Іудину награду, короля
Оставили на полѣ битвы мы!
Столь многихъ Шведовъ дорогая кровь
Не для сребра и золота лилась!
И не хотимъ мы съ лаврами пустыми
Къ роднымъ берегамъ направить паруса.
Нѣтъ! но *гражданами* хотимъ остаться
На той землѣ, которую король
Завоевалъ своимъ паденьемъ славнымъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Унизимъ прежде общаго врага,
И весь богатый, пограничный край —
Вашъ!

ВРАНГЕЛЬ.

Но когда же мы его унизимъ?
Кто укрѣпитъ связь новой дружбы? Герцогъ,
Хотя отъ Шведовъ и таятъ, но имъ

Извѣстны тайныя сношенья ваши
Съ Саксонцемъ. Кто поручится, что мы
Не станемъ жертвой тайныхъ договоровъ,
Которые отъ насъ скрываютъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Канцлеръ

Прекрасно выбралъ своего посла:
Онъ никого упорнѣй не нашелъ бы!

(Встаетъ.)

Припомните другое что нибудь,
Полковникъ Врангель; а о Прагъ полно.

ВРАНГЕЛЬ.

Я дальней власти не имѣю.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вамъ

Отдать мой главный городъ? Нѣтъ! скорѣе
Я — къ цесарю согласенъ возвратиться.

ВРАНГЕЛЬ.

Да! если ужъ не поздно....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отъ меня

Оно зависить: и теперь, и вѣчно....

ВРАНГЕЛЬ.

Зависѣло быть можетъ, но не нынѣ —
Не съ той поры, какъ взять Сезина.

(Видя, что Валленштейнъ, пораженный этими слова-
ми, молчитъ.)

Герцогъ,

Мы вѣримъ вамъ! Послѣднее сомнѣнье
Вчера исчезло; и теперь, когда
За войско ваше этотъ листъ порукой,
Довѣрія ни что не поколеблетъ.

Пусть Прага насъ не ссорить. Канцлеръ вамъ
Оставить *Рачинъ*; самъ доволенъ будетъ
Однимъ лишь *старымъ городомъ*. Но прежде
Чѣмъ мы къ союзу можемъ приступить
Намъ *Эгеръ* долженъ отворить ворота.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ вамъ лишь должно вѣрить, мнѣ же — нѣтъ?...
Подумаю о вашемъ предложеньи!...

ВРАНГЕЛЬ.

Но, герцогъ, смѣю васъ просить — не долго:
Другой ужъ годъ идутъ переговоры!
И если нынѣ не рѣшитесь, канцлеръ
Ихъ прерванными навсегда почтетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы слишкомъ торопливы! Шагъ подобный
Обдумать надо.

ВРАНГЕЛЬ.

Князь, его удача
Отъ быстрого зависитъ исполненья!
(Уходитъ.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ТЕРЦКІЙ и ИЛЛО возвращаются.

ИЛЛО.

Что? кончено?

ТЕРЦКІЙ.

Уговорились?

И Л Л О.

Шведъ

Довольнымъ вышелъ. Да! вы согласились?

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Нѣтъ! Ничего еще не рѣшено!...

И, взвѣся все, я думаю оставить

Мое намѣренъе.

Т Е Р Ц К І Й.

Какъ! Что такое?

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Жить милостью высокоумныхъ Шведовъ?

Нѣтъ, не могу!

И Л Л О.

Но развѣ, какъ бѣглець,

Ты молишь ихъ о помощи? Не меньше ль

Ты принимаешь, чѣмъ имъ самъ даешь?

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Что случилось съ тѣмъ Бурбономъ вѣнценоснымъ,

Который предалъ самъ себя врагамъ

Народа? Тяжкія отчизнѣ раны

Нанесъ? Какая мзда его ждала?

Проклятія людей ему отмстили....

И были мздой его преступныхъ дѣлъ —

Презрѣніе и ненависть народа!

И Л Л О.

Съ тобой не то!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Я говорю вамъ — вѣрность

Есть другъ ближайшій каждому изъ насъ;

Мститъ за нее мы рождены на свѣтъ.

Вражда противныхъ партій, злоба сектъ,

Раздоръ и зависть — все, что дышетъ мщенъемъ

И пагубой взаимной — все мирится,
Все сходится гнать общего врага,
Гнать звѣря лютаго, который вторгся,
Убийственъ, въ безопасную ограду,
Гдѣ человекъ укрылся. Да! его
Умъ собственный не въ силахъ защитить!
Лишь на челѣ дала ему природа
Глаза; затылокъ беззащитный, слабый
Неподкупная вѣрность охраняетъ.

ТЕРЦКІЙ.

Не мысли хуже о себѣ врага,
Который руку помощи въ семь дѣлъ
Тебѣ охотно подаетъ. Не такъ
Былъ совѣстливъ тотъ Карлъ, тотъ предокъ дома
Цесарскаго, который принималъ
Въ отверзтыя объятія Бурбона.
Одна корысть вселенной управляетъ!

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто звалъ васъ? Здѣсь не женскія дѣла.

ГРАФИНЯ.

Я прихожу поздравить. Не ужель
Пришла я рано? Нѣтъ, не полагаю!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(Терцкому).

Употреби надъ нею власть: вели
Ей выйти.

ГРАФИНЯ.

Я дала ужь короля
Богеміи.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Былъ королемъ!

ГРАФИНЯ.

Скажите жь
Въ чемъ затрудненье?

ТЕРЦКІЙ.

Герцогъ самъ не хочетъ.

ГРАФИНЯ.

Не хочетъ?... если долженъ?

ИЛЛО.

Вашъ чередъ,

Графиня! Я молчу, коль скоро рѣчь
До честности, до вѣрности коснулась.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Ты былъ твердъ, рѣшителенъ, когда
Лежало все въ туманномъ отдаленьи,
Когда твой путь передъ тобой дѣлился
На части безконечныя; а нынѣ,
Когда осуществилися мечты,
Когда такъ близко исполненье, вѣренъ
Успѣхъ — коснѣешь? Въ начинаньяхъ смѣлый,
Ты робокъ въ дѣлѣ? Оправдай, коль хочешь,
Своихъ враговъ — они того желаютъ
И ждутъ. Охотно вѣрятъ, что ты умыслъ
Имѣлъ; и будь покоенъ — скоро, скоро

Докажутъ то бумагой и печатью!
Но чтобъ ты могъ исполнить, что предпринялъ,
Тому никто не вѣритъ; нѣтъ, иначе
Они бъ тебя боялись, уважали.
Возможно ли? Зашедши такъ далеко,
Когда все худшее уже извѣстно,
Когда тебѣ намѣренье твое,
Какъ бы исполненное, причтено въ вину,
Ты отступить — плода своихъ трудовъ
Лишиться хочешь? Исполинскій умыслъ,
Отринутый, презрѣннымъ злодѣяньемъ
Становится; увѣнчанный успѣхомъ,
Исполненный — безсмертное онъ дѣло,
Великъ и славенъ! — Приговоръ небесъ,
Судъ Божій — дѣла каждого конецъ.

С Л У Г А

(входитъ).

Полковникъ Пикколомини.

Г Р А Ф И Н Я

(быстро).

Пусть ждетъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Теперь его я видѣть не могу —

Скажи ему.

С Л У Г А.

Онъ на одно мгновенье

Желаетъ видѣть васъ: имѣетъ дѣло

Нужнѣйшее....

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Кто знаетъ что за дѣло!...

Быть можетъ точно нужное: хочу

Узнать его.

ГРАФИНЯ

(смыется).

Ему конечно нужно,
Но не тебѣ. Отсрочь!...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что это значить?

ГРАФИНЯ.

Узнаешь послѣ; а теперѣ подумай
Какъ Врангеля отправить.

(Слуга уходитъ.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Если бѣ выборъ
Мнѣ предстоялъ еще! Легчайшій способъ
Найтись могъ! Теперь хочу обдумать
И взвѣсить, крайнихъ избѣгая мѣръ.

ГРАФИНЯ.

Когда другихъ желаній не имѣешь,
Путь предъ тобой открыть: пусть ѣдетъ Врангель;
Забудь свои бывалыя надежды,
Жизнь прошлую забудь; рѣшишь начать
Иную, новую. Своихъ героевъ,
Подобно славѣ и подобно счастью,
Имѣеть добродѣтель. Въ Вѣну, герцогъ!
Пади къ ногамъ стоящаго монарха,
Возьми съ собой казну свою — скажи,
Что вѣрность ты испытывалъ подвластныхъ
Тебѣ людей, что Шведовъ ты дурачилъ.

ИЛЛО.

Нѣтъ поздно, поздно! Слишкомъ много знаютъ.
Онъ голову на плаху понесетъ.

ГРАФИНЯ.

Я не боюсь того: нѣтъ доказательствъ,

Чтобъ по законамъ осудить его;
А самовластно осуждать не стануть.
Нѣтъ, герцога отпустить безъ хлопотъ.
Предвижу все: сюда король венгерскій
Прибудетъ; и, само собой понятно,
Безъ объясненій удалится герцогъ.
Король войска вновь приведетъ къ присягѣ,
И водворятся тишина и миръ.
Вдругъ, герцога не станетъ въ нашемъ станѣ,
Его же замки оживутъ, и въ нихъ
Хозяйничать, охотиться, и строить,
И золотые раздавать ключи
Онъ будетъ; пышный дворъ себѣ воздвигнетъ
И, угощая царскою трапезой,
Большимъ монархомъ будетъ — въ маломъ видѣ!
Когда жъ увидятъ, что онъ тихъ и скромень,
Что блеска чуждаго не ищетъ онъ,
Ему позволять тѣмъ быть, чѣмъ онъ можетъ,
И прослыветъ, до гробовой доски,
Онъ княземъ мудрымъ, добрымъ и великимъ.
Да! и причтутъ его къ толпѣ людей
Изъ ничего возвышенныхъ войною,
Могучей тварью милости придворной,
Которая, съ холоднымъ равнодушьемъ,
Князей, бароновъ, графовъ создаетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(встаетъ въ сильномъ волненіи).

Благія силы! Укажите выходъ
Изъ этой бездны; укажите *путь*,
Которымъ я пошелъ бы, не краснѣя.
Я не могу, подобно многимъ, волей
И мыслями грѣть душу; не могу,

Когда спиной оборотилось счастье,
Сказать ему: иди, ты мнѣ не нужно!
Бездѣйствіе — ничтожность для меня!
Опасностей и жертвъ не пожалѣю,
Чтобъ уклониться крайняго шага;
Но прежде, чѣмъ повергнуса въ ничтожность,
Но прежде, чѣмъ великое начало
Такимъ презрѣннымъ осрамлю концомъ,
И міръ сравнить меня съ ничтожной тварью,
Родившейся и падшей въ день одинъ, —
Да! съ омерзеньемъ, міръ сей и потомство
Произнесутъ безславное названье
Фридландскаго — да будетъ имя Фридландъ
Условнымъ звукомъ всѣхъ проклятыхъ дѣлъ!

Г Р А Ф И Н Я .

И что же въ томъ ужаснаго находишь?
Не понимаю! Привидѣньямъ ночи,
Симъ суевѣрнымъ призракамъ мечты,
Не дай великой овладѣть душою!
Ты обвиненъ въ измѣнѣ; справедливо,
Иль нѣтъ, теперь изслѣдывать не время;
Но если ты не ополчишься властью,
Которая въ твоихъ рукахъ, — погибнешь!
Скажи мнѣ Фридландъ, гдѣ живетъ творенье
Смирненное, которое бы жизнь
Не защищало до послѣднихъ силъ?
Какой рѣшительный и дерзкій шагъ
Не извиненъ невольной обороной?

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Меня когда-то Фердинандъ любилъ;
Онъ уважалъ меня; всѣхъ ближе къ сердцу

Ему былъ я. Кого изъ всѣхъ князей
Онъ больше чтить? меня! И кончу такъ!

Г Р А Ф И Н Я.

Какъ милости ничтожныя ты помнишь,
И забываешь горькія обиды!
Напомнить ли, какъ въ Регенсбургѣ былъ
Ты награжденъ за важныя заслуги?
Сословья всѣ ты раздражилъ, обидѣлъ,
И чтобъ возвысить цесаря, навлекъ
Самъ на себя проклятія вселенной
И ненависть. Въ Германіи обширной
Ни одного ты друга не имѣлъ,
Затѣмъ, что жилъ для одного монарха.
Въ тотъ бурный день, когда ревѣли грома
И въ Регенсбургѣ надъ твоей главой
Скоплялись тучи, — за него держался
Ты, Фридландъ; онъ же уронилъ тебя:
Да, уронилъ! Кичливому Баварцу
Тобой пожертвовалъ. Не говори,
Что возвращенье сана и жезла
Загладило старинную обиду.
Не доброй волей отданы они!
Ихъ далъ тебѣ законъ нужды суровой;
Ихъ рады бь снова вырвать у тебя.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Не доброй волей — правда! Все же саномъ
Я одолженъ его расположенью;
Его могу употребить во зло,
Довѣренности жь обмануть не въ силахъ!

Г Р А Ф И Н Я.

Довѣренность? Расположенье? Нѣтъ!
Ты нуженъ былъ! Докучливая крайность,

Которой нужны не одни названья,
Не знаки, не наружность, но дѣла,
Великаго вездѣ сыскать умѣть,
И, выхвата его изъ черни даже,
Ему кормило поручаетъ, — крайность
Дала тебѣ и власть твою, и санъ.
Затѣмъ, что долго, сколько силъ достанетъ,
Работаютъ и дѣйствуютъ они
Машинами и рабскими душами;
Когда же крайняя придетъ нужда,
Когда пустой наружности ужъ мало,
Ихъ дѣло въ мощныя впадаетъ руки
Самой природы, исполина-духа,
Который собственной послушенъ волѣ
И *никакихъ* условій знать не хочетъ,
Но дѣйствуетъ на *собственныхъ* условияхъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Все правда, все! Они меня донынѣ
Тѣмъ почитали, чѣмъ я есть и былъ.
И мысля, что скрывать мой образъ мнѣнїй
Рѣшительный труда не стоитъ, я
Ни въ чемъ еще не обманулъ ихъ вѣры.

ГРАФИНЯ.

Напротивъ, страшенъ ты казался имъ.
Не *ты*, во вѣкъ себѣ неизмѣнявшій,
Они виновны, что тебя страшились,
И въ тоже время дали власть тебѣ.
Тотъ правъ, кто твердъ въ своихъ предначертаньяхъ;
Виновенъ, кто живетъ съ собою въ распрѣ.
Не тотъ ли же ты былъ, когда предъ этимъ
За восемь лѣтъ, чрезъ весь германскій край
Пронесъ огонь и мечъ опустошенья,

И, потрясая бичъ надъ областями
Имперіи, законамъ посмѣвался,
Зналъ только силы мощныя права,
И цесаря распространяя власть,
Другихъ владѣльцевъ унижалъ и попраля?
Тогда то волю гордую твою
Переломить, тогда-то было время:
Но цесарю оно полезно было,
И нравилось! И, молча, къ злему дѣлу,
Онъ приложилъ монаршую печать.
Все, что тогда ты дѣлалъ для него,
Въ его глазахъ казалось справедливымъ;
Теперь ты тоже дѣлаешь, но *противъ* —
И говорятъ: постыденъ твой поступокъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(встаетъ).

Еще ни разу съ этой стороны
Я не смотрѣлъ. Такъ, справедливо, такъ!
Моей рукой въ имперіи дѣла
Такія онъ производилъ, которыхъ
Стыдиться должно. Мантиею даже,
Той княжескою мантией моею,
Преступнымъ я услугамъ одолженъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ, согласись, что межъ тобой и имъ
Ни слова нѣтъ о долгѣ и о правѣ,
Но рѣчь идетъ о *случаѣ*, о силѣ.
Настало время привести въ итогъ
Обширные расчеты жизни цѣлой.
Побѣдоносны надъ тобою знаки,
Успѣхъ тебѣ планеты обѣщаютъ;
Я слышу ихъ призывъ: пора! пора!

Ужель напрасно измѣрялъ течение
Небесныхъ тѣлъ? Напрасно ты квадрантомъ
И циркулемъ владѣлъ? На стѣнахъ этихъ
Изобразилъ и зодіакъ, и небо,
И вокругъ себя поставилъ семь, безмолвно
Вѣщающихъ, властителей судьбы,
Безъ всякой цѣли, для одной забавы?
Ужель ничто приготовленья эти,
И вся наука — тщетная мечта,
Что ею ты пренебрегаешь самъ,
Что надъ тобою власти не имѣетъ
Она въ рѣшительный, великій часъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(въ продолженіи послѣдней рѣчи ходившій взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи, вдругъ останавливается и прерываетъ графиню).

Послать мнѣ Врангеля, и чтобъ въ мгновенье
Три конные гонца готовы были.

И Л О.

А! славу Богу!

(Поспѣшно уходитъ.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тò его и мой

Злой демонъ! Онъ его караетъ мною,
Орудіемъ властолюбивыхъ мѣръ;
А самъ я жду, что мести ножъ острится
На грудь мою. Не радостная жатва
Готовится тому, кто сѣялъ зубы
Драконовы! Такъ, злое дѣло вѣчно
Съ собою духа-мстителя несетъ:
Боязнь на сердцѣ, ожиданье горя.
Отнынѣ вѣрить мнѣ не можетъ онъ,

Такъ отступить и мнѣ нельзя. Да будетъ
Что быть должно! Рокъ правъ всегда бываетъ,
Затѣмъ, что сердце наше самовластный
Его предназначеній исполнитель.

(Терцкому.)

Пусть Врангель въ кабинетъ ко мнѣ придетъ;
Съ гонцами самъ поговорю. Пошли
Ко мнѣ Октавіо.

(Графиня, которая не можетъ скрыть своего восторга.)

Не восхищайся!

Судьбы ревнивы: раннимъ торжествомъ
Мы дерзостно права ихъ нарушаемъ;
Мы сѣмена въ ихъ руки отдаемъ
И терпѣливо жатвы ожидаемъ;
И узнаёмъ отъ поздняго конца
Взойдетъ ли счастье, горе-ль для жнеца.

(Уходитъ. Занавѣсъ опускается.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

Комната.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ВЛЕНШТЕЙНЪ. Октавіо Пикколомини. *Вскорѣ*
потомъ Максъ Пикколомини.

ВЛЕНШТЕЙНЪ.

Изъ Линца пишетъ онъ, что очень боленъ,
А я имѣю вѣрное извѣстье,
Что онъ скрывается во Фрауенбергѣ
У графа Галласа. Схвати обоихъ,
Пришли сюда. Испанскіе полки
Прими. Всегда приготовленья дѣлай,
И никогда не будь готовъ; а если
Тебя къ походу будутъ понуждать
Противъ меня, скажи: иду! — а самъ
Не трогайся, какъ бы прикованъ къ мѣсту.
Тебѣ пріятно, знаю, въ этомъ дѣлѣ
Не дѣйствовать. Ты радъ, пока возможно,
Сберечь наружность. Крайніе шаги

Не для тебя: и потому я выбралъ
Такую должность. Ты на этотъ разъ
Своимъ бездѣйствіемъ большую пользу
Мнѣ принесешь. Когда-жъ удастся мнѣ,
Ты знаешь самъ, что дѣлать.

(Максъ Пикколомини входитъ.)

Ну, старикъ,
Ступай теперь. Сегодня-жъ отправляйся.
Возми коней моихъ. А Макса здѣсь
Оставляю я. Сбирайся въ путь скорѣй!
Дастъ Богъ, опять, и радостно, сойдемся!

О К Т А В І О

(сыну).

Съ тобой еще увижусь.

(Уходитъ.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ. М А К С Ъ П И К К О Л О М И Н И.

М А К С Ъ

(подходя къ нему).

Генераль!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Когда ты служишь цесарю, я больше
Не генераль твой.

М А К С Ъ.

Такъ оставить войско
Рѣшаешься?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я цесарю служить

Перестаю.

МАКСЪ.

И оставляешь войско?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Напротивъ, я надѣюсь привязать

Его къ себѣ и крѣпче и тѣснѣе.

(Садится.)

Да, Максъ. Тебѣ я не хотѣлъ открыться,
Доколѣ дѣйствій не настанетъ часъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ легко понять, что право,

И что не право. Собственное мнѣнье

Надъ чистымъ сердцемъ испытать пріятно.

Но гдѣ изъ двухъ извѣстныхъ золь, должны

Мы за одно схватиться непременно;

Но гдѣ въ борьбѣ обязанностей сердце

Колеблется, — благодѣянье, если

Не можемъ дѣлать выбора, и крайность

Тамъ благотворна. Мы дошли до ней!

Назадъ не озирайся: не поможетъ!

Смотри впередъ! Не размышляй напрасно —

И дѣйствовать готовься. Дворъ погибель

Мнѣ произнесъ; а я предупредить

Его рѣшился. Мы войдемъ въ союзъ

Со Шведами: они честные люди,

Максъ; намъ они надежные друзья.

(Останавливается, ожидая отвѣта Пикколомини.)

Я удивилъ тебя? Не отвѣчай мнѣ —

Опомниться я срокъ тебѣ даю.

(Встаетъ и отходитъ въ глубину сцены. Максъ долгое время стоитъ неподвижно, погруженный въ сильную го-

рестъ. При первомъ его движеніи, Валленштейнъ возвращается и становится противъ него.)

МАКСЪ.

Князь, зрѣлымъ мужемъ дѣлаешь меня
Сегодня ты. Донынѣ я избавленъ
Былъ отъ заботы выбирать свой путь,
Но безусловно за тобою шелъ,
И, на тебя взирая, былъ увѣренъ,
Что честнымъ и прямымъ иду путемъ.
Впервые волю разрѣшивъ мою,
Ты принуждаешь сдѣлать тяжкій выборъ
Межъ сердцемъ собственнымъ и межъ тобой.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Донынѣ тихо рокъ тебя лелѣялъ;
Играючи, ты исполнялъ свой долгъ,
И, дѣйствуя не раздѣленнымъ сердцемъ,
Могъ слѣдовать влеченію души.
Но не всегда такъ можетъ быть. Враждебно
Расходятся пути. Долгъ въ спорѣ съ долгомъ.
Ты долженъ выбрать сторону въ войнѣ,
Которая готова вспыхнуть нынѣ—
У друга твоего, съ твоимъ монархомъ.

МАКСЪ.

Въ войнѣ? Но можно-ль дать ей это имя?
Какъ Божій бичъ, война страшна, грозна;
Но, справедливая, она, подобно
Ему, опредѣленіе небесъ.
Войну-жъ, которою теперь грозишь
Ты цесарю его жъ цесарскимъ войскомъ,
Ужели справедливой назовешь?
Какая перемѣна, Боже правый!
Прилично-ль мнѣ такъ говорить съ тобой,

Который мнѣ сіялъ звѣздой полярной,
Кого я избралъ жизни образцомъ!
Какую муку въ сердцѣ мнѣ рождаетъ!
Мнѣ-ль должно отвыкать отъ уваженья
Къ тебѣ! — Оно сроднилось съ душой.
Мнѣ-ль позабыть священный, долгій навикъ
Повиновенья и любви къ тебѣ?
Не отвращай, не отвращай лица!
Оно всегда божественнымъ мнѣ ликомъ
Казалось, и не могло такъ скоро
Лишиться прежней власти надо мной.
Хоть кровію облившия, душа
Свободная свои расторгла узы,
Но чувства все еще въ твоихъ оковахъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ, выслушай меня!

МАКСЪ.

Оставь, оставь
Намѣренье ужасное! Смотри:
Твоимъ чертамъ, спокойнымъ, благороднымъ,
Еще о страшномъ дѣлѣ не извѣстно.
Ты ихъ чернилъ однимъ воображеньемъ.
Съ высокаго, прекраснаго чела
Вспорхнуть не хочетъ свѣтлая невинность.
Брось это злое, черное пятно!
Пусть будетъ все однимъ лишь страшнымъ сномъ,
Мечтой, остерегавшей добродѣтель.
Подобныя мгновенья находить
На человѣка могутъ; но должны ихъ
Благія чувства сердца побуждать.
Нѣтъ, ты не такъ окончишь славный путь!
Иначе все, что сильно и велико,

Ты очернишь въ глазахъ людей и міра,
И оправдаешь мнѣнье низкой черни,
Которая не вѣритъ, чтобъ могло
Съ свободою ужиться благородство,
А любить немощи себя ввѣрять.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Жду строгаго отъ міра порицанья.
Я самъ себѣ все высказалъ давно,
Что можешь ты сказать мнѣ. Кто бы, Максъ,
Не уклонился крайности, когда
Отъ ней еще отсторониться можетъ?
Но здѣсь нѣтъ выбора: здѣсь долженъ я
Употребить насилъе, иль страдать.
Инаго средства мнѣ не остается.

МАКСЪ.

Пусть будетъ такъ! Насильно удержи
Власть полководца, цесарю противься,
И, если нужно, войско къ мятежу
Подвигни. Дѣлъ твоихъ не похваляю,
Но извинить могу ихъ; даже самъ,
Не одобряя, раздѣлю съ тобою
Твой жребій; но — *измѣнникомъ* не буду!
Не буду имъ! Нѣтъ, это не поступокъ
Неосторожный, не ошибка, гдѣ
Ослѣплена своею силой храбрость!
О, нѣтъ — не то! Нѣтъ, мрачно это дѣло,
Черно, какъ адъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(съ мрачнымъ, нахмуреннымъ челомъ, но тихо).

Безъ мысли юность произносить слово,
Съ которымъ должно осторожна быть,

Какъ съ остріемъ ножа; и головой
Своей горячей измѣряетъ вещи,
Которыхъ мѣра только въ нихъ самихъ.
Не думавъ много, жалуетъ достойнымъ,
Или постыднымъ, добрымъ, иль худымъ;
И все, что въ тѣхъ словахъ неясныхъ, темныхъ
Составило ея воображенье,
Привязываетъ къ существамъ живымъ,
Къ поступкамъ и вещамъ. Міръ *тѣсенъ*, умъ же
Обширенъ. Въ немъ легко между собой
Ужиться мыслямъ; но когда съ вещами
Онѣ встрѣчаются — напоръ ихъ силенъ,
И уступить одна другой должна:
Иль вытѣснить иль вытѣсненной быть.
Тамъ вѣчный споръ — и сила верхъ беретъ.
Да! кто сквозь жизнь проходитъ безъ желаній,
Кому не надо цѣли никакой,
Тотъ съ саламандрами живетъ въ огнѣ,
И вѣчно чистъ въ своей стихіи чистой.
Изъ вещества грубѣйшаго я созданъ,
Желаньями къ землѣ прикованъ я:
Земля жъ въ удѣлъ досталась злomu духу,
Не добромu. Все, что намъ свыше шлютъ
Божественные духи, суть дары
Обыкновенные; ихъ блескъ пріятенъ
И радостенъ, но не даетъ богатствъ:
Нѣтъ собственности во владѣннѣяхъ ихъ.
Но золото, но дорогіе камни
Пріобрѣтаемъ отъ духовъ коварныхъ,
Живущихъ ниже дня, въ предѣлахъ тьмы.
Безъ жертвъ задобрить ихъ не можемъ мы,
И въ мірѣ нѣтъ такого человѣка,

Который бы изъ службы ихъ унесъ
Ни сколько не запятнанную душу.

МАКСЪ

(выразительно).

Страшись, страшись, коварныхъ силъ! Онъ
Не держуть слова! Хитрые то духи,
Влекущiе тебя къ отверзтой безднѣ.
Не вѣрь имъ! Я тебя остерегаю.
О, возвратися къ долгу! Да, ты можешь!...
Пошли меня. Я самъ поѣду въ Вѣну,
Я самъ монарха примирю съ тобой.
Тебя я знаю, онъ тебя не знаетъ!
Онъ долженъ будетъ на тебя взглянуть
Моими безпристрастными глазами,
И я довѣренность его съ собою
Тебѣ обратно привезу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ужъ поздно,

Максъ! Ты не знаешь, что случилось.

МАКСЪ.

Если

И поздно даже; если отъ паденья
Спаستися только преступленьемъ можешь—
Пади! пади такъ честно, какъ стоялъ.
Сложи свой санъ и откажись отъ войска.
Ты можешь съ блескомъ удалиться, герцогъ —
Такъ удались невинный! Для другихъ
Довольно жилъ ты: для себя начни жить!
Я не отстану отъ тебя; до гроба
Моей судьбы не разлучу съ твоею!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ужъ поздно, поздно! Между тѣмъ, какъ ты

Теряешь здѣсь слова, мои гонцы,
Которыхъ въ Прагу, въ Эгеръ я послалъ,
За милей милю быстро оставляютъ.
И такъ, рѣшайся! Предпринявъ, что должно,
Свершимъ достойно-смѣлымъ, твердымъ шагомъ.
Чѣмъ хуже предпріемлемое мной
Того, что сдѣлалъ въ древности тотъ цесарь,
Котораго донынѣ славить міръ?
Онъ легіоны противъ Рима велъ,
Которые ему для обороны
Повѣрилъ Римъ. Покинь онъ мечъ — погибъ бы!
И я погибну, если мечъ покину.
Во мнѣ, я знаю, тотъ же духъ живетъ.
Дай счастье мнѣ его, а остальное
Все на себя беру.

*(Максъ, стоявшій до сихъ поръ въ сильной, тягостной
борбѣ чувствъ, поспѣшно уходитъ. Валленштейнъ смот-
ритъ ему вслѣдъ съ удивленьемъ и горестью, и погру-
жается въ глубокую задумчивость).*

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Валленштейнъ. Терцкій. Вслѣдъ за нимъ Илло.

ТЕРЦКІЙ.

Максъ Пикколомини

Отсюда вышелъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Врангель гдѣ?

ТЕРЦКІЙ.

Уѣхалъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ скоро?

ТЕРЦКІЙ.

Будто поглащенъ землей.

Едва я вышелъ отъ тебя, за нимъ

Пошелъ я слѣдомъ: мнѣ съ нимъ нужно было

Поговорить; — но Врангель ужь уѣхалъ;

Куда жь и какъ, того никто не зналъ.

Самъ сатана являлся въ видѣ Шведа:

Такъ скоро не исчезнетъ человѣкъ.

И Л О

(входитъ).

Ужели въ самомъ дѣлѣ отправляешь

Октавіо?

ТЕРЦКІЙ.

Октавіо? Куда?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Во Фрауенбергъ начальствовать полками

Испанскими и итальянскими.

ТЕРЦКІЙ.

Избави Богъ, чтобъ ты исполнилъ это!

И Л О.

Коварному препоручаешь войско?

Теперь, въ рѣшительный для насъ моментъ,

Его ты хочешь выпустить изъ глазъ?

ТЕРЦКІЙ.

Нѣтъ! всемъ священнымъ заклинаю, нѣтъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы чудаки!

И Л Л О.

Хоть этотъ разъ послушай
Совѣтовъ нашихъ: не пускай его.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А почему жь, ему донынѣ вѣря,
Теперь не долженъ вѣрить я ему?
И развѣ что случилось, чтобъ о немъ
Перемѣнить я доброе могъ мнѣнье?
Для вашихъ ли причудъ отброшу я
На опытѣ основанный, старинный
Мой образъ мыслей? Быть того не можетъ!...
Нѣтъ, я не женщина. Донынѣ вѣрилъ—
И нынѣ вѣрить я хочу ему.

ТЕРЦКІЙ.

Но именно его? Пошли другого.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Его я избралъ—и поѣдетъ онъ.
Къ той должности Октавіо способенъ.

И Л Л О.

Способенъ, потому — что Итальянецъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Къ обоимъ вы не благосклонны, знаю:
За то что уважаю ихъ, люблю,
Вамъ и другимъ предпочитаю явно.
Они того достойны. Вотъ за что
Вы ихъ не любите. Мнѣ что за дѣло
До зависти? Отъ ненависти вашей
Они не хуже стали. Хоть любите,
Хоть ненавидьте ихъ, мнѣ все равно.
Я ни кому препятствовать не буду
Въ его наклонностяхъ; но оцѣнить
Умѣю каждого.

ИЛЛО.

Онъ не поѣдетъ!

А если ты.... я у его повозки
Велю колеса раздробить въ куски.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Потише, Илло!

ТЕРЦКІЙ.

Квестенбергъ, какъ былъ здѣсь,
Почти все время находился съ нимъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я зналъ о томъ и самъ ему позволилъ.

ТЕРЦКІЙ.

И знаю то, что тайные гонцы
Отъ Галласа къ нему ѣзжали часто.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не правда, Терцкій!

ИЛЛО.

Съ зоркими очами
Своими — слѣпъ ты, герцогъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Твердой вѣры

Не поколеблешь. На глубокомъ знаньи
Она основана. Когда онъ лжетъ,
То съ нимъ и вся планетъ наука — ложь.
Затѣмъ что, знайте, — отъ самой судьбы
Залогъ имѣю, что изъ всѣхъ друзей
Онъ мнѣ вѣрнѣйшій.

ИЛЛО.

Но какимъ залогомъ
Увѣренъ ты, что тотъ залогъ не лжетъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мгновенія есть въ жизни человека,

Когда къ душѣ вселенной ближе онъ,
Чѣмъ былъ когда нибудь, и смѣло можетъ
Судьбу свою о тайнахъ вопрошать.
Въ такое то мгновенье, поздней ночью,
Предшествовавшей люценскому бою,
Я, прислоняся къ дереву, задумчивъ,
Смотрѣлъ въ долину. Сквозь туманъ, огни
Горѣли тускло въ станѣ. Окликъ стражи
И изрѣдка оружья гулъ глухой
Перерывали мертвое молчанье.
Въ мгновенье это, умственнымъ очамъ
Былая, будущая представлялась жизнь
Моя; и чуткій духъ съ грядущимъ утромъ
Спрягалъ мою грядущую судьбу.
И самъ себѣ сказалъ я: «столько тысячъ
Тебѣ подвластны: за твоей звѣздой,
Съ покорностію слѣдуютъ онѣ,
И все свое, какъ на огромный нумеръ,
Кладутъ отважно на твою главу;
На суднѣ счастья твоего плывутъ
Они съ тобою. Но настанетъ день,
Въ который снова ихъ разсѣетъ случай;
Не многіе останутся съ тобой.
Вотъ почему хотѣлъ бы знать я, кто
Вѣрнѣе мнѣ изъ всѣхъ, живущихъ въ станѣ.
Яви его очамъ моимъ, судьба!
Да будетъ знакомъ: *тотъ*, кто на разсвѣтѣ
Ко мнѣ всѣхъ прежде подойдетъ съ привѣтомъ
Любви.» И, такъ мечтая, я заснулъ.
И видѣлъ я себя въ пылу сраженья.
Ужасенъ бой былъ. Подо мною конь,
Убитый, палъ, повергъ меня на землю,

И хладнокровно всадники и кони
Черезъ меня неслися; и лежалъ я,
Чуть дышущій, подъ остріемъ копытъ,
Какъ вдругъ меня схватилъ рукою кто-то,
И спасъ. То былъ Октавіо. Внезапно
Я пробудился. Разсвѣтало, — и
Октавіо стоялъ передо мною.

«Братъ», говорилъ онъ: «не садись сегодня

«На грознаго, какъ дѣлаешь всегда;

«Садись на смирнаго коня. Я выбралъ

«Его тебѣ. Послушай просьбы друга!

«Меня зловѣщій сонъ предостерегъ.»

И этотъ-то проворный, легкій конь

Меня унесъ отъ гнавшихся за мной

Драгуновъ Баннера. Мой дядя въ битву

На грозномъ выѣхалъ, и съ той поры

Я ни коня, ни всадника не видѣлъ.

И Л Л О.

Случайность!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(значительно).

Нѣтъ случайностей! Что мы

Слѣпаго случая игрой считаемъ,

Изъ важнаго источника течетъ.

Я записалъ, скрѣпилъ, и запечаталъ,

Что въ жизни онъ хранитель ангелъ мой —

И кончено!

(Идетъ.)

ТЕРЦКІЙ.

Хоть та еще отрада,

Что намъ залогомъ остается Максъ.

И Л Л О.

Отсюда онъ живой не увернется.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(возвращаясь).

Не толи-жь вы, что женщины, которымъ,
Что ни толкуй, онъ свое несутъ?

Дѣянiя и помыслы людей

Не то, что волны бурныя морей.

Миръ внутреннiй, до окончанья вѣка,

Источникъ дѣлъ и мыслей человѣка.

Играя, случай ихъ не измѣнить;

Они намъ нужны, такъ какъ плодъ древесный:

Коль въ человѣкѣ мнѣ зерно извѣстно—

Ни воли онъ, ни дѣлъ не утаить.

(Уходитъ.)

— — —

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната въ жилищѣ Пикколомини.

ОКТАВІО Пикколомини, въ дорожномъ платьѣ.

АДЪЮТАНТЪ.

ОКТАВІО.

Готовъ отрядъ?

АДЪЮТАНТЪ.

Ждетъ приказанiй вашихъ.

ОКТАВІО.

Надежныхъ ли назначилъ ты людей?

Чьего полка они?

АДЪЮТАНТЪ.

Всѣ Тифенбаха.

ОКТАВІО.

Хорошій, вѣрный полкъ. Вели же имъ
Ждать на дворѣ, но тихо, чтобъ никто
Ихъ не видалъ — покуда позвоню.
Потомъ замкнуть ворота и стеречь ихъ;
Кто-жъ попадется, брать того подъ стражу.

(Адъютантъ уходитъ.)

Хотя надѣюсь, что расчетъ мой вѣренъ,
И обойдусь безъ нихъ, но дѣло важно, —
До цесаря косается оно,
Такъ осторожность лишняя у мѣста.

—

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ОКТАВІО Пикколомини. Изолани входитъ.

ИЗОЛАНИ.

Къ услугамъ вашимъ. Кто-жъ еще придетъ?

ОКТАВІО

(таинственно).

Графъ Изолани, прежде вамъ два слова
Сказать я долженъ.

ИЗОЛАНИ

(также).

Что? начало дѣлу?

Рѣшился князь? О, мнѣ повѣрить можно!
А впрочемъ испытайте.

ОКТАВІО.

Хорошо.

ИЗОЛАНИ.

Я, генералъ, не изъ числа людей,
Которые лишь храбры на словахъ,
А какъ придетъ до дѣла — прочь бѣгутъ.
Со мною герцогъ поступилъ, какъ другъ:
По чести, такъ! Я всемъ ему обязанъ.
Пусть на меня надѣется.

ОКТАВІО.

Увидимъ!

ИЗОЛАНИ.

Но, берегитесь! Здѣсь не всѣ такъ мыслятъ.
Еще иные держатся двора,
И полагаютъ, что присяжный листъ,
Обманомъ имъ подсунутый, не важенъ,
И ни къ чему ихъ обязать не можетъ.

ОКТАВІО.

Кто-жь именно такъ думаетъ?

ИЗОЛАНИ.

Всѣ Нѣмцы —

И даже Эстергази, Деодать
И Кауницъ — всѣ твердятъ о послушаньи
Двору.

ОКТАВІО.

Душевно радъ я.

ИЗОЛАНИ.

Рады вы?

ОКТАВІО.

Да, радъ, что цесарь вѣрныхъ слугъ имѣеть.

ИЗОЛАНИ.

Не смѣйтесь, генералъ! Людьми дурными
Нельзя назвать ихъ.

О К Т А В І О.

Нѣтъ, избави Боже,
Чтобъ я шутилъ! Напротивъ, очень радъ,
Что дѣло правое не безъ защиты.

И З О Л А Н И.

Что это значитъ? Какъ! Да развѣ вы?...
Зачѣмъ же я былъ призванъ?

О К Т А В І О.

Для того,
Чтобъ коротко и ясно объявить —
Кто вы, другъ цесаря, иль врагъ его?

И З О Л А Н И

(гордо).

На сей вопросъ тому лишь дамъ отвѣтъ,
Кто спрашивать меня имѣетъ право.

О К Т А В І О.

Имѣю право спрашивать, иль нѣтъ,
Бумага эта вамъ покажетъ.

И З О Л А Н И.

Какъ?

Что это? Цесаря печать и подпись?

(Читаетъ.)

«Повелѣваемъ всѣмъ вождямъ полковъ

«Войскъ нашихъ — генералу Пикколомини

«Повиноваться, какъ особѣ нашей.»

А! такъ! Ну, да — конечно! Поздравляю

Васъ, генераль!

О К Т А В І О.

Хотите ли исполнить

Монарха волю?

И З О Л А Н И.

Я? Вы объявили

Такъ неожиданно Дадите время,
Надѣюсь

О К Т А В І О.

Не больше двухъ минутъ.

И З О Л А Н И.

Но, Боже мой! Вѣдь дѣло

О К Т А В І О.

Чисто, ясно.

Хотите ль вѣрно цесарю служить,
Или рѣшились измѣнить ему?

И З О Л А Н И.

Помилуйте! кто мыслилъ объ измѣнѣ?

О К Т А В І О.

Князь мыслить. Онъ измѣнникъ. Онъ рѣшился
Къ врагамъ вестъ войско. Объявите жъ прямо :
Хотите ль Шведамъ передаться вы
И государю измѣнить? — Хотите?

И З О Л А Н И.

Избави Богъ! — Я измѣнить? Да развѣ
Я говорилъ? Когда жъ я говорилъ?

О К Т А В І О.

Нѣтъ, ничего еще вы не сказали:
Я только жду, что скажете.

И З О Л А Н И.

Мнѣ, графъ,

Весьма пріятно слышать увѣреніе
Отъ васъ, что я не говорилъ того.

О К Т А В І О.

Такъ вы готовы отложиться князя?

И З О Л А Н И.

Коль скоро онъ измѣну замышляетъ —
Связь каждую она уничтожаетъ.

О К Т А В І О.

И вы рѣшитесь биться съ нимъ?

И З О Л А Н И.

Добро

Онъ дѣлалъ мнѣ; но если онъ злодѣй,
Да будетъ проклятъ, и конецъ всѣмъ счетамъ!

О К Т А В І О.

Я очень радъ что мы добромъ сошлись.
Вы этой ночью выступите тихо
Со всѣми легкими полками, такъ
Какъ будто герцогъ выступить велѣлъ вамъ.
Во Фрауенбергѣ общій, сборный пунктъ.
Дальнѣйшія тамъ повелѣнья Галласъ
Вамъ дастъ.

И З О Л А Н И.

Исполню все; но, генераль,
Не позабудьте цесарю замолвить
Словцо, какъ я служить ему готовъ.

О К Т А В І О.

Готовность вашу выставлю на видъ.

(Изолани уходитъ. Слуга входитъ.)

Полковникъ Буттлеръ? Хорошо!

(Слуга уходитъ.)

И З О Л А Н И

(возвращаясь).

Простите,
Что я сначала дерзокъ былъ. Творецъ мой,
Какъ могъ я угадать, съ кѣмъ говорю!

О К Т А В І О.

Оставимъ это.

И З О Л А Н И.

Я старикъ веселый:

Хоть иногда и вырывалось слово
Противъ двора, за рюмкою вина;
Но, вѣрьте мнѣ, и вамъ извѣстно это,
Безъ умыслу.

(Уходитъ.)

О К Т А В І О.

Не безпокойтесь! Съ нимъ
Мнѣ удалось. Когда бъ съ другими также!

— — —

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

О К Т А В І О Пикколомини. Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Что приказать угодно, генераль?

О К Т А В І О.

Добро пожаловать, почтенный другъ!

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Благодарю за честь.

О К Т А В І О

(когда онъ и Буттлеръ съли).

Вчера вы мнѣ

На дружескій привѣтъ не отвѣчали:

Учтивостью холодною его

Конечно вы сочли. Нѣтъ, Буттлеръ, нѣтъ!

Изъ сердца истекло мое желанье.

Теперь такія времена настали,

Когда всѣ люди честные должны

Соединиться тѣсной, твердой связью.

БУТТЛЕРЪ.

Но сходство мыслей нужно для нее.

ОКТАВІО.

Всѣ честные однѣхъ и тѣхъ же мыслей.

Я по дѣламъ сужу о человѣкѣ,

Которыя спокойно, хладнокровно

Онъ производитъ; пылкость же страстей

И мощь слѣпаго заблужденья могутъ

Честнѣйшихъ, лучшихъ совратить людей

Съ пути прямого. Проѣзжали вы

Черезъ Фрауенбергъ. Что? — не открылъ ли вамъ

Чего нибудь графъ Галласъ? Откровенно

Скажите мнѣ. Онъ другъ мой.

БУТТЛЕРЪ.

Онъ напрасно

Терялъ слова.

ОКТАВІО.

Прискорбно слышать это!

Его совѣтъ полезенъ былъ, и я

Готовъ подобный дать вамъ.

БУТТЛЕРЪ.

Не трудитесь!

Я мнѣнія хорошаго купить

Цѣною низкой вѣсь не намѣренъ.

ОКТАВІО.

Часъ каждый дорогъ: будемъ откровенны.

Вамъ положенье дѣлъ извѣстно. Герцогъ

Задумалъ измѣнить; прибавлю: онъ

Предательство исполнилъ, и недавно

Съ врагами тѣсный заключилъ союзъ.

Его гонцы несутся въ Эгеръ, въ Прагу;

Онъ завтра къ Шведамъ хочетъ насъ вести;

Но ошибется: осторожность бдить;
Еще друзей имѣеть цесарь въ станѣ,
И крѣпокъ ихъ невидимый союзъ.
Указомъ симъ онъ къ смерти осужденъ;
Имъ цесарь съ войскъ своихъ снимаетъ долгъ
Повиновенья герцогу, и всѣхъ,
Кто только честно мыслить, приглашаетъ
Подъ предводительство мое собраться.
Теперь, полковникъ, избирайте: съ нами ль
За правое вы ололчитесь дѣло,
Иль преступленья злую участь съ нимъ
Раздѣлите?

БУТТЛЕРЪ.

Его судьба — моя!

ОКТАВІО.

И это ваше твердое рѣшенъе?

БУТТЛЕРЪ.

Мое!

ОКТАВІО.

Одумайтесь, полковникъ Буттлеръ!

Еще есть время. Схороню въ груди

Я ваше необдуманное слово.

Вы можете его обратно взять.

Вашъ путь неправый — изберите лучший.

БУТТЛЕРЪ

(встаетъ).

Что вамъ угодно приказать еще?

ОКТАВІО.

На сѣдину свою взгляните, Буттлеръ!

Опомнитесь!

БУТТЛЕРЪ.

Прощайте, генералъ!

О К Т А В І О.

И вы хотите мечъ вашъ храбрый, вѣрный
Въ такой войнѣ извлечь? Хотите вдругъ
Въ проклятія перемѣнить Австрійцевъ
Признательность, которую купили
Сороколѣтней вѣрностью своей?

Б У Т Т Л Е Р Ъ

(горько смѣется).

Признательность австрійскаго двора!

(Хочетъ идти.)

О К Т А В І О

(допустивъ его до дверей).

Полковникъ Буттлеръ!

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Что угодно вамъ?

О К Т А В І О.

Чѣмъ кончилось съ графствомъ?

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Съ графствомъ? какъ?

О К Т А В І О.

Съ титуломъ графскимъ.

Б У Т Т Л Е Р Ъ

(яростно).

Адъ и сто смертей!

О К Т А В І О

(холодно).

Его искали вы. Вамъ отказали

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Не посмѣется надо мной никто

Безъ наказанья! Обнажи!... дерись!

О К Т А В І О.

Вложите вашу шпагу. Хладнокровно

Скажите мнѣ, какъ дѣло было. Послѣ
Загладить я готовъ обиду вашу.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ надо же, чтобъ цѣлый міръ узналъ
О слабости, которой самъ себѣ
Я не могу простить. Да, генераль!
Честолюбивъ я: никогда презрѣнья
Сносить не могъ. Мнѣ тяжело было видѣть,
Что званіе, происхожденіе, титулы
Цѣнятся въ службѣ болѣе заслугъ.
Я не хотѣлъ быть хуже равныхъ мнѣ —
И сдѣлалъ вдругъ, въ несчастную минуту,
Дурачество. Но столь жестокой кары
Не заслужилъ я за него. Могли
Мнѣ отказать; но для чего жъ отказъ
Сопровождать презрѣніемъ обиднымъ?
Зачѣмъ сѣдого, вѣрнаго слугу
Уничтожать убійственной насмѣшкой,
И низкой родъ напоминать ему
За то, что, въ слабости минутной, онъ
Забылся? О, и червь имѣетъ жало,
Когда, шутя, наступятъ на него!

ОКТАВІО.

Вы въ заблужденіи. Кто жъ тотъ врагъ, который,
Какъ полагаете, всему виной?

БУТТЛЕРЪ.

Кто бъ ни былъ онъ! Презрѣнный негодяй,
Какой нибудь придворный льстецъ, Испанецъ,
Какой нибудь потомокъ знатныхъ баръ,
Боявшійся, чтобъ я не заслонилъ
Его собой; какой нибудь завистникъ
Моихъ достоинствъ, кровью заслуженныхъ.

О К Т А В І О.

Скажите мнѣ: намѣреніе ваше
Оправдывалъ ли герцогъ?

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Самъ понудилъ
Меня къ нему. Самъ за меня старался,
Со всей горячностью прямого друга.

О К Т А В І О.

Такъ точно ль вы увѣрены?

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Письмо

Я самъ читалъ.

О К Т А В І О

(значительно).

Читалъ и я, но только
Не то нашелъ въ немъ.

(Буттлеръ, удивленный, молчитъ.)

Мнѣ письмо случайно
Попалось въ руки. Не угодно ль вамъ
Самимъ увѣриться.

(Даетъ ему письмо.)

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Что это значитъ?

О К Т А В І О.

Боюсь, полковникъ Буттлеръ, не сыграли ль
Обидной, низкой съ вами шутки. Герцогъ,
Вы говорите, самъ понудилъ васъ;
А тутъ, въ письмѣ своемъ, объ васъ министру
Онъ говоритъ съ презрѣньемъ, и ему
Даетъ совѣтъ, чтобъ унялъ вашу темность —
Такъ величать ему угодно васъ.

(Буттлеръ прочиталъ письмо; колына его дрожатъ;
онъ хватается за стулъ и садится.)

Враговъ вы не имѣете; никто
Не ищетъ вашей гибели: обидамъ,
Вамъ нанесеннымъ, герцогъ лишь виной.
Его намѣренье понятно, ясно.
Отъ цесаря отторгнуть васъ хотѣлъ онъ,
И местию вооруживъ, подвигнуть
Къ тому, къ чему бъ не допустили васъ
Разсудокъ и испытанная вѣрность.
Презрительно употребить хотѣлъ
Орудіемъ своихъ преступныхъ дѣлъ.
И цѣли онъ своей достигъ. Удачно
Васъ отъ прямого отклонилъ пути,
Которымъ честно шли вы сорокъ лѣтъ.

БУТТЛЕРЪ

(трепещущимъ голосомъ).

Могу ли ждать прощенья отъ монарха?

ОКТАВІО.

И болѣе прощенья. Чтобъ загладить
Незаслуженную обиду мужа
Достойнаго, въ знакъ милости своей
За вами цесарь утверждаетъ даръ,
Который герцогъ далъ вамъ съ злою цѣлью:
Полкъ, коимъ вы начальствуете — вашъ.

БУТТЛЕРЪ

(хочетъ встать и падаетъ снова на стулъ. Онъ въ сильномъ волненіи. Хочетъ говорить и не можетъ. Наконецъ снимаетъ шпагу съ перевязи, и подаетъ ее Пикколомини).

ОКТАВІО.

Опомнитесь! Зачѣмъ?

БУТТЛЕРЪ.

Возмите шпагу!

О К Т А В І О.

Полковникъ, успокойтесь.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Возмите.

Носить ее я больше не достоинъ!

О К Т А В І О.

Примите же изъ рукъ моихъ обратно,

И съ честію ее носите впередъ

За дѣло правое.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Какъ милосердъ онъ!

А я ему могъ измѣнить!

О К Т А В І О.

Загладьте

Свои проступки, и разстаньтесь съ княземъ.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Разстаться съ нимъ?

О К Т А В І О.

Колеблетесь, Буттлеръ?

Б У Т Т Л Е Р Ъ

(съ ужасною яростью).

Разстаться только? Нѣтъ, погибнетъ онъ!

О К Т А В І О.

Вы въ Фрауенбергъ послѣдуйте за мною.

Всѣ вѣрные у Галласа соберутся

Должны. Я многихъ къ долгу обратилъ:

Они сегодня Пильзенъ оставляютъ.

Б У Т Т Л Е Р Ъ

(ходитъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи; потомъ подходитъ къ Октавіо, съ рѣшительностію во взорѣ).

Графъ Пикколомини! Дерзнетъ ли тотъ,

Кто измѣнилъ, о чести говорить?

ОКТАВІО.

Кто истинно раскаялся, тотъ можетъ.

БУТТЛЕРЪ.

И такъ, на слово честное, позвольте
Мнѣ здѣсь остаться.

ОКТАВІО.

Что за цѣль у васъ?

БУТТЛЕРЪ.

Позвольте мнѣ съ полкомъ моимъ остаться.

ОКТАВІО.

Я вѣрю вамъ; но объясните мнѣ
Свое намѣренье.

БУТТЛЕРЪ.

Все объяснится дѣломъ.

Не спрашивайте — вѣрьте! Можно вѣрить!
Клянусь всесильнымъ Богомъ! на рукахъ
Не ангела хранителя вашъ герцогъ
Останется. Прощайте!

(Уходитъ.)

СЛУГА

(подаетъ письмо).

Незнакомецъ

Принесъ его и тотчасъ удалился.

И княжескія лошади готовы.

(Уходитъ.)

ОКТАВІО

(читаетъ).

«Скорѣе уѣзжайте. — Изолани.»

О если бъ городъ ужъ за мной лежалъ!

Ужель такъ близко пристани — о камни

Подводные корабль мой разобьется?

Спѣшить, спѣшить отсюда долженъ я:

Мнѣ здѣсь грозитъ опасность. Гдѣ жъ мой сынъ?

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ОБА ПИККОЛОМИНИ.

МАКСЪ

(входитъ разстроенный. Глаза его дико вращаются; походка не вѣрна; онъ не примѣчаетъ отца, который, стоя въ отдаленіи, съ состраданьемъ на него смотритъ. Большими шагами проходитъ черезъ комнату, останавливается, кидается на стулъ, и неподвижно смотритъ передъ собою).

ОКТАВІО

(подходитъ къ нему).

Я ѣду, сынъ.

(Не получивъ отвѣта, беретъ его за руку.)

Прости, мой другъ!

МАКСЪ.

Прости!

ОКТАВІО.

Ты не замедлишь слѣдовать за мною?

МАКСЪ.

Я за тобой? Нѣтъ, путь твой кривъ — не мой онъ.

(Октавіо, опустивъ его руку, отступаетъ.)

О, если бъ ты былъ справедливъ и прямъ,

Того во вѣкъ случиться не могло бы!

Онъ страшнаго не совершилъ бы дѣла;

Не удалилъ бы добрыхъ; въ сѣти злыхъ

Не впалъ бы! Для чего, подобно вору,

Такъ тихо красться, подползать, стеречь?

Источникъ золь — несчастное коварство!

Ты, роковое, погубило насъ!

А правота святая насъ спасла бы....

Отецъ, тебя я оправдать не въ силахъ,

Не въ силахъ! Герцогъ обманулъ меня —

Ужасно обманулъ, но и не лучше

Ты поступилъ со мною.

О К Т А В І О.

Сынъ, прощаю:

Ты огорченъ!

М А К С Ъ

(встаетъ и смотритъ на отца подозрительными глазами.)

Возможно ли, отецъ?

Умышленно довелъ ты до того?

Ты возвышаешься его паденьемъ?

Октавіо, не одобряю, нѣтъ!

О К Т А В І О.

Творецъ небесный!

М А К С Ъ.

Горе, горе мнѣ!

Какъ измѣнился я! Въ душѣ свободной

Откуда подозрѣніе взялось?

Исчезло все: довѣрчивость, надежда

И вѣра — всею обмануть я, что чтилъ!

Нѣтъ, нѣтъ, не всею! Она еще живетъ:

Она не лжива и прямѣ, какъ небо.

Вездѣ обманъ, предательство, убійства,

Своекорыстіе, и ядъ, и зависть.

Во всей природѣ чистоту свою

Одна любовь лишь сохранила наша.

О К Т А В І О.

Поѣдемъ вмѣстѣ, сынъ мой: лучше будетъ.

МАКСЪ.

Какъ? Не простившись съ ней? Въ послѣдній разъ
Съ ней не простившись? — Никогда!

ОКТАВІО.

Къ чему

Въ необходимой хочешь ты разлукъ
Всю тяжесть разставанья испытать?
Поѣдемъ, сынъ мой!

(Хочетъ его увлечь.)

МАКСЪ.

Нѣтъ! клянуся Богомъ!

ОКТАВІО

(настоятельно).

Приказываю, какъ отецъ, тебѣ!

МАКСЪ.

Что человѣкъ исполнить въ состояньи —
Приказывай. Я остаюсь!

ОКТАВІО.

Максъ!

Во имя цесаря, послѣдуй мнѣ.

МАКСЪ.

Нѣтъ цесаря повелѣвать надъ сердцемъ!
Ужель похитить хочешь у меня
Единственное, что осталось мнѣ
Въ моемъ несчастьи — Теклы состраданье!
Или жестоко такъ должно свершиться
Жестокое? Зачѣмъ я подлымъ бѣгствомъ,
Какъ недостойный, скроюсь отъ ней?
Она должна мои страданья видѣть,
И слышать вопль растерзанной души,

И горькими оплакивать слезами.
О! люди злы, она жь — небесный Ангелъ.
Отъ страшнаго отчаянья она
Спасеть мою измученную душу,
И утѣшенья тихими словами,
Со мной рыдая, муку усладить.

О К Т А В І О.

Не оторвешься отъ нее; не въ силахъ
Разстаться будешь. О, пойдѣмъ, мой сынъ! —
Спаси святую чистоту души!

М А К С Ъ.

Не трать словъ. Влеченью сердца я
Послѣдую: ему могу я вѣрить.

О К Т А В І О

(внѣ себя, съ трепетомъ).

Максъ, Максъ! Когда несчастіе постигнетъ
Меня; когда ты, сынъ мой, кровь моя —
Подумать страшно! — извергу себя
Продашь, измѣны гнусное клеймо
На славный родъ твоихъ отцовъ наложишь,
То будетъ міръ свидѣтель страшныхъ дѣлъ,
И задымится на булатѣ сына,
Въ упорной битвѣ, кровь его отца.

М А К С Ъ.

О, если бъ ты о людяхъ лучше мыслилъ, —
Не такъ бы, лучше поступалъ во всемъ.
Исчадье ада, злое подозрѣнье!
Оно не видитъ твердаго нигдѣ.
Тамъ все колеблется, гдѣ вѣры нѣтъ.

О К Т А В І О.

Но если сердцу твоему повѣрю,

Ручаешься ль, что слѣдовать ему
Всегда ты будешь въ силахъ?

МАКСЪ.

Ты не могъ
Поколебать его, такъ вѣрно герцога
Не поколеблеть.

ОКТАВІО.

Максъ, въ послѣдній разъ
Тебя я вижу: ты не возвратишься?

МАКСЪ.

Ты не увидишь недостойнымъ сыномъ
Меня, отецъ.

ОКТАВІО.

Я ѣду въ Фрауенбергъ;
Съ тобою оставляю Паппенгеймцевъ.
Тоскана, Лотрингенъ и Тифенбахъ
Здѣсь также будутъ охранять тебя.
Они къ тебѣ привязаны, и вѣрны —
Скорѣй падутъ въ борьбѣ, съ мечемъ въ рукахъ,
Чѣмъ отъ вождя отстанутъ и отъ чести.

МАКСЪ.

О, будь спокоенъ! Я погибну въ битвѣ,
Иль ихъ отсюда выведу съ собой.

ОКТАВІО.

Прости же, сынъ!

МАКСЪ.

Прости!

ОКТАВІО.

И на отца
Не взглянешь ты? И на прощанье руку

Съ привѣтомъ дружбы не пожмешь ему?
Кровавая намъ предстоитъ война;
Послѣдствія не вѣрны, скрыты въ мракѣ.
Не такъ бывало разставались мы!
Ужели правда? — Не имѣю сына?

(Максъ падаетъ къ нему на грудь; долго и молча держутъ они другъ друга въ объятіяхъ, наконецъ расходятся въ противоположныя стороны.)

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Комната у герцогини Фридландской.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Графиня Терцкая. Тэкла. Дѣвица Нейбрунъ.

(Дѣвъ послѣднія заняты женскимъ рукодѣльемъ.)

ГРАФИНЯ.

И нѣ о чемъ тебѣ спросить меня?
Да, Тэкла, вовсе не о чемъ? Давно ужъ
Хоть одного жду слова. И такъ долго
Пробыть ты можешь, имени его
Ни разу не назвавъ? Или я больше
Вамъ не нужна? Иль безъ меня нашли вы
Другой, вѣрнѣйшій путь? Признайся мнѣ,
Ты видѣла его?

ТЭКЛА.

Нѣтъ, не видала
Его я ни сегодня, ни вчера.

ГРАФИНЯ.

И не слыхала ни чего о немъ?

Будь откровенна, милый другъ.

ТЭКЛА.

Ни слова.

ГРАФИНЯ.

И можешь быть спокойна?

ТЭКЛА.

Я спокойна.

ГРАФИНЯ.

Оставьте насъ, дѣвица Нейбрунъ.

(Нейбрунъ уходитъ.)

—

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Графиня. Тэкла.

ГРАФИНЯ.

Мнѣ

Не нравится, что именно теперь

Онъ скромничаетъ.

ТЭКЛА.

Именно теперь?

ГРАФИНЯ.

Да, съ той поры, какъ обо всемъ уже

Ему извѣстно. Время объясниться.

ТЭКЛА.

Я вашихъ словъ совсѣмъ не понимаю;

Скажите мнѣ яснѣе.

Г Р А Ф И Н Я .

Для того-то
Я удалила Нейбрунъ. Тэкла, ты
Ужь не дитя. Въ тебѣ созрѣло сердце,
Когда ты любишь; а любовь даетъ
И мужество. Его ты доказала.
Ты твердостью къ отцу подходишь ближе,
Чѣмъ къ матери; и можешь то услышать,
Чего она не въ силахъ перенести.

Т Э К Л А .

Чтобъ ни было, безъ предисловій, просто
Скажите все. Ничто не страшно мнѣ,
Одно вступленье это страшно. Что?
Скажите, тетушка?

Г Р А Ф И Н Я .

Не испугайся.

Т Э К Л А .

Молю, скажите!

Г Р А Ф И Н Я .

Важную услугу
Отцу ты можешь оказать.

Т Э К Л А .

Услугу?

Г Р А Ф И Н Я .

Максъ Пикколомини горитъ къ тебѣ
Любовью, Тэкла. Твердо, крѣпко можешь
Его навѣки привязать къ отцу.

Т Э К Л А .

Къ чему-жъ мое посредничество? Онъ
Ему давно принадлежитъ душою.

Г Р А Ф И Н Я .

Принадлежалъ.

ТЭКЛА.

А почему жь не нынѣ
И не всегда?

ГРАФИНЯ.

Онъ къ цесарю приверженъ.

ТЭКЛА.

Да, сколько долгъ и честь велятъ.

ГРАФИНЯ.

Мы доказательствъ отъ любви его,
А не отъ чести требуемъ. Долгъ! честь!
Двусмысленныя, темныя слова!
Ихъ пояснить ему должна ты будешь:
Любовь ему указывать должна
Дорогу чести.

ТЭКЛА.

Какъ?

ГРАФИНЯ.

Отъ цесаря,
Иль отъ тебя онъ долженъ отказаться.

ТЭКЛА.

Максъ за отцомъ послѣдуетъ охотно
Въ жизнь частную. Онъ самъ вамъ говорилъ,
Что радъ съ себя оружіе сложить.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, не слагать его съ себя онъ долженъ;
Но обнажить за твоего отца.

ТЭКЛА.

Онъ за него охотно кровь прольетъ
И жизнь положить, если нужно будетъ.

ГРАФИНЯ.

Понять не хочешь словъ моихъ, такъ слушай:
Отъ цесаря отецъ твой отложился,

И съ цѣлымъ войскомъ перейти къ врагу
Готовится....

ТЭКЛА.

О! мать моя!

ГРАФИНЯ.

Примѣръ

Великій нуженъ, чтобъ увлечь полки.

Два Пикколомини всѣмъ войскомъ чтимы,

И мнѣнье общее отъ нихъ зависитъ;

Имъ подражать готовы всѣ. Въ отцѣ

Увѣрены посредствомъ сына мы:

Теперь зависитъ много отъ тебя.

ТЭКЛА.

Мать бѣдная! Какой ударъ смертельный

Грозить! Тебѣ не пережить его!

ГРАФИНЯ.

Нуждѣ она смиренно покорится.

Сестру я знаю: робкую, ее

Все будущее, дальнее пугаетъ,

Но избѣжать чего нельзя, что-есть ужь,

Тому она спокойно предается.

ТЭКЛА.

О, полная предчувствія душа!

Теперь-то страха ледяную руку

Я чувствую! Она меня схватила

Среди цвѣтущей, радостной надежды.

Я это знала: только я сюда

Вступила, мнѣ предчувствіе сказало,

Что надо мной взошла звѣзда бѣды.

Но о себѣ ли помышлять теперь?

Мать, мать моя!

ГРАФИНЯ.

Прійди въ себя. Оставь
Напрасныя стенанья. Сохрани
Себѣ любовника, отцу подпору.
Ты можешь все устроить, осчастливить.

ТЭКЛА.

Устроить? Какъ? Не мы-ль разлучены
Навѣкъ? А счастье — до него-ль теперь?

ГРАФИНЯ.

Онъ оторваться отъ тебя не можетъ.

ТЭКЛА.

Несчастный!

ГРАФИНЯ.

Если точно любить онъ,
То и рѣшиться не замедлитъ.

ТЭКЛА.

Нѣтъ,

Не сомнѣвайтесь въ томъ — онъ не замедлитъ
Рѣшиться. О! нужна-ль и тутъ рѣшимость?

ГРАФИНЯ.

Опомнись, успокойся. Мать идетъ.

ТЭКЛА.

Какъ взоры я перенесу ея?

ГРАФИНЯ.

Прійди въ себя!

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГЕРЦОГИНЯ.

ГЕРЦОГИНЯ

(графинь).

Сестра, кто былъ здѣсь съ вами?
Такъ горячо ты говорила съ кѣмъ-то?

ГРАФИНЯ.

Здѣсь? — Никого.

ГЕРЦОГИНЯ.

Я такъ пуглива стала.

Малѣйшій шорохъ кажется походкой

Мнѣ роковаго вѣстника бѣды.

Не знаешь ли, сестра, рѣшился герцогъ

Исполнить волю цесаря? Пошлетъ ли

Встрѣчать инфанта конные полки?

Скажи, мой другъ, съ хорошимъ ли отвѣтомъ

Онъ Квестенберга отпустилъ отсюда?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Кончено! Все худшее предвижу!

Онъ будетъ удаленъ, и все пойдетъ

Какъ въ Регенсбургъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ! того не будетъ,

На этотъ разъ не будетъ! успокойся!

(Тэкла, сильно встревоженная, кидается къ матери, и, рыдая, заключаетъ ее въ объятія.)

ГЕРЦОГИНЯ.

Неукротимый, гордый человекъ!
Чего я въ этомъ бракѣ злополучномъ,
Страдалица, не претерпѣла съ нимъ!
Подобна жертвѣ, къ пламеннымъ колесамъ
Прикованной, которая всегда
Вращаются съ ужасной быстротою,
Я страха полную влекла съ нимъ жизнь,
И онъ, надъ пропастью стоящій вѣчно,
Низринуться въ нее готовый, влекъ
Меня съ собой! Не плачь, мое дитя!
Мои страданья не должны пугать
Души твоей печальнымъ ожиданьемъ,
И будущую отравлять судьбу.
Дитя мое, нѣтъ Фридланда другого;
Не бойся: участь матери твоей
Постичь тебя не можетъ.

ТЭКЛА.

О, родная!

Бѣжимъ, бѣжимъ! Сокроемся скорѣй!
Намъ здѣсь нѣтъ мѣста; каждый часъ ужасенъ—
Онъ новое страшилище готовить.

ГЕРЦОГИНЯ.

Тебя ждетъ участь лучшая! И мы
Съ твоимъ отцомъ дни ясные видали.
Люблю припомнить первые года:
Онъ былъ тогда честолюбивъ, но веселъ;
Влеченье къ славѣ грѣло душу въ немъ,
Но не было еще огнемъ свирѣпымъ,
Который все, что встрѣтитъ, пожираетъ.
Его любилъ и довѣрялъ ему
Монархъ; тогда и всѣ дѣла его

Вѣнчались успѣхомъ. Съ дня-жь того
Несчастливаго, который въ Регенсбургѣ
Его неожиданно свергнулъ съ высоты,
Духъ подозрѣнья мрачный и враждебный
Легъ на душу. Покой его бѣжалъ;
На счастье, на собственныя силы
Онъ упованье свѣтлое утратилъ;
Къ наукѣ темной обратился онъ,
Которая приверженцевъ своихъ
Еще вовѣкъ не породняла съ счастьемъ.

Г Р А Ф И Н Я.

Своими ты глазами вещи видишь.
Тебѣ извѣстно, скоро онъ прійдетъ;
Такими ли его рѣчами встрѣтимъ?
Въ такомъ ли состояньи долженъ онъ
Найти тебя?

Г Е Р Ц О Г И Н Я.

Поди, мое дитя!

Отри изъ глазъ катящіяся слезы:
Встрѣчай отца смѣющимся лицомъ.
Смотри, вотъ петля разстегнулась тутъ;
Здѣсь надо волосы связать. Поди,
Не плачь. Свои прекрасные глаза
Слезами только портишь. Что хотѣла
Я говорить? Да! Пикколомиши
Достойный, благородный человѣкъ!

Г Р А Ф И Н Я.

Конечно такъ.

Т Э К Л А

(графиня, боязливо).

Иду я.... извините....

(Хочетъ идти.)

ГРАФИНЯ.

Куда же, другъ мой? Твой отецъ идетъ.

ТЭКЛА.

Я не могу съ нимъ видѣться теперь.

ГРАФИНЯ.

Но онъ твое отсутствіе замѣтитъ,

Онъ спроситъ, гдѣ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Зачѣмъ идетъ она?

ГРАФИНЯ.

Она больна.

ГЕРЦОГИНЯ

(заботливо).

Что, милая, съ тобою?

(Объ идутъ за Тэклой и стараются удержать ее. Входитъ Валленштейнъ, занятый разговоромъ съ Илло.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ИЛЛО. ПРЕЖНІЕ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Еще спокойно въ станѣ?

ИЛЛО.

Все спокойно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чрезъ нѣсколько часовъ о сдачѣ Праги

Извѣстье можемъ получить; тогда,

Личину снявъ, мы здѣшніе полки

Увѣдомимъ объ учиненномъ шагѣ
И о его послѣдствіяхъ. Примѣръ
Въ подобномъ случаѣ всего важнѣе.
Созданье переимчивое люди, —
Кто впереди тотъ и ведетъ толпу.
Мы дали знать стоящимъ въ Прагѣ вѣйскамъ,
Что въ Пильзенѣ намъ присягнулъ народъ,
А въ Пильзенѣ намъ присягнуть должны,
Затѣмъ — что въ Прагѣ поданъ ужъ примѣръ,
Ты говоришь, — рѣшился Буттлеръ?

и л л о.

Да,

Онъ добровольно предложилъ свой полкъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ вижу я, не всякому и вѣрить
Должны мы гласу вѣщему души.
Духъ лжи, нерѣдко, обмануть желая,
Заимствуетъ гласъ истины святой,
И ложныя вѣщаетъ прорицанья.
Такъ виновать и я противъ его,
Достойнаго почтенья мужа. Чувство
Невольное — я не хотѣлъ бы страхомъ
Его назвать — въ присутствіи его
Всю внутренность, всю душу потрясаетъ
И леденить мой дружескій привѣтъ;
А онъ, кому не довѣряетъ сердце,
Онъ счастья первый мнѣ даетъ залогъ.

и л л о.

И будь увѣренъ, что его примѣру
Послѣдуютъ все лучшіе вожди.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Теперь иди; пришли мнѣ Изолани;

Онъ мнѣ давно обязанъ. Я съ него
Начать хочу. Иди.

*(Илло уходитъ; а герцогиня и прочіе вновь приближа-
ются къ авансценъ.)*

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И мать, и дочь!

На этотъ разъ мы отдохнемъ отъ дѣлъ.
Приблизьтесь: душа моя желала
Въ кругу семейномъ провести часокъ
Веселый, тихій.

ГРАФИНЯ.

Какъ давно мы такъ
Не собирались!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(тихо графиню).

Можно ль объявить ей?

Упреждена ли?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ еще.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Поди,

Мое дитя; сядь здѣсь, со мною рядомъ.
Духъ благотворный на твоихъ устахъ.
Твое искусство мнѣ хвалила мать;
Пріятный, стройный голосъ звучныхъ пѣсень
Очаровательныхъ, въ тебѣ живетъ.
Теперь мнѣ этотъ голосъ слишкомъ нуженъ,
Чтобъ демона враждебнаго прогнать,
Который вѣетъ чорными крылами
Вкругъ озабоченной моей главы.

ГЕРЦОГИНЯ.

Гдѣ цитра, другъ мой? Спой! Пускай отецъ
Услышитъ голосъ твой, твое искусство.

ТЭКЛА.

Мать! Боже мой!

ГЕРЦОГИНЯ.

Отца потѣшь же, Тэкла!

ТЭКЛА.

Нѣтъ силъ!

ГРАФИНЯ.

Племянница, что́ это значить?

ТЭКЛА

(графинь).

О! сжалятеся! Мнѣ пѣть? Теперь — когда
Душа убита скорбью? И предъ нимъ,
Который мать мою влечетъ въ могилу?

ГЕРЦОГИНЯ.

Какъ, ты упрямишься? Уже-ль отецъ
Напрасно изъявилъ свое желанье?

ГРАФИНЯ.

Вотъ цитра.

ТЭКЛА.

Боже! мнѣ ли пѣть теперь?

(Она беретъ цитру дрожащей рукой. Душа ея въ сильномъ волненіи. Хочетъ запѣть, но не можетъ, бросаетъ инструментъ и быстро удаляется.)

ГЕРЦОГИНЯ.

Дитя мое! Она больна!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что съ ней

Случилось? Всегда ли такъ бываетъ?

ГРАФИНЯ.

Ужъ если Тэкла измѣнила тайнѣ

Своей, и я молчать не стану.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ?

Г Р А Ф И Н Я .

Она горитъ къ нему любовью страстной.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Кто жь этотъ онъ?

Г Р А Ф И Н Я .

Максъ Пикколомини.

Ужели ты не могъ того замѣтить?

И ты, сестра?

Г Е Р Ц О Г И Н Я .

О, если бь только это

Печалью душу тяготило ей!

Господне надъ тобой благословенье,

Мое дитя! Краснѣть не можешь ты

Отъ выбора младенческаго сердца.

Г Р А Ф И Н Я .

Поѣздка эта.... Если не имѣлъ

Ты видовъ — самъ себя вини.... Другого

Проводника ты могъ бы выбрать ей.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

А Максъ? Онъ знаетъ?

Г Р А Ф И Н Я .

Ею онъ владѣть

Надѣется.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Владѣть? Въ умѣ ли онъ?

Г Р А Ф И Н Я .

Пусть отъ тебя сама теперь услышитъ

Твое рѣшенье.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Онъ княжной Фридландской

Владѣть задумалъ? Мысль его забавна!

Не низкую онъ выбралъ цѣль желаньямъ.

Г Р А Ф И Н Я.

Ты былъ всегда такъ милостивъ къ нему;
Теперь....

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Теперь наслѣдникомъ моимъ
Онъ хочетъ быть? Ни слова, я люблю,
Я уважаю Макса; но какая-жь
Тутъ связь съ рукою дочери моей?
Ужель моя единственная дочь
Благоволенья знакомъ быть должна?

Г Е Р Ц О Г И Н Я.

Возвышенность и благородство мыслей....

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

За нихъ плачу не дочерью, но сердцемъ.

Г Е Р Ц О Г И Н Я.

И родъ его и предки....

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Предки! Какъ?

Онъ подданный, а Тэклы женихомъ
Въ Европѣ быть вѣнчанная глава
Должна.

Г Е Р Ц О Г И Н Я.

Мой другъ, не будемъ подниматься
На высоту безмѣрную, чтобъ въ пропасть
Бездонную не ввергнуться потомъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Затѣмъ ли я съ такимъ трудомъ старался
Обыкновенныхъ превзойти людей,
И высокò надъ ними стать, чтобъ жизнь
Великую простымъ родствомъ окончить?
Затѣмъ ли я....

(Опомнившись, вдругъ останавливается.)

Ее, ее одну
Я по себѣ оставлю на землѣ.
Такъ на челѣ ея корону видѣть
Хочу, или не жить. Какъ? Всѣмъ я, всѣмъ
Пожертвовалъ, чтобы ее возвысить,
И въ самое мгновенье это долженъ....

(Опять опомнился.)

Я, какъ отецъ ничтожный, мягкосердый,
Обыкновенный заключу союзъ,
Затѣмъ, что дѣти нравятся другъ другу?
И заключу теперь, въ сію минуту,
Когда готовлюсь наложить вѣнецъ
Я на мое оконченное дѣло?
Нѣтъ! издавна хранимое она
Сокровище; драгой, послѣдній лептъ
Моей казны. За царскій только скиптръ
Я соглашусь отдать его.

ГЕРЦОГИНЯ.

Супругъ мой!

Ты строишь, строишь высокò, до облакъ,
А не подумаешь, что основанье
Не твердо, узко; что поднять не можетъ
Непрочнаго строенья твоего.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(графинь).

Сказала ты, какое ей жилище
Я назначаю?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ. Самъ объяви ей.

ГЕРЦОГИНЯ.

Какъ? Мы въ Каринтію не возвратимся?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не возвратитесь!

ГЕРЦОГИНЯ.

Но въ твои имѣнья?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ, тамъ опасно жить тебѣ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Опасно

Въ владѣніяхъ монарха, подъ его
Защитою?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Фридландская княгиня

Отъ цесаря не можетъ ждать защиты.

ГЕРЦОГИНЯ.

Творецъ небесный! До того довелъ ты?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ Голландіи найдешь ее.

ГЕРЦОГИНЯ.

Возможно ль?

У лютеранъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Францъ, герцогъ Лауенбургскій

Твой проводникъ туда.

ГЕРЦОГИНЯ.

Францъ Лауенбургскій?

Врагъ императора, союзникъ Шведовъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Враги его ужь не мои враги.

ГЕРЦОГИНЯ

(съ ужасомъ смотритъ то на него, то на графиню).

Такъ правда: сверженъ онъ? лишился власти?

О, Боже, Боже!

ГРАФИНЯ

(тихо герцогу).

Пусть при этой мысли
Останется. Ты видишь самъ, она
Не въ силахъ будетъ истину услышать.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГРАФЪ ТЕРЦКІЙ.

ГРАФИНЯ.

О, Боже! Терцкій, что такое? Ужасъ
Въ твоихъ чертахъ; какъ будто привидѣнье
Увидѣлъ ты.

ТЕРЦКІЙ

(отводитъ Валленштейна въ сторону и тихо говоритъ ему).

Ты приказалъ Кроатамъ
Уѣхать?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ! я ничего не знаю.

ТЕРЦКІЙ.

Измѣна!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ?

ТЕРЦКІЙ.

Кроаты этой ночью
И егеря отправились. Деревни
Кругомъ всѣ пусты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Изолани-жь гдѣ?

ТЕРЦКІЙ.

Вѣдь ты услалъ его?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я?

ТЕРЦКІЙ.

Развѣ нѣтъ?

И Деодата также не послалъ ты?

Исчезли оба.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ИЛЛО.

ИЛЛО.

Терцкій! объявилъ?

ТЕРЦКІЙ.

Все знаетъ онъ.

ИЛЛО

(Валленштейну).

И знаешь, что Марадасъ
Коляльто, Кауницъ, Гёцъ и Эстергази
Тебя оставили?

ТЕРЦКІЙ.

Ахъ! дьяволъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(мигаетъ ему).

Тише!

ГРАФИНЯ

(боязливо наблюдавая за нимъ издали, подходитъ).

Что сдѣлалось? Скажите что такое?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пойдемъ. Пустое!

ТЕРЦКІЙ

(хочетъ слѣдовать за нимъ).

Ничего, Тереза.

ГРАФИНЯ

(удерживаетъ его).

Какъ ничего? Не вижу развѣ я,
Что съ вашихъ блѣдныхъ, помертвѣлыхъ лицъ
Сбѣжала кровь; что даже братъ усиленно
Старается спокойнымъ показаться?

ПАЖЪ

(входитъ.)

Васъ спрашиваетъ адъютантъ, графъ Терцкій.

(Терцкій уходитъ съ пажемъ.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Узнай, зачѣмъ.

(Обратясь къ Илло.)

Да не могло же тайно
Случиться. Кто у городскихъ воротъ
На стражѣ?

ИЛЛО.

Тифенбахъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Смѣнить его

Немедленно. Пусть Терцкаго драгуны
Заступятъ мѣсто. Слушай! что нашъ Буттлеръ?

И Л Л О.

Я видѣлъ Буттлера. Онъ самъ сей часъ
Сюда придетъ. Душой тебѣ онъ преданъ.

(Илло уходитъ. Валленштейнъ хочетъ за нимъ слѣдовать.)

Г Р А Ф И Н Я.

Не выпускай его, останови,
Сестра! Несчастье....

Г Е Р Ц О Г И Н Я.

Боже! что случилось?

(Кидается ему на шею.)

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ

(стараясь отъ нее освободиться).

Пустите! Успокойтесь! сестра,
Жена — мы въ станѣ. Здѣсь легко и быстро
Смѣняется сіянье солнца бурей.
Здѣсь слишкомъ трудно соглашать умы,
И никогда покой не осѣняетъ
Главы вождя. Останусь я, такъ вы
Идите прочь! Стенанья, вопли женщинъ
Не кстати тамъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина.

(Хочетъ идти, Терцкій возвращается.)

Т Е Р Ц К І Й.

Останься; будемъ изъ окна смотрѣть.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Сестра, иди!

Г Р А Ф И Н Я.

Нѣтъ, никогда!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Хочу!

ТЕРЦКІЙ

(отводитъ ее въ сторону, и значительно указываетъ на герцогиню).

Тереза!

ГЕРЦОГИНЯ.

Хочетъ онъ: пойдѣмъ сестра!

(Уходятъ.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ГРАФЪ ТЕРЦКІЙ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(подходитъ къ окну).

Что жь тамъ?

ТЕРЦКІЙ

Войска сбѣгаются, толпятся,
Причины же никто не знаетъ. Молча,
Таинственно полкъ каждый подъ свои
Становится знамена. Тифенбахцы
Недружелюбно смотрятъ; лишь Валлонцы
Отдѣльно въ станѣ заперлись своимъ
И не впускаютъ никого. Они
Спокойны, тверды, какъ всегда бывали.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ съ нами?

ТЕРЦКІЙ.

Нѣтъ. Его напрасно ищутъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какую-жъ новость адъютантъ принесъ?

ТЕРЦКІЙ.

Его ко мнѣ мои полки послали.

Вновь въ вѣрности тебѣ они клянутся

И, мужествомъ кипящіе, ждуть только

Призыва къ битвѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отъ чего-жъ тревога?

Вѣдь я хотѣлъ и приказалъ, чтобъ войско

О цѣломъ дѣлѣ ничего не знало,

Покуда въ Прагѣ не удастся намъ.

ТЕРЦКІЙ.

О, если бъ ты повѣрилъ мнѣ! Вчера,

Еще вчера я заклиналъ тебя

Не выпускать Октавіо. А ты

Коварному самъ коней далъ для бѣгства.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Опять за ту же пѣсню! Не хочу

Знать о твоёмъ безумномъ подозрѣньѣ.

ТЕРЦКІЙ.

И Изолани вѣрилъ ты, а онъ

Тебя оставилъ первый!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я его

Вчера лишь только спасъ отъ нищеты.

На благодарность я не полагаюсь.

ТЕРЦКІЙ.

Всѣ таковы-жъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И какъ его винить,

Что онъ меня покинулъ? Онъ идетъ

За божествомъ, которому служилъ
Всю жизнь свою, за карточнымъ столомъ
Съ моимъ онъ счастьемъ заключилъ союзъ —
Съ нимъ, не со мной — и разорвалъ его.
Какія мы другъ къ другу отношенья
Имѣли? Я былъ тотъ корабль, который
Онъ нагрузилъ надеждами своими,
Съ которымъ смѣло океанъ обширный
Переплывалъ; теперь увидѣлъ онъ,
Что на скалы корабль его несется,
И поспѣшилъ спасти свое добро.
Легко, какъ птица съ дружелюбной вѣтки,
Онъ отъ меня отпархиваетъ прочь,
Но никакой не расторгаетъ связи.
Да, тотъ достоинъ быть обмануть, кто
Искалъ души въ безсмысленномъ твореньи.
Не прочными, не ясными чертами
На гладкомъ лбу житейскіе предметы
Рисуются, ни что не западаетъ
Въ глубокую, безчувственную грудь.
Порывъ минутный оживляетъ кровь,
Но нѣтъ души, чтобы согрѣть ее.

ТЕРЦКІЙ.

А я готовъ челу такому вѣрить,
Скорѣй инаго мудраго чела.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ТЕРЦКІЙ. Илло *входитъ въ бѣшенство.*

ИЛЛО.

Предательство! Измѣна!

ТЕРЦКІЙ.

Что опять?

ИЛЛО.

Я Тифенбахамъ приказалъ сойти
Съ своихъ постовъ, они-жь, забывъ свой долгъ.

ТЕРЦКІЙ.

Ну!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что-жь? — забывъ свой долгъ...

ИЛЛО.

Повиноваться

Не захотѣли!

ТЕРЦКІЙ.

Такъ вели стрѣлять
По нимъ, вели!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Но почему-жь они
Не повинуются?

ИЛЛО.

Повелѣвать имъ
Октавіо лишь въ правѣ. Вотъ слова ихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ? Что такое?

И Л Л О.

Войску предъявилъ онъ
Бумагу цесаря.

Т Е Р Ц К І Й.

Ты слышишь, князь?
Бумагу цесаря!

И Л Л О.

Отбыть отсюда
Полковникамъ вчера онъ самъ велѣлъ.

Т Е Р Ц К І Й.

Ты слышишь, герцогъ?

И Л Л О.

Да! Монтекукулли,
Караффа также ѣдутъ; за собой
Онъ слѣдовать уговорилъ ихъ. Онъ
Имѣлъ давно цесарскую бумагу,
И съ Квестенбергомъ сговорился здѣсь.

(Валленштейнъ опускается на стулъ и закрываетъ лицо.)

Т Е Р Ц К І Й.

О, если бъ ты словамъ моимъ повѣрилъ!

— — —

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГРАФИНЯ.

Г Р А Ф И Н Я.

Я ужаса преодолѣть не въ силахъ!
Скажите, ради Бога, что случилось?

И Л Л О.

Отъ князя отложилися полки!
Графъ Пикколомини — предатель.

Г Р А Ф И Н Я.

О, мое

Предчувствіе!

(Бросается вонъ изъ комнаты.)

Т Е Р Ц К І Й.

Когда бъ ты мнѣ повѣрилъ!
Вотъ видишь ли, какъ лгутъ твои планеты!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ

(встаетъ).

Онѣ не лгутъ! Свершилось это все
Противно ихъ теченью и судьбѣ.
Наука тѣль небесныхъ справедлива,
Но сердце хитрое внесло обманъ
И ложь въ правдивую обитель неба.
На истинѣ, на правотѣ одной
Основана наука предсказаній.
Гдѣ изъ предѣловъ выступить природа,
Тамъ всякое обманется искусство.
Коль можно суевѣріемъ назвать,
Что человѣка, образъ божества,
Не осквернилъ я низкимъ подозрѣньемъ,
То не краснѣю слабости моей.
Тварь каждая стремится къ вѣрѣ! Дикій,
Самъ дикій чаши не раздѣлитъ съ жертвой,
Которой ножъ готовится вонзить.
Великъ, Октавіо, великъ твой подвигъ!
Ты не умомъ преодолѣлъ мой умъ,
Но злое сердце подлую побѣду
Надъ сердцемъ честнымъ одержало. Ты

Спокойно наносилъ ударъ смертельный
На грудь, не защищенную ничѣмъ —
Противъ такихъ орудій я дитя!

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. БУТТЛЕРЪ.

ТЕРЦКІЙ.

Вотъ Буттлеръ, другъ оставшійся у насъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями, и горячо обнимаетъ).

Къ груди, къ груди, товарищъ старый мой!
Не такъ отраденъ вешній солнца лучъ,
Какъ дружній видъ въ подобную минуту.

БУТТЛЕРЪ.

Я, генеральъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(опирается о его плечо).

Извѣстно ли тебѣ:

Для цесаря мнѣ измѣнилъ старикъ.
Что скажешь, Буттлеръ? Тридцать лѣтъ терпѣли
И жили вмѣстѣ. На одной постели
Мы спали съ нимъ, однимъ кускомъ дѣлились,
Изъ одного стакана пили. Я
Такъ на него оперся, какъ теперь
На вѣрное *твое* плечо; а онъ,
Въ мгновеніе, когда я, полнъ любви,

Довѣрчиво прильнулъ къ его груди,
Онъ высмотрѣлъ удобную минуту,
И тихо въ сердце погрузилъ мнѣ ножъ.

(Скрываетъ лицо на груди Буттлера.)

БУТТЛЕРЪ.

Забудь коварнаго! Скажи, что дѣлать
Намѣренъ ты?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Умно сказалъ, умно!

Еще друзьями я богатъ, не такъ ли?
Любимъ судьбой? Теперь, когда личина
Съ обманщика упала, мнѣ она
Послала друга вѣрнаго. Забудемъ
О немъ. Не мыслите, что тяжела
Его потеря. Нѣтъ! обманъ тяжелъ мнѣ,
Затѣмъ, что я любилъ и чтилъ обоихъ.
Максъ истинно, душевно былъ мнѣ преданъ,
И онъ — нѣтъ, онъ не обманулъ меня!
Но полно! Время дѣйствовать, обмыслить.
Гонецъ, котораго мнѣ Кинскій шлетъ
Изъ Праги, долженъ скоро быть сюда.
Чтобъ онъ ни везъ, мятежникамъ попастьъ
Не долженъ. Вѣрнаго гонца послать
Ему навстрѣчу, чтобъ проведъ его
Ко мнѣ дорогой тайною.

(Илло хочетъ идти.)

БУТТЛЕРЪ

(останавливаетъ его).

Кого

Ты ожидаешь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Посланнаго съ вѣстью,
О томъ, что въ Прагѣ происходитъ.

БУТТЛЕРЪ.

Гмъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что, Буттлеръ?

БУТТЛЕРЪ.

Такъ ты ничего не знаешь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что знать еще?

БУТТЛЕРЪ.

Не знаешь что причиной
Возникшаго смятенья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну!

БУТТЛЕРЪ.

Гонецъ

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(нетерпѣливо).

Что-жь?

БУТТЛЕРЪ.

Здѣсь онъ!

ТЕРЦКІЙ и Илло.

Здѣсь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мой посланный?

БУТТЛЕРЪ.

Давно ужъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А я не зналъ?

БУТТЛЕРЪ.

Его схватила стража.

ИЛЛО

(топнувъ ногой).

Проклятіе!

БУТТЛЕРЪ.

И вскрытое письмо
По стану ходить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А тебѣ известно
О чемъ оно?

БУТТЛЕРЪ

(выразительно).

Не спрашивай меня.

ТЕРЦКІЙ.

Все рушится! О, горе, горе, Илло!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я ко всему готовъ. Скажи мнѣ—Прага
Потеряна? Скажи мнѣ прямо? Да?

БУТТЛЕРЪ.

Потеряна! Въ Браунау, въ Кенихгрецѣ,
Въ Таборѣ, Брюннѣ, Будвисѣ и Цнаймѣ.
Полки тебя оставили: они
Вновь присягнули цесарю. Ты самъ,
Графъ Терцкій, Илло, Кинскій, я, и всѣ
Осуждены на смерть.

(Терцкій и Илло изъясляютъ ужасъ и бѣшенство. Валленштейнъ сохраняетъ спокойствіе духа и твердость.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(помолчавъ).

Все рѣшено, все кончено! и скоро
Отъ мукъ сомнѣнья изцѣлюся я.
Опять душа свободна, свѣтель умъ.
Ночь быть должна, гдѣ Фридланда свѣтила
Горятъ. Колебляся и полнъ сомнѣнья,
Я не охотно мечъ мой извлекалъ,
Когда былъ властенъ въ выборѣ рѣшенья.

Настала крайность и мой часъ насталъ;
Теперь сражусь для моего спасенья!

(Уходитъ. Прочіе слѣдуютъ за нимъ.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ

выходитъ изъ боковой комнаты.

Нѣтъ силъ перенести! Куда-жь они
Дѣвались? Все пусто! Я одна,
Одна, покинута въ добычу страха....
Передъ сестрой спокойною казаться
Должна, и муку хоронить въ груди
Истерзанной. Изнемогають силы.
Коль не успѣхъ, а неудача ждетъ насъ,
Коль долженъ онъ, не какъ союзникъ мощный,
Не въ головѣ неустрашимыхъ войскъ,
Но бѣглецомъ явиться къ Шведамъ; если
Изъ края въ край, какъ Пфальць-Графъ, мы должны,
Печальный памятникъ минувшей славы,
Влечить безкровную свою главу....
Нѣтъ! не хочу дожить до дня такого!
И если можетъ онъ упасть, такъ я
Его паденья перенести не въ силахъ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Графиня. Герцогиня. Тэкла.

ТЭКЛА

(удерживая герцогиню).

Родная, не ходи!

ГЕРЦОГИНЯ.

Я вижу, тайну

Ужасную скрываютъ. Для чего

Сестра бѣжить отъ глазъ моихъ? Зачѣмъ

Ея черты изображаютъ ужасъ?

Ты отъ чего трепещешь? Что за знаки

Другъ другу тайно подаете вы?

ТЭКЛА.

О! ничего.

ГЕРЦОГИНЯ.

Сестра, я знать хочу!...

ГРАФИНЯ.

Скрывать нѣтъ пользы, и нельзя. Теперь,

Или потомъ, должна жь она узнать,

Перенести. И не такое время

Чтобъ слабой быть: намъ духъ и бодрость нужны;

Мы ополчиться силою должны.

Такъ лучше пусть судьба ея рѣшится

Единымъ словомъ. Въ заблужденъи ты,

Сестра! ты мыслишь, что отставленъ герцогъ!

Онъ не отставленъ — онъ....

Т Э К Л А

(идетъ къ графиню).

Убить ее

Хотите вы?

Г Р А Ф И Н Я .

Твой мужъ....

Т Э К Л А

(обнявъ мать).

Крѣпись, родная!

Г Р А Ф И Н Я .

Твой мужъ возсталъ на цесаря; къ врагамъ

Хотѣлъ пристать; но войско измѣнило.

Не удалось намѣренье его!...

*(При этихъ словахъ герцогиня шатается, и безъ чувствъ
падаетъ на руки дочери.)*

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Зала въ замкѣ герцога Фридландскаго.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ въ панцырь.

Октавіо, достигъ ты страшной цѣли!

Покинуть я теперь, какъ былъ покинуть

На Регенсбургскомъ сеймѣ! Самъ себѣ -

Я оставался только! Но тогда

Я доказалъ, что значить твердый мужъ.

Ты обрубилъ вѣтвистую одежду,

И вотъ стою я, обнаженный пенъ!

Но сила созидающая въ нѣдрахъ

Моихъ живетъ: распустится — и міръ

Создасть. Когда-то войско я одинъ
Вамъ замѣнилъ. Предъ Шведомъ ваши силы
Растаяли; при Лехѣ Тилли палъ,
Послѣдній вашъ оплотъ, надежда ваша;
Въ Баварію, потокомъ разъяреннымъ,
Густавъ стремился; цесарь трепеталъ
Въ своей столицѣ. Дорогой цѣною
За воиновъ охотно-бъ заплатили,
Но не было; затѣмъ что чернь идетъ
Въ слѣдъ счастью. Тогда-то обратили
Вы на меня, помощника въ бѣдѣ,
Молящій взоръ; предъ горько оскорбленнымъ
Смирилась гордость цесаря, и я
Изречь былъ долженъ творческое слово,
Созвать полки въ пустой, безлюдный станъ.
И все я сдѣлалъ. Зазвучали трубы,
И имя Фридланда, какъ брани Богъ,
По міру прокатилось. Брошенъ плугъ,
Толпится все, бѣжитъ къ давно знакомымъ,
Надеждою сіяющимъ знаменамъ.
И нынѣ тотъ же я, чѣмъ былъ тогда.
Духъ созидаетъ тѣло: Фридландъ снова
Вокругъ себя наполнить ратный станъ.
Ведите ваши тысячи, ведите!
Онѣ привыкли побѣждать — со мной,
А не меня. Когда глава отъ членовъ
Отдѣлится, тогда узнаемъ мы
Гдѣ обитала бодрая душа.

(Илло и Терцкій входятъ.)

Мужайтесь, друзья! Мы не погибли!
Еще намъ вѣрны Терцкаго полки
И Буттлера безстрашныя дружины.

Шестнадцать тысячъ Шведовъ къ намъ примкнутъ
Съ разсвѣтомъ дня. Я не сильнѣе былъ,
Когда, за девять лѣтъ, возставъ грозою,
Германію монарху покорилъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. НЕЙМАНЪ, *который отводитъ графа Терцкаго въ сторону и разговариваетъ съ нимъ.*

ТЕРЦКІЙ
(*Нейману*).

Чего ты хочешь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нейманъ, что такое?

НЕЙМАНЪ.

Князь! десять Паппенгейскихъ кирасиръ,
Отъ имени полка, желаютъ видѣть
Тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Впусти ихъ.

(*Нейманъ уходитъ.*)

Въ нихъ успѣю я;
Они колеблются; склонить ихъ можно.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ТЕРЦКІЙ. ИЛЛО. Десять кирасиръ, предводимые ефрейтеромъ, входятъ мѣрнымъ шагомъ, и построясь передъ герцогомъ, отдають ему честь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(нѣсколько времени измѣрявшій ихъ глазами, говоритъ ефрейтору).

Тебя я знаю: ты изъ Брига родомъ;
Тебя зовутъ вѣдь Мѣрси?

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Генрихъ Мѣрси.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты Гессенцами былъ отрѣзанъ какъ-то
И окруженъ; съ тобою было только
Сто восемьдесятъ человѣкъ, но ты
Сквозь тысячи пробился.

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Точно такъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

За храбрость чѣмъ ты награжденъ былъ?

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Честью

Подъ вашимъ предводительствомъ служить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(обращается къ другому).

Ты былъ въ числѣ охотниковъ, которыхъ
На батарею Шведскую послалъ я
При Альтенбергѣ?

Шестнадцать тысячъ Шведовъ къ намъ примкнутъ
Съ разсвѣтомъ дня. Я не сильнѣе былъ,
Когда, за девять лѣтъ, возставъ грозою,
Германію монарху покорилъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. НЕЙМАНЪ, *который отводитъ графа Терцкаго въ сторону и разговариваетъ съ нимъ.*

ТЕРЦКІЙ

(*Нейману*).

Чего ты хочешь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нейманъ, что такое?

НЕЙМАНЪ.

Князь! десять Паппенгейскихъ кирасиръ,
Отъ имени полка, желаютъ видѣть
Тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Впусти ихъ.

(*Нейманъ уходитъ.*)

Въ нихъ успѣю я;
Они колеблются; склонить ихъ можно.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ТЕРЦКІЙ. ИЛЛО. Десять кирасиръ, предводимые ефрейтеромъ, входятъ мѣрнымъ шагомъ, и построясь передъ герцогомъ, отдають ему честь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(нѣсколько времени измѣрявшій ихъ глазами, говоритъ ефрейтору).

Тебя я знаю: ты изъ Брига родомъ;
Тебя зовутъ вѣдь Мѣрси?

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Генрихъ Мѣрси.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты Гессенцами былъ отрѣзанъ какъ-то
И окруженъ; съ тобою было только
Сто восемьдесятъ человѣкъ, но ты
Сквозь тысячи пробился.

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Точно такъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

За храбрость чѣмъ ты награжденъ былъ?

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Честью

Подъ вашимъ предводительствомъ служить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(обращается къ другому).

Ты былъ въ числѣ охотниковъ, которыхъ
На батарею Шведскую послалъ я
При Альтенбергѣ?

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ.

Точно, ваша свѣтлость.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не забываю никого, съ кѣмъ слово

Одно сказалъ. Чего-жъ хотите вы?

ЕФРЕЙТЕРЪ

(командуетъ).

Ружье къ ноги!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(обращается къ третьему.)

Ты Рисбекъ? Ты изъ Кельна?

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Изъ Кельна, генераль.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ станъ Нюрембергскій

Ты шведскаго полковника Дюбальда

Прявезъ мнѣ плѣннымъ?

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Ни какъ нѣтъ, не я.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, правда, старшій братъ твой. У тебя

И младшій былъ. Гдѣ жъ онъ теперь?

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Съ полкомъ

При Ольмюцѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну, говори, товарищъ!

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Бумага цесаря до насъ дошла.

Въ ней....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто васъ выбралъ?

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Каждой сотней выбранъ
Одинъ по жребію.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ продолжай.

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Бумага цесаря до насъ дошла....

Въ ней сказано, что мы тебѣ отнынѣ

Повиноваться не должны, затѣмъ,

Что ты измѣнникъ родинѣ и врагъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

На что же вы рѣшились?

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Наши братья

Въ Будвисѣ, Прагѣ, Ольмюцѣ, Браунау,

Повиновались, и за ихъ примѣромъ

Пошли полки Тосканы, Тифенбаха;

Но мы не вѣримъ, чтобъ ты былъ предатель

И врагъ. Мы ложью называемъ это,

Испанской выдумкой.

(Простодушно.)

Ты долженъ самъ

Все объявить и все сказать. Донынѣ

Ты откровененъ съ нами былъ и прямъ.

Мы твердо вѣримъ слову твоему.

Межъ добрымъ генераломъ и войсками

Языкъ чужой не долженъ сѣять смуты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я узнаю въ васъ честныхъ Паппенгеймцевъ!

ЕФРЕЙТЕРЪ.

И вотъ что полкъ твой говоритъ чрезъ насъ:

Намѣренъ ты не выпускать изъ рукъ

Жезла, который цесарь поручилъ
Тебѣ, и хочешь честнымъ полководцемъ
Австрійскихъ войскъ остаться—мы готовы
Стать грудью, защитить твои права.
Пусть всѣ полки отложутся — одни мы
Жизнь за тебя положимъ, не измѣнимъ.
Нашъ долгъ погибнуть, а тебя не выдать.
Но если правда, какъ въ бумагахъ пишутъ,
Что хочешь насъ предательски вести
Къ врагамъ, чего избави Богъ, тогда,
Послушные указу, оставляемъ
Тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Друзья мои!...

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Не нужно много
Рѣчей и словъ. Скажи намъ да, иль нѣтъ
И мы довольны.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Слушайте жь: вы люди
Благоразумные. Не за толпой
Идете слѣпо, но судить и думать
Привыкли сами. Потому я васъ
И отличалъ отъ прочихъ. Предводитель
Окинуть глазомъ, счесть знамена можетъ,
Но cadaго, стоящаго въ рядахъ,
Нельзя замѣтить. Строго, слѣпо долженъ
Составъ всѣхъ войскъ повиноваться, но
Отдѣльно обратить вождя вниманья
Не можетъ каждый. Съ вами жь никогда,
Вы это знаете, не поступалъ я,
Какъ съ прочими. Вы сами, доброй волей,

За ремесло суровое взялись;
Я думы человѣческія видѣлъ
На вашихъ чѣлахъ, и донынѣ съ вами,
Какъ съ вольными людьми, я обходился,
И гѣлоса не отнималъ у васъ.

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Такъ, генералъ, довольны мы тобою;
Ты вѣрилъ намъ, и всѣмъ другимъ полкамъ
Предпочиталъ; за то, ты видишь самъ,
И мы не-йдемъ за прочими полками;
Мы держимся тебя. Лишь слово молви,
Одно лишь слово, что измѣны нѣтъ,
Что войска ты не поведешь къ врагу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ измѣняютъ, мнѣ! Меня на жертву
Врагамъ приносить цесарь! Пастъ я долженъ,
Коль вѣрные не защитятъ полки.
Я вамъ откроюсь; ваше сердце будетъ
Моей твердыней. Знайте же, друзья:
На грудь, на голову мою сѣдую
Направлены удары. Вотъ спасибо
Испанское! И вотъ награда намъ
За смертный бой на крѣпости старинной
И на равнинахъ Люцена! За тѣмъ-то
Мы партизанамъ подставляли грудь?
За тѣмъ-то льдомъ подернутую землю
И жесткій камень изголовьемъ брали?
Мы переплыли быстрые потоки,
Прошли непроходимые лѣса,
И гнали Масфельда кривымъ, змѣинымъ
Путемъ его побѣга. Жизнью нашей
Былъ безпокойный, тягостный походъ,

И безпріютны, какъ полночный вѣтеръ,
Носилися мы по лицу земли.
И что жь? Теперь, когда тяжелый трудъ,
Неблагодарный и проклятій полный,
Воинскій трудъ мы подняли руками
Не утомимыми — дитя похитить
Миртъ, украшенье *нашихъ* главъ и шлемовъ,
И въ кудри дѣтскія свои вплететь!

ЕФРЕЙТЕРЪ.

Того не будетъ, нѣтъ, доколѣ мы
Имѣемъ средства помѣшать! Ты только,
Со славой ведшій страшную войну,
Привести къ концу ее имѣешь право.
Ты вывелъ насъ на поле смерти лютой,
Ты радостно и поведешь назадъ
На мирныя, спокойныя поляны —
Раздѣлишь съ нами плодъ трудовъ кровавыхъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И вы надѣтесь въ преклонныхъ лѣтахъ
Пожать плоды трудовъ своихъ? Напрасно!
Конца войны вамъ не видать вовекъ:
Она насъ всѣхъ поглотить! Дать вамъ мира
Не хочетъ Австрія; за тѣмъ-то я
И долженъ пасть, что добиваюсь мира.
Какое дѣло Австріи, что войско
Изнурено, и разоренъ весь край
Жестокой, продолжительной войною?
Ей нужно земли покорять и ростъ.
Вы тронуты! Въ воинственныхъ очахъ
Горитъ гнѣвъ благородный! О, когда бъ
Я могъ вселить въ васъ духъ мой, какъ бывало
Воспламенялъ въ пылу кровавыхъ битвъ!

Вы ополчиться за меня хотите?
Мечами защищать мои права?
Благодарю, друзья! Но, горсть людей,
Что въ силахъ сдѣлать вы? Напрасной жертвой
Погибнете!

(Довѣрчиво.)

Нѣтъ! безопасно, смѣло
Пойдемъ искать друзей! Шведъ общается
Подпору: будемъ помогать ему
Для виду только, до того часа,
Въ который можемъ, страшные обѣимъ,
Располагать судьбой Европы всей;
И тихій миръ, увѣнчанный оливой,
Вселенной радостной изъ стана вывести.

ЕФРЕЙТЕРЪ.

И такъ ведешь переговоры съ Шведомъ
Для виду только? Цесарю не хочешь
Ты измѣнить, и Шведамъ насъ отдать?
Вотъ именно, что мы узнать хотѣли!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что мнѣ до Шведовъ? Ненавижу ихъ,
Какъ бездну ада, и надѣюсь скоро
Прогнать за море, съ помощію Бога.
О цѣломъ я пекуся. Стонъ и горе
Народа душу раздираютъ мнѣ.
Простые люди вы, но образъ мыслей
Въ васъ не простой; вы стоите того
Чтобъ откровенно съ вами говорить.
Такъ видите-ль: Уже пятнадцать лѣтъ
Пылаетъ брань, а мира нѣтъ какъ нѣтъ.
Германецъ, Шведъ, папистъ и лютеранинъ,
Никто не уступаетъ! Всюду битвы,

Раздоры, споръ, и нѣтъ нигдѣ суда.
Чѣмъ кончится? Кому распутать узелъ
Запутанный? Рубить его, рубить!
Я чувствую, меня судьба избрала
На подвигъ сей, и съ помощію вашей
Исполню волю рока.

ШЕСТЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. БУТТЛЕРЪ.

БУТТЛЕРЪ

(съ горячностью).

Генераль,

Не хорошо ты сдѣлалъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что такое?

БУТТЛЕРЪ.

Оно насъ можетъ уронить въ глазахъ

Людей благоразумныхъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что-жь, скажи?

БУТТЛЕРЪ.

Не знакъ ли явный возмущенья это?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что, Буттлеръ?

БУТТЛЕРЪ.

Графа Тецкаго полки

Съ знаменъ орла цесарскаго сорвали,
И подняли гербы твои.

ЕФРЕЙТЕРЪ

(кирасирамъ).

На право!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да будетъ проклятъ и совѣтъ, и тотъ
Кто далъ его!

(Уходящимъ кирасирамъ.)

Остановитесь! Это

Ошибка! Строго накажу виновныхъ!

Послушайте! Оставайтесь! Идутъ,

Не слушаютъ!

(Обратясь къ Илло.)

Поди, уговори ихъ.

Во чтобъ ни стало, приведи назадъ.

(Илло поспѣшно уходитъ.)

Меня погубить это. Буттлеръ, Буттлеръ!

Злой демонъ мой! Все шло прекрасно; скоро

Я ихъ склонилъ бы ... Бѣшеные люди

Съ безвременнымъ усердіемъ! Жестоко

Караетъ рокъ! Не злость враговъ — усердые

Друзей къ гибели меня влечетъ.

—

СЕМЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ГЕРЦОГИНЯ *вбѣгаетъ въ комнату. За ней*

Тэкла и Графиня. Потомъ Илло.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, Альбрехтъ, что ты сдѣлалъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вотъ чего

Не доставало!

ГРАФИНЯ.

Братъ, прости: таить

Я не могла, и все открыла имъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Что сдѣлалъ ты!

ГРАФИНЯ

(мужу).

Ужели нѣтъ надежды?

Погибло все?

ТЕРЦКІЙ.

Погибло все, и Прага

У цесаря въ рукахъ. Вновь присягнули

Ему полки.

ГРАФИНЯ.

Октавіо коварный!

И Максъ уѣхалъ?

ТЕРЦКІЙ.

Вѣрно! Гдѣ же быть

Ему? Поѣхалъ къ цесарю съ отцомъ.

(Тэкла падаетъ на руки матери, и скрываетъ лицо на
ея груди.)

ГЕРЦОГИНЯ

(обнимая ее).

Дитя мое! Несчастнѣйшая мать!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(отводитъ Терцкаго въ сторону).

Вели скорѣй подвезть на задній дворъ

Дорожную карету. Ихъ отправить

(показываетъ на женщинъ.)

Немедленно. Намъ вѣренъ Шверфенбергъ:
Пусть отвезетъ ихъ въ Эгеръ; вслѣдъ за ними
Прибуду самъ.

(Возвратившемуся Илло.)

Не воротились? нѣтъ?

И Л Л О.

Ты слышишь шумъ? Поднялись Паппенгеймцы
И требуютъ полковника. Тобой,
Такъ говорятъ они, насильно въ замкъ
Задержанъ Максъ, и если добровольно
Не выпустишь—они мечемъ его
Освободятъ.

(Все поражены удивленіемъ.)

Т Е Р Ц К І Й.

Что жь дѣлать намъ теперь?

В А Л Л Е Й Ш Т Е Й Н Ъ.

Я зналъ! О сердце вѣщее мое!
Онъ здѣсь еще. Не измѣнилъ, не могъ
Мнѣ измѣнить! Я твердо былъ увѣренъ!

Г Р А Ф И Н Я.

Лишь только былъ бы здѣсь онъ—все поправимъ.
Я знаю средство приковать его.

(Обнимаетъ Тэклу.)

Т Е Р Ц К І Й.

Не можетъ быть. Подумай самъ: отецъ
Намъ измѣнилъ и къ цесарю уѣхалъ,
А сынъ осмѣлится остаться здѣсь?

И Л Л О.

Коней, которыхъ ты ему недавно
Далъ, я сегодня видѣлъ: ихъ вели
По площади.

ГРАФИНЯ.

Такъ, не далеко онъ.

ТЭКЛА

(устремивъ глаза на дверь).

Вотъ онъ идетъ!

ВОСЕМЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МАКСЪ ПИККОЛОМИНИ.

МАКСЪ

(останавливаясь посреди залы).

Да! мнѣ не стало силъ
Вкругъ дома вашего блуждать украдкой,
И выжидать минуты благосклонной!
Боязни ожиданья перенести
Я не могу!

(Идетъ къ Тэкль, бросившейся въ объятія матери.)

Не отвращай лица,
Небесный ангелъ! Никого не бойся,
Признайся передъ всѣми. Пусть узнаетъ,
Кто хочетъ знать, что я любимъ тобой.
Къ чему таить? Счастливымъ нужны тайны;
Несчастью жь безнадежному покрова
Не надо. Смѣло дѣйствуетъ оно,
При блескѣ солнцъ, при тысячѣ свѣтилъ.

(Увидѣвъ графиню, которая торжествующимъ взоромъ
смотритъ на Тэклу.)

Графиня, не смотрите на меня
Исполненнымъ надежды взоромъ! Нѣтъ,

Я не остаться прихожу—проститься.
Все кончено! Тебя, о Тэкла, я
Покинуть долженъ, долженъ! Подари
Меня однимъ лишь взглядомъ состраданья.
Я не хочу, я не могу съ собою
Взять ненависть твою. Скажи: ко мнѣ
Ты не питаешь ненависти въ сердцѣ?
Скажи мнѣ, Тэкла?

(Беретъ ея руку, сильно встревоженный.)

Боже! Боже! Съ мѣста
Сойти нѣтъ силъ! Оставить эту руку
Я не могу! Два слова только, Тэкла!
Ты обо мнѣ жалѣешь? Ты сама
Увѣрена, что я рѣшиться долженъ
На этотъ шагъ?

*(Тэкла, избѣгая взоровъ его, указываетъ рукою на отца.
Максъ обращается къ герцогу, котораго только что за-
мѣтилъ въ эту минуту.)*

Ты здѣсь? Я не тебя
Искалъ! Тебя я видѣть въ этомъ мірѣ
Не долженъ былъ. Я къ ней имѣю дѣло
И больше ни къ кому. Пусть этимъ сердцемъ
Оправданъ буду; до другихъ сердецъ
Мнѣ нѣтъ нужды.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ужель такимъ глупцомъ
Меня считаешь, что съ тобою буду
Великодушенъ: выпущу отсюда?
Отецъ твой низко поступилъ со мной;
Отнынѣ ты лишь сынъ его въ моихъ
Глазахъ, и впалъ во власть мою не даромъ.
Не полагай, что связь старинной дружбы,

Безчестно имъ разорванную, стану
Честить и помнить. Нѣтъ, прошли теперь
Года любви, и дружбы, и пощады!
Ихъ замѣнили ненависть и мщенье.

МАКСЪ

Ты властенъ поступать со мной, какъ хочешь;
Но знаешь самъ, что гнѣва твоего
Не презираю, не боюсь; и знаешь
Что здѣсь меня удерживаетъ.

(Взявъ Тэклу за руку.)

Герцогъ!

Я всѣмъ тебѣ обязанъ быть хотѣлъ.
Изъ рукъ твоихъ отеческихъ я думалъ
Принять удѣлъ блаженства; но разстроилъ,
Но сокрушилъ ты все. И что за дѣло
Тебѣ до ближнихъ? Хладнокровно счастье
Ихъ попираешь гордою пятой.
Не милосердъ тотъ духъ, кому ты служишь!
Подобенъ злой, безчувственной стихіи,
Съ которой смертнымъ примиренья нѣтъ,
Ты только бурному влеченью сердца
Послѣдуешь. И горе, кто тебѣ
Довѣрится; кто, привлеченъ привѣтной,
Гостепріимной зеленью долинъ,
Осѣдность счастья своего поставить
На нихъ! Незапно, въ тихомъ мракѣ ночи,
Забродить огонь въ подземныхъ глубинахъ,
И вырвется съ неодолимой силой;
И все, что смертный сѣялъ и ростилъ,
Поглотить истребляющимъ потокомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты описалъ мнѣ своего отца.

Такъ точно все въ его груди коварной,
Какъ уголь чорной! Адское искусство
Затмило умъ мой! Тартаръ — въ видѣ друга
Послалъ мнѣ духа лжи! Кто силы ада
Преодолѣть? Василиска къ персямъ
Моимъ прижалъ я, кровью напоилъ;
Онъ высосалъ сосцы моей пріязни;
Я полюбилъ его, раскрылъ предъ нимъ
Широко двери сокровенныхъ мыслей,
И осторожности ключи забросилъ.
На небесахъ, въ обширномъ ихъ пространствѣ,
Мой взоръ искалъ врага, который въ сердцѣ
Былъ заключенъ! Когда бъ для Фердинанда
Тѣмъ былъ я, чѣмъ отецъ твой для меня,
Я никогда бы не возсталъ войною
Противъ него—не могъ бы. Но не друга—
Монарха въ немъ я видѣлъ; онъ ввѣрялся
Не вѣрности моей; межъ имъ и мной
Была война, съ тѣхъ поръ уже, какъ жезлъ
Моимъ рукамъ вручалъ онъ; потому,
Что недовѣрчивость въ всегдашней брани
Съ коварствомъ; миръ же существуетъ только
Тамъ, гдѣ живутъ довѣрчивость и вѣра;
Ихъ отравляя, убиваемъ мы
Все поколѣнье въ материнскихъ нѣдрахъ.

МАКСЪ.

Оправдывать отца не стану. Горе!
Я не могу оправдывать его!
Ужасныя свершились дѣла,
И каждое звѣно тяжелой цѣпи
Сплелось, соединилось съ другимъ.
Но какъ же мы, невинные ни въ чѣмъ

Попались въ кругъ несчастій, преступленій?
Кому мы измѣнили? Для чего
Вины отцовъ, какъ двѣ змѣи, обвились
Вкругъ насъ? И ихъ взаимная вражда
Должна ли насъ, любящихся, расторгнуть?

(Въ сильной горести обнимаетъ Тэклу.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(молча, устремляетъ на него взоры, и приближается къ нему).

Максъ, будь со мной! не оставляй меня!
Когда тебя мнѣ въ зимнемъ, прагскомъ станѣ
Въ палатку привели, — младенецъ слабый,
Ты къ холоду зимы германской не былъ
Еще привыченъ. Нѣжная рука
Окостенѣла на тяжеломъ знамѣ:
Ты не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Тогда
Я взялъ тебя, плащомъ моимъ одѣлъ,
Былъ нянькою твоею; не краснѣя,
Берегъ тебя съ заботливостью женской,
Пока, согрѣтый на моей груди,
Не ожилъ вновь веселой, юной жизнью.
Съ тѣхъ поръ, когда и въ чемъ я измѣнялся?
Я тысячамъ богатства далъ, и земли,
И почести — тебя же, Максъ, любилъ,
Тебѣ я самъ себя и сердце отдалъ.
Они всѣ чужды были мнѣ; но ты
Въ моемъ семействѣ былъ дитя родное!
Нѣтъ, Максъ, меня покинуть ты не можешь!
Не можешь! вѣрить не хочу, чтобъ ты
Меня покинулъ.

МАКСЪ.

Боже!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ

Тебя держалъ я, нянчилъ на рукахъ.
Что сдѣлалъ для тебя отецъ, чего бы
И я не дѣлалъ также? Вкругъ тебя
Соткалъ я ткань любви нѣжнѣйшей: можешь,
Такъ разорви! Союзъ священный насъ
Соединилъ; союзъ души, природы.
Оставь меня! Иди, служи монарху!
Онъ цѣпью золотой, своимъ руномъ
Воздастъ тебѣ за то, что ты попралъ
Священнѣйшія чувства, прѣзрѣлъ, предалъ
Отца и друга юности твоей.

МАКСЪ

(въ сильной внутренней борьбѣ).

О, Боже! что жъ мнѣ дѣлать? Долгъ.... присяга....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Долгъ? Но къ кому? И кто ты самъ? Хотя бъ
Противу цесаря я былъ не правъ,
Все виновать не ты, а я. Себѣ ли
Принадлежишь? Собою можешь развѣ
Располагать? Свободенъ въ этомъ мірѣ,
Чтобъ произвольно дѣйствовать, какъ я?
Ты отъ меня зависишь; я твой цесарь;
Принадлежать, повиноваться мнѣ,
Вотъ долгъ твой, слава и законъ природы.
Когда тотъ міръ, гдѣ ты живешь и дышишь,
Оставить прежній путь свой, пламенѣя,
И ринувшись на ближній міръ, зажжетъ
Его: тебѣ ли предоставленъ выборъ
Остаться, или слѣдовать за нимъ?
Нѣтъ! онъ съ мірами, съ атмосферой вмѣстѣ

Въ своемъ стремленьи повлечетъ тебя.
Почти безвинный вступишь въ нашу распрю.
Не обвинять тебя, похвалять, Максъ,
За то что друга предпочелъ всему.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. НЕЙМАНЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что, Нейманъ?

НЕЙМАНЪ.

Спѣшился Паппенгеймцы,
Идутъ сюда. Они рѣшились твердо
Напасть на домъ твой, и, съ мечемъ въ рукахъ,
Полковника освободить отсюда.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(Терцкому).

Цѣпь протянуть, орудія навестъ!
Я встрѣчу ихъ и угощу картечью.

(Терцкій уходитъ.)

Мнѣ, мнѣ мечемъ предписывать законы!
Поди, скажи имъ, Нейманъ: я велѣлъ
Имъ отступить сейчасъ же, и въ порядкѣ
И молча, приказаній ожидать.

(Нейманъ уходитъ. Илло приближается къ окну.)

ГРАФИНЯ.

Молю тебя —пусти его,пусти!

И Л Л О

(у окна).

Адъ! Демоны!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что тамъ такое?

И Л Л О.

Всходятъ

На ратушу; срываютъ кровлю — пушки

Направили сюда.

МАКСЪ.

Безумцы!

И Л Л О.

Вотъ

Стрѣлять готовятся

ГРАФИНЯ и ГЕРЦОГИНЯ.

Творецъ небесный!

МАКСЪ

(Валленштейну).

Пусти меня! Уговорю....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ни шагу!

МАКСЪ

(указывая на Тэклу и герцогиню).

Для ихъ спасенья, для себя!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что, Терцкій?

ДВАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ТЕРЦКІЙ *возвращается.*

ТЕРЦКІЙ.

Извѣстіе о вѣрныхъ намъ полкахъ.
Ихъ рвенія нѣтъ средства обуздать.
Они хотятъ и просятъ позволенья
Ударить на враговъ. Ужъ въ ихъ рукахъ
И Прагскія и Мюльскія ворота.
Позволь: мятежнымъ въ тылъ они зайдутъ,
Загонятъ въ городъ. Улицъ тѣснота
Имъ облегчитъ побѣду.

И Л Л О.

О, не медли!

Не дай остыть кипящему ихъ рвенью!
Полкъ Буттлера намъ вѣренъ; нашихъ больше,
Чѣмъ непокорныхъ; опрокинемъ ихъ,
И въ Пильзенѣ, здѣсь, прекратимъ мятежъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И полемъ битвы этотъ городъ будетъ?
И закипитъ въ немъ гибельная брань
Междоусобная? И поручить
Успѣхъ моихъ намѣреній обширныхъ
Неистовству, которое вождя
Не слушаетъ, не знаетъ, долженъ я?
Здѣсь для убійствъ, а не для боя мѣсто.
Разъ выпусти на волю фурій злобы,
И никакой не обуздаешь вождь
Ихъ бѣшенства. Да будетъ такъ! Я долго

Обдумывалъ — кроваво и мгновенно
Пусть все рѣшится!

(Обратясь къ Максѹ.)

Что же, Максѹ, дерзнешь ли
Моимъ путемъ? Ты удалиться воленъ;
Иди, и стань противъ меня въ рядахъ.
Веди ихъ въ бой! Тебѣ война знакома.
При мнѣ ты научился кой-чему;
Противникомъ имѣть тебя не стыдно;
Ты за уроки заплатить мнѣ можешь;
Такого случая впередъ не будетъ.

Г Р А Ф И Н Я.

И до того дошло? И въ состоянѣ
Вы будете исполнить это, графъ?

М А К С Ъ.

Я далъ обѣтъ — полки, которыхъ мнѣ
Препоручили, вывести отсюда,
И мой обѣтъ исполню, иль умру.
Но больше ни къ чему я не обязанъ.
Противъ тебя не извлеку меча,
Пока возможно будетъ. Мнѣ священна
Твоя, хотя враждебная, глава.

(Раздаются два выстрѣла. Илло и Терцкій спѣшатъ къ окну.)

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Что тамъ такое?

Т Е Р Ц К І Й.

Онъ убить!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Кто?

И Л Л О.

Выстрѣлъ

Отъ Тифенбахцевъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Но по комъ стрѣляли?

ИЛЛО.

По Нейману, котораго послалъ ты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(съ яростью).

О, силы ада! Такъ я самъ....

(Хочетъ идти.)

ТЕРЦКІЙ.

Ты хочешь

Неистовымъ явиться?

ГЕРЦОГИНЯ и ГРАФИНЯ.

Ради Бога

Не выходи!

ИЛЛО.

Нѣтъ, генераль, не нужно.

ГРАФИНЯ.

Останови его.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусти меня!

МАКСЪ.

Не дѣлай этого — теперь не дѣлай!

Теперь они озлоблены и люты;

Дождись раскаянья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прочь! Слишкомъ долго

Я колебался. Моего лица

Они не зрятъ, и отъ того такъ смѣлы,

Преступники! Пусть взоръ увидятъ, голосъ

Вождя услышутъ. Не мои ли это

Полки? Не я ль ихъ грозный предводитель?

Посмотримъ, какъ не захотятъ узнать

Чела, которое во мракѣ битвъ
Свѣтило имъ, какъ пламенное солнце!
Оружія не нужно. Я съ площадки
Явлюсь мятежнымъ, и въ мгновенье ока,
Обузданные, возвратятся къ долгу.
(Уходитъ. За нимъ слѣдуютъ Илло, Терцкій и Буттлеръ.)

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Графиня. Герцогиня. Максъ. Тэкла.

ГРАФИНЯ

(герцогиня).

Когда они лицо его увидятъ....

Сестра, еще надежда есть!

ГЕРЦОГИНЯ.

Надежда?

Я съ ней давно простилась!

МАКСЪ

(въ продолженіи послѣдняго выхода стоявшій въ сторонѣ,
въ примѣтной борьбѣ съ самимъ собою, приближается).

Перенести нѣтъ силъ!

Съ рѣшимостью, съ душою твердой, я

Сюда пришелъ; я думалъ, мой поступокъ

Чистъ, непороченъ — и стою, какъ извергъ

Безчеловѣчный, ненавистный всѣмъ,

Кого люблю; обремененъ проклятьемъ,

Свидѣтель скорби тѣхъ, кого могу

Моимъ единымъ осчастливить словомъ!

Въ груди готово сердце разорваться;

Въ ней борятся два чувства; ночь въ душѣ.
И правый путь я выбрать не умѣю.
Отецъ, ты правду, правду мнѣ предрекъ!
Я слишкомъ твердо былъ въ себѣ увѣренъ:
Колеблюся, не знаю, что начать.

Г Р А Ф И Н Я.

Не знаете? Не говорить вамъ сердце?
Такъ я скажу: кровавою измѣной
Вооружился вашъ отецъ на насъ,
Повергнулъ въ бездну; созвалъ стыдъ и горе
На герцога главу: тутъ видно ясно,
Что, сынъ его, вы предпринять должны:
Поправить злое дѣло душъ презрѣнныхъ
И вѣрности явить примѣръ блестящій,
Чтобъ имя Пикколомини навѣкъ
Не обратилось въ домѣ Валленштейновъ
Въ проклятiя, въ пѣснь гнусную позора.

М А К С Ъ.

Изъ чьей груди услышу голосъ правды,
Которому послѣдовать бы могъ?
Корысть и страсти овладѣли каждымъ.
О! если бъ Ангелъ низпустился съ неба,
И истину, изъ чистаго ключа,
Мнѣ почерпнулъ чистѣйшею рукою!

(Взоръ его обращается на Тэклу.)

Какъ? Ангела зову еще я! Жду
Еще другаго?

(Подходитъ къ ней и обнимаетъ ее.)

Здѣсь, на это сердце
Святое, чистое, слагаю бремя,
И спрашиваю у твоей любви,
Люби, которая однихъ счастливыхъ

Счастливить можетъ, и бѣжить отъ тѣхъ,
Кто провинился роковымъ несчастьемъ.
Ты можешь ли любить меня, когда
Останусь здѣсь? Скажи: могу—и вашъ я!

ГРАФИНЯ

(Тѣмъ выразительно).

Подумай....

МАКСЪ

(прерываетъ ее).

Нѣтъ, не думай, но скажи,
Что чувствуешь?

ГРАФИНЯ.

Подумай объ отцѣ ...

МАКСЪ

(опять прерываетъ ее).

Не дочь Фридландскаго героя, Тѣклу
Я спрашиваю. Думать ты могла бѣ,
Когда бы дѣло о коронѣ шло.
Но здѣсь до счастья друга твоего
Оно касается; до счастья тысячъ
Неустрасимыхъ, для которыхъ онъ
Примѣромъ будетъ. Измѣню ли долгу,
Присягѣ, государю, и рукой
Отцеубійцы, роковую пулю
Пошлю въ ряды Октавіо? — Однажды
Освободясь изъ узкаго ствола,
Свинецъ уже не мертвое орудье;
Онъ, движимъ злобнымъ духомъ, оживаетъ,
Впадаетъ въ руки мстящихъ Евменидъ,
И адскія богини, съ злобнымъ смѣхомъ,
Ему преступный назначаютъ путь.

Въ ней борятся два чувства; ночь въ душѣ.
И правый путь я выбрать не умѣю.
Отецъ, ты правду, правду мнѣ предрекъ!
Я слишкомъ твердо былъ въ себѣ увѣренъ:
Колеблюся, не знаю, что начать.

Г Р А Ф И Н Я.

Не знаете? Не говорить вамъ сердце?
Такъ я скажу: кровавою измѣной
Вооружился вашъ отецъ на насъ,
Повергнулъ въ бездну; созвалъ стыдъ и горе
На герцога главу: тутъ видно ясно,
Что, сынъ его, вы предпринять должны:
Поправить злое дѣло душъ презрѣнныхъ
И вѣрности явить примѣръ блестящій,
Чтобъ имя Пикколомини навѣкъ
Не обратилось въ домѣ Валленштейновъ
Въ проклятiя, въ пѣснь гнусную позора.

М А К С Ъ.

Изъ чьей груди услышу голосъ правды,
Которому послѣдовать бы могъ?
Корысть и страсти овладѣли каждымъ.
О! если бѣ Ангелъ низпустился съ неба,
И истину, изъ чистаго ключа,
Мнѣ почерпнулъ чистѣйшею рукою!

(Взоръ его обращается на Тэклу.)

Какъ? Ангела зову еще я! Жду
Еще другаго?

(Подходитъ къ ней и обнимаетъ ее.)

Здѣсь, на это сердце
Святое, чистое, слагаю бремя,
И спрашиваю у твоей любви,
Люби, которая однихъ счастливцевъ

Счастливить можетъ, и бѣжить отъ тѣхъ,
Кто провинился роковымъ несчастьемъ.
Ты можешь ли любить меня, когда
Останусь здѣсь? Скажи: могу—и вашъ я!

Г Р А Ф И Н Я

(Тѣмъ выразительно).

Подумай....

М А К С Ъ

(прерываетъ ее).

Нѣтъ, не думай, но скажи,
Что чувствуешь?

Г Р А Ф И Н Я.

Подумай объ отцѣ ...

М А К С Ъ

(опять прерываетъ ее).

Не дочь Фридландскаго героя, Тѣклу
Я спрашиваю. Думать ты могла бѣ,
Когда бы дѣло о коронѣ шло.
Но здѣсь до счастья друга твоего
Оно касается; до счастья тысячъ
Неустрасимыхъ, для которыхъ онъ
Примѣромъ будетъ. Измѣню ли долгу,
Присягѣ, государю, и рукой
Отцеубійцы, роковую пулю
Пошлю въ ряды Октавіо? — Однажды
Освободясь изъ узкаго ствола,
Свинецъ уже не мертвое орудье;
Онъ, движимъ злобнымъ духомъ, оживаетъ,
Впадаетъ въ руки мстящихъ Евменидъ,
И адскія богини, съ злобнымъ смѣхомъ,
Ему преступный назначаютъ путь.

Т Э К Л А.

О, Максъ!...

М А К С Ъ

(прерываетъ ее).

Не торопись! Тебя я знаю:

И тяжкая обязанность легка
Покажется душѣ твоей прекрасной.
Не громкій подвигъ совершить хочу,
Но поступить какъ должно человѣку.
Подумай: чѣмъ я герцогу обязанъ,
И какъ отецъ мой заплатилъ ему.
О, сердцу святы и порывы дружбы,
И ласковый привѣтъ гостепріимства!
Ужасно мститъ природа тѣмъ злодѣямъ,
Которые ихъ осквернить дерзаютъ.
Все взвѣсь ты, все — и пусть мои сомнѣнья
Твое младое сердце разрѣшить.

Т Э К Л А.

Твое давно рѣшило. — Первымъ чувствамъ
Послѣдуй....

Г Р А Ф И Н Я.

Боже! Пагубный совѣтъ!

Т Э К Л А.

Тому ли чистымъ, справедливымъ быть,
Чего не вдругъ прекрасная душа
Твоя постигла? Исполни свой долгъ!
Любить тебя вѣкъ не перестану.
Какой бы путь ни избралъ ты, всегда
Поступишь честно и себя достойно;
Но не должно раскаянье нарушить
Души твоей счастливаго покоя.

МАКСЪ.

И такъ — съ тобой разстаться долженъ я?

ТЭКЛА.

Ты вѣренъ мнѣ, себѣ не измѣняя.

Судьба насъ разлучаетъ, но сердца

Не разлучить! Крѣпкою враждой

Домъ Пикколомини и домъ Фридландскій

Расторгнутся навѣки; но не къ нимъ

Принадлежимъ мы. О! спѣши скорѣй

Отъ дѣла роковаго отдѣлить

Твое, благое, правое. На насъ

Обрушилось проклятіе небесъ;

Паденью мы обречены судьбою.

Вина отца въ погибель и меня

Съ собою повлечетъ. Не сѣтуй, другъ!

Рѣшится скоро мой печальный жребій.

(Максъ, сильно тронутый, заключаетъ ее въ объятія. За сценой слышны протяжныя, громкія восклицанія: «да здравствуетъ Фердинандъ!» сопровождаемая воинской музыкой. Максъ и Тэкла неподвижно держатъ другъ друга въ объятіяхъ.)

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ТЕРЦКІЙ.

ГРАФИНЯ

(идетъ ему на встрѣчу).

Что тамъ? Что значить этотъ дикій вопль?

ТЕРЦКІЙ.

Все кончено, погибло!

ГРАФИНЯ.

И его
Присутствіе не укротило ихъ?

ТЕРЦКІЙ.

Нѣтъ! тщетно все!

ГРАФИНЯ.

Кого же громкимъ крикомъ
Привѣтствуютъ?

ТЕРЦКІЙ.

Монарха.

ГРАФИНЯ.

О, измѣна!

ТЕРЦКІЙ.

Ему не дали выговорить слова.

Лишь только началъ, громкою музыкой

Его прервали. Вотъ и герцогъ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Валленштейнъ, въ сопровожденіи Илло
и Буттлера. Потомъ Кирасиры.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(входя).

Терцкій!

ТЕРЦКІЙ.

Князь!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чтобъ полки готовились къ походу:
До вечера оставимъ Пильзенъ.

(Терцкій уходитъ.)

Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Что вамъ угодно?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ Эгеръ начальникъ
Землякъ и другъ твой. Напиши ему
Сейчасъ, съ нарочнымъ, чтобъ онъ былъ готовъ
Принять насъ завтра въ крѣпость. Ты жь съ полкомъ
Насъ провожаешь.

БУТТЛЕРЪ.

Слышу, генераль!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(становится между Максомъ и Тэклой, которые во все
это время держали другъ друга въ объятіяхъ).

Разстаньтесь!

МАКСЪ.

Боже!

(Кирасиры, съ обнаженными палашами, входятъ въ комнату и останавливаются въ глубинѣ сцены. Въ то же время слышны пассажи изъ паппенгеймскаго марша, которые какъ будто вызываютъ Макса.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(кирасирамъ).

Вотъ полковникъ вашъ.

Свободенъ онъ. Я не держу его.

(Отворачивается, но такъ что Максъ не можетъ подойти ни къ нему, ни къ Тэкль.)

МАКСЪ.

Ты ненавидишь; гнѣвный, удаляешь

Меня! Расторгнуты любви узы,
Не медленно развязаны; а ты
Разрывъ еще больнѣе сдѣлать хочешь!
Жить безъ тебя я не умѣлъ донынѣ,
Ты это знаешь. Въ дикую пустыню
Иду, и все, что я любилъ на свѣтѣ,
Здѣсь оставляю. Взора своего
Не отвращай! Позволь въ послѣдній разъ
Боготворимое лицо увидѣть!
Не изгоняй меня!

(Хочетъ схватить его руку. Валленштейнъ ее отдергиваетъ. Максъ обращается къ графинѣ.)

Ужель здѣсь нѣтъ
Другаго, сострадательнаго взора?
Графиня....

(Графиня отворачивается; онъ обращается къ герцогинѣ.)

Мать моя!

ГЕРЦОГИНЯ.

Идите, графъ,
Куда васъ долгъ священный призываетъ.
Когда нибудь защитникомъ и другомъ
Предъ тронъ монарха станете за насъ.

МАКСЪ.

Надежду въ сердце мнѣ хотите влить,
И отъ отчаянья спасти. Къ чему
Обманывать надеждою пустою?
Мое несчастье вѣрно. Слава Небу
За средства положить ему конецъ!

(Музыка играетъ снова. Комната все болѣе и болѣе наполняется вооруженными. Максъ видитъ Буттлера.)

И вы, полковникъ Буттлеръ, не хотите

Со мною ѣхать? — Оставайтесь здѣсь,
Но властелину новому служите
Вѣрнѣй, чѣмъ прежнему служили вы.
Простите, Буттлеръ; дайте слово, руку,
Что неусыпно жизнь его хранить
Обязаны....

(Буттлеръ отдергиваетъ руку.)

Онъ осужденъ монархомъ,
Надъ нимъ виситъ ужасный приговоръ,
И каждый извергъ, алчущій корысти,
Имѣетъ право на его главу,
Увѣчанную княжеской короной.
О, какъ заботливость прямаго друга
Ему теперь нужна! Какъ нуженъ взоръ
Неутомимой искренней любви!
А тѣ, которыхъ вижу вкругъ него....

И Л Л О.

Ищи предателей въ своемъ отцѣ
И въ станѣ Галласа; а здѣсь одинъ
Остался только. Удались скорѣе:
Отъ низкаго измѣнника избавь насъ.

(Максъ пытается еще разъ подойти къ Тэкль. Валленштейнъ ему препятствуетъ. Онъ стоитъ въ нерѣшимости, погруженный въ горестъ. Между тѣмъ зала все болѣе наполняется людьми, и внизу рога все чаще и все призывнѣе раздаются.)

М А К С Ъ.

Трубите! О! когда бъ я слышалъ въ васъ
Звукъ шведскихъ трубъ, и могъ отсюда прямо
Летѣть на поле смерти, и мечи,
Здѣсь предо мной блестящіе, могли бы
Вонзиться въ грудь мою! Чего хотите?

Зачѣмъ пришли вы? Оторвать отсюда?

О, до отчаянья не доводите

Меня, молю! раскаетесь, но поздно.

(Вся зала наполняется вооруженными.)

Еще, еще! Усиленная тяжесть

Влечетъ меня невольно за собой.

Одумайтесь! Неосторожень тотъ,

Кто безнадежнаго въ вожди беретъ.

Меня со счастьемъ разлучить хотите?

Иду! Но вы за выборъ горя ждите.

Богинямъ мести обрекаю васъ!

Со мною вамъ пробилъ послѣдній часъ!

(Въ ту минуту, какъ Максъ обращается къ дверямъ, возникаетъ смятеніе между кирасирами; они, окруживъ его, провожаютъ съ дикимъ воплемъ. Валленштейнъ стоитъ неподвижно; Тэкла падаетъ на руки матери. Занавѣсъ опускается.)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Въ домѣ Эгерскаго Бургомистра.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

БУТТЛЕРЪ

(входитъ).

Онъ здѣсь. Самъ рокъ привелъ его сюда.

За нимъ на вѣкъ захлопнулась рѣшетка.

Когда тотъ мостъ, которымъ въѣхалъ онъ,
Спустившись, поднялся вновь, — къ спасенью
Всѣ для него пресѣклися пути.

«Доселѣ, Фридландъ, и ни шагу далѣй!»

Судьба ему сказала: «Метеоръ,

Въ Богеміи возникъ ты; свѣтлый путь

Свершилъ по небу огненной чертою,

И здѣсь потухнуть долженъ.» Ослѣпленный!

Отъ прежнихъ отказавшись знаменъ,

На прежнее ты счастье полагался!

Рукой преступной мыслилъ внести войну

Въ владѣнья цесаря; разбить, низвергнуть

Священный ликъ отечественныхъ Ларь! —

Но берегись! Злой духъ свирѣпой мести
Тебя ведетъ — и месть тебя погубить.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Буттлеръ. Гордонъ.

ГОРДОНЪ.

Вы это, Буттлеръ? Съ нстерпѣньемъ слышать
Отъ васъ хочу я: герцога измѣнилъ?
Творецъ небесный! И, бѣглець гонимый,
Онъ ищетъ крова? И его глава
Оцѣнена? Скажите, какъ все это
Происходило въ Пильзенѣ?

БУТТЛЕРЪ.

Письмо,

Которое къ тебѣ съ гонцомъ послалъ я,
Ты получилъ?

ГОРДОНЪ.

И въ точности исполнилъ,
Что приказали: крѣпость отворилъ
Ему тотчасъ же; потому, что цесарь
Указомъ повелѣлъ мнѣ вѣрно, слѣпо
Повиноваться приказаньямъ *вашимъ*.
Но, генераль, простите! только я
Увидѣлъ герцога, въ моей душѣ
Родилось вновь сомнѣніе. Онъ въ городъ
Вступилъ не такъ, какъ осужденный. Нѣтъ!
Величіемъ чело его блистало,

Повиновенья требуя себѣ.
Спокойно, важно, какъ бывало прежде,
Во времена порядка, тишины,
Онъ снялъ съ меня отчетъ въ моихъ дѣяньяхъ
Въ бѣдѣ, въ проступкѣ ласковъ челоуѣкъ;
Привѣтно гордость падшая низходитъ,
Ласкается къ ничтожнымъ людямъ; князь же
Такъ бережно, такъ величаво мнѣ
Оказывалъ свое благоволенье,
Какъ господинъ усердному слугѣ.

БУТТЛЕРЪ.

Все точно такъ, какъ я писалъ: врагамъ
Онъ продалъ войско; Эгеръ, Прагу имъ
Хотѣлъ отдать. Узнавъ о томъ, полки
Его оставили. Одинъ лишь Терцкій,
Съ пятью полками, прибылъ съ нимъ сюда.
Глава его оцѣнена закономъ,
И каждый вѣрноподданный обязанъ
Представить князя, мертвымъ, иль живымъ.

ГОРДОНЪ.

Такой вельможа — измѣнилъ монарху!
Величіе земное, что ты значишь?
Я часто говорилъ: не быть добру!
Погубять князя власть его и сила!
Въ желаньяхъ ненасытенъ челоуѣкъ,
Воздержности его не лзя повѣрить;
Въ предѣлахъ можетъ удержать его
Одинъ законъ, одна стезя порядка.
А герцогу неслыханную власть
Далъ цесарь. Онъ могуществомъ равнялся
Съ монархомъ: гордая душа отвыкла
Повиноваться. Жаль такого мужа!

Гдѣ онъ упалъ, тамъ, мыслю я, не всякой
Могъ устоять бы.

БУТТЛЕРЪ.

Береги свои
Стенанія до времени, когда
Нуждаться будетъ герцогъ въ состраданьи.
Теперь еще онъ силенъ и опасенъ.
Уже идутъ къ намъ Шведы; если мы
Не примемъ мѣръ рѣшительныхъ, они
Соединятся съ герцогомъ, и скоро,
Преградой стать имъ, долгъ нашъ; Валленштейнъ
Изъ крѣпости не выйдетъ добровольно.
Я жизнию и честью обязался
Его схватить здѣсь, и, надѣюсь, ты
Поможешь мнѣ.

ГОРДОНЪ.

О, для чего я дожилъ
До дня такого! Въ званіе мое
Имъ возведенъ я; самъ онъ эту крѣпость
Препоручилъ мнѣ; а теперь я долженъ
Ему въ темницу превратить ее.
Подвластные, мы не имѣемъ воли.
Одинъ лишь тотъ, кто силенъ и свободенъ,
Повиноваться можетъ чувствамъ сердца,
Прекрасному влеченію души;
А мы орудья строгаго закона;
И послушанье — добродѣтель наша.

БУТТЛЕРЪ.

Не сожалѣй, что власть твоя, Гордонъ,
Заклучена въ столь тѣсные предѣлы.
Излишняя свобода ослѣпляетъ,

Но безопасна узкая стезя
Повиновенья.

ГОРДОНЪ.

Всѣ, вы говорите,
Его покинули? А онъ доставилъ
Столь многимъ людямъ счастье и покой!
Великодушенъ былъ онъ; для даяній
Всегда была рука его отверзта.

(Искоса смотритъ на Буттлера.)

Не одного изъ праха поднялъ онъ,
Украсилъ саномъ, почестями осыпалъ,
А не успѣлъ нажить прямого друга,
Который бы въ нуждѣ ему помогъ.

БУТТЛЕРЪ.

Здѣсь, кажется, имѣеть друга онъ,
Котораго не ожидалъ конечно.

ГОРДОНЪ.

Хвалиться милостями его не стану
И не могу; я сомнѣваюсь даже,
Чтобы когда, въ величїи своемъ,
Онъ вспомнить могъ про друга дѣтскихъ лѣтъ
Меня долгъ службы удалилъ отъ князя,
Онъ потерялъ меня изъ виду здѣсь,
Гдѣ, не участвуя въ его щедротахъ,
Я въ тишинѣ сберегъ свободу сердца.
Да, генералъ! когда онъ этотъ замокъ
Препоручилъ мнѣ, не шутя тогда
Заботился объ исполненїи долга.
Такъ, охраняя вѣрно то добро,
Которое онъ, вѣрный, поручилъ мнѣ,
Я не боюсь упрека, что во зло
Довѣренность его употребляю.

Б У Т Т Л Е Р Ъ .

Скажи же прямо, хочешь или нѣтъ,
Монаршій приговоръ надъ нимъ исполнить,
Поможешь ли мнѣ задержать его?

Г О Р Д О Н Ъ

*(послѣ нѣкотораго молчанія, и выходя изъ задумчивости,
печально).*

Конечно, генераль, когда все правда,
Что вы сказали; если онъ измѣнникъ
Отечеству, монарху, продалъ войско
Врагамъ, и крѣпости хотѣлъ имъ сдать,
Нѣтъ для него спасенья и пощады!
Но горько мнѣ: зачѣмъ изъ столькихъ тысячъ
Я именно, я избранъ долженъ быть
Орудіемъ гибели его!
Да! при дворѣ въ Бургау мы пажами
Служили вмѣстѣ; только я былъ старше.

Б У Т Т Л Е Р Ъ .

Я знаю.

Г О Р Д О Н Ъ .

Тридцать лѣтъ тому прошло,
Иль около. Тогда ужь смѣлый духъ
Въ двадцатилѣтнемъ юношѣ былъ виденъ.
Не по лѣтамъ его степенный умъ
Возвышенные обнималъ предметы,
И только къ нимъ стремился. Важенъ, тихъ
Былъ князь въ толпѣ товарищей веселыхъ,
Самъ для себя бесѣдой; чуждъ забавъ,
Ребяческихъ занятій; но нерѣдко
Мгновенной, дивной, свѣтлой мысли лучъ
Изъ молчаливой груди вырывался.
Въ недоумѣньи на него взирая,

Не знали мы — въ безуміе ли впалъ онъ,
Иль нѣкій богъ вѣщалъ его устами?

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

И тамъ-то, задремавши на окнѣ,
Онъ съ двухсаженной высоты упалъ,
Но, невредимъ, поднялся. Съ той поры,
Я слышалъ, съ нимъ случались припадки
Безумія.

Г О Р Д О Н Ъ.

Задумчивѣе сталъ онъ

И сдѣлался католикомъ. Чудесно
На путь спасенья обратился князь.
Съ тѣхъ поръ считалъ себя любимцемъ неба,
Предъизбраннымъ, отличнымъ существомъ,
И, не боясь стремнинъ, пошелъ отважно
Дорогой жизни. Вскорѣ развела насъ
Рука судьбы далеко другъ отъ друга.
Онъ шелъ путемъ величія и славы,
А я смотрѣлъ и голова кружилась!
Онъ былъ и князь, и герцогъ, и диктаторъ,
И наконецъ, всѣмъ недовольный, руку
Простеръ къ коронѣ — и низвергся въ бездну!

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

Молчи! Онъ къ намъ подходитъ.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, *занятый разговоромъ съ* БУРГО-
МИСТРОМЪ ЭГЕРА. ПРЕЖНІЕ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Городъ вашъ
Былъ независимъ? Почему жъ не цѣлый
Орелъ, а половина на гербѣ?

БУРГОМИСТРЪ.

Такъ, ваша свѣтлость: онъ зависѣлъ только
Отъ Австріи; но вотъ ужъ двѣсти лѣтъ,
Какъ городъ у Богеміи въ закладѣ;
И съ той поры разрубленъ нашъ орелъ.
Имперія насъ выкупить, тогда
Сростется онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы стоите свободы.

Мужайтесь только, и не вѣрьте слухамъ
Мятежной черни. А большую подать
Вы платите?

БУРГОМИСТРЪ.

Такую, что съ трудомъ
Внести можемъ. Мы жъ и гарнизонъ содержимъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Васъ облегчать. Здѣсь протестанты есть?

(Бургомистръ въ изумленіи.)

Да, да! Я знаю. Ихъ у васъ довольно

Скрывается. Признайся мнѣ—и ты....

Не правда ли?

(Смотритъ на него испытующимъ взоромъ. Бургомистръ пугается.)

Не бойся! іезуитовъ
Я ненавижу. Я давно бѣ ихъ выгналъ
Вонъ изъ имперіи, когда бы могъ.
Служебникъ, Библія, мнѣ все равно!
Извѣстно всѣмъ, что я въ Глогау самъ
Соорудилъ Евангельскую церковь.
Какъ, бургомистръ, зовутъ тебя?

БУРГОМИСТРЪ.

Пахгельбель.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Однако же, ни слова никому
О нашемъ откровенномъ разговорѣ.

(Съ торжественнымъ видомъ кладетъ ему руку на плечо.)

Да, бургомистръ, настало время; скоро
Исполнятся пророчества: падутъ
Могущіе, а слабые возстанутъ.
Но это пусть останется межъ нами!
Кончается двойная власть Испанцевъ.
Во всемъ порядокъ новый водворится.
Ты видѣлъ ли недавно три луны
На небесахъ?

БУРГОМИСТРЪ.

И ужаснулся!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Двѣ,

Стянувшись, подобіе кинжала
Представили; лишь средняя осталась
Свѣтла и неподвижна.

БУРГОМИСТРЪ.

Это чудо

Касается до Турокъ, полагаемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какіе Турки? нѣтъ! Два государства,

На западѣ и на востокѣ, пасть —

Кроваво пасть должны, вамъ говорю я!

Но уцѣлѣть вѣра лютеранъ.

(Замѣчаетъ Буттлера и Гордона.)

Когда сюда мы ѣхали, я слышалъ,

Съ дороги влѣво, сильную пальбу —

Здѣсь, въ крѣпости, была она слышна?

ГОРДОНЪ.

Такъ точно, ваша свѣтлость. Прямо съ юга

Гуль выстрѣловъ по вѣтру неся къ намъ.

БУТТЛЕРЪ.

Отъ *Нейштада*, иль *Вейдена*.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Къ намъ Шведы

Идутъ дорогой этой. Гарнизонъ вашъ

Силенъ?

ГОРДОНЪ.

Сто восемьдесятъ человѣкъ

Всего способныхъ къ службѣ, остальные

Все инвалиды.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Много ль въ *Юхимсталѣ*?

ГОРДОНЪ.

Желая укрѣпить тотъ постъ, я двѣсти

Стрѣлковъ туда отправилъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Осторожность

Твою хвалю. И укрѣпленья строятъ,
Замѣтилъ я, въѣзжая.

ГОРДОНЪ.

Рейнграфъ близко,
Такъ на-скоро еще двѣ батареи
Я приказалъ построить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Хорошо!

Усердно служишь своему монарху.
Благодарю васъ, подполковникъ.

(Буттлеру.)

Снять

Постъ въ Іохимсталъ, и другіе также,
Стоящіе противу Шведовъ.

(Гордону.)

Вамъ

Я оставляю, комендантъ, жену,
Сестру и дочь. Самъ не останусь здѣсь;
Жду писемъ только, и съ разсвѣтомъ дня
Съ полками вмѣстѣ выступлю отсюда.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ТЕРЦКІЙ.

ТЕРЦКІЙ.

Веселыя и радостныя вѣсти!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что сдѣлалось?

ТЕРЦКІЙ.

Подъ Нейштадомъ дрались,
И Шведы побѣдили.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ? откуда жь
Ты вѣсть такую получить успѣлъ?

ТЕРЦКІЙ.

Черезъ поселянина изъ Тишенрейта.

Бой завязался по закатѣ солнца.
Со стороны Тохау, въ шведскій лагерь
Вломился вдругъ отрядъ имперскихъ войскъ;
Близъ двухъ часовъ дрались, и на мѣстѣ
Имперскихъ тысяча осталась, съ ними
И ихъ полковникъ. Вотъ что знаю я.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Откуда же они явились въ Нейштадъ?
Не Альтрингеръ! Вчера еще стоялъ онъ
Такъ далеко; перелетѣть не могъ.
Во Фрауенбергѣ Галласъ собираетъ
Свои полки, но не собралъ. Ужели
Рѣшился Суйсъ на столь отважный шагъ?
Не можетъ быть.

(Илло входитъ.)

ТЕРЦКІЙ.

Узнаемъ все: вотъ Илло
Идетъ, и весель.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Илло.

И Л Л О

(Валленштейну).

Всадникъ прискакаль,
И говорить съ тобой нужду имѣеть.
Т Е Р Ц К І Й.

Что жь? Подтвердились слухи о побѣдѣ?
В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Откуда онъ? Какую новость скажетъ?
И Л Л О.

Отъ Рейнграфа; а что привезъ, о томъ
Я самъ тебя увѣдомить могу.
Пять миль отсюда Шведы; вдругъ на нихъ
Подъ Нейштадомъ Максъ Пикколомини
Съ своимъ полкомъ ударилъ; лютый бой
Произошелъ, но храбрость уступила
Количеству и превосходнымъ силамъ:
Всѣ Папенгеймовцы и Максъ — легли.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Гдѣ, гдѣ гонецъ? Веди меня къ нему!
(Хочетъ идти. Въ это время дѣвица Нейбрунъ вбѣгаетъ
въ комнату; за ней нѣсколько слугъ.)

Н Е Й Б Р У Н Ъ.

Спасите! Ахъ, спасите!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Что случилось?

Н Е Й Б Р У Н Ъ.

Княжна....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ и ТЕРЦКІЙ.

А ей извѣстно?

НЕЙБРУНЪ.

Умираетъ!

(Убѣгаетъ. За ней Валленштейнъ и Терцкій.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

БУТТЛЕРЪ. ГОРДОНЪ.

ГОРДОНЪ

(съ удивленьемъ).

Что это значить?

БУТТЛЕРЪ.

Дочь его лишилась

Любовника: Максъ Шведами убитъ.

ГОРДОНЪ.

Ахъ, бѣдная!

БУТТЛЕРЪ.

Ты слышалъ ли, что Илло

Разсказывалъ? Побѣду одержавъ,

Къ намъ Шведъ идетъ.

ГОРДОНЪ.

Все, по несчастью, слышалъ!

БУТТЛЕРЪ.

Двѣнадцать онъ полковъ сюда ведетъ,

И пять еще въ окрестностяхъ стоятъ,

И герцога всѣ защищать готовы;

У насъ же только полкъ и гарнизонъ твой,

Въ которомъ двѣсти человѣкъ.

ГОРДОНЪ.

Такъ точно.

БУТТЛЕРЪ.

Съ отрядомъ малочисленнымъ нѣтъ средства
Столь важнаго преступника стеречь.

ГОРДОНЪ.

И мнѣ такъ кажется.

БУТТЛЕРЪ.

Толпѣ враговъ

Не трудно горсть людей обезоружить,
И плѣнника освободить.

ГОРДОНЪ.

Конечно.

БУТТЛЕРЪ

(помолчавъ).

Знай: я порукой за успѣхъ; я жизнью
За жизнь его монарху отвѣчаю.

Что ни случись, исполню обѣщанье!

Когда живаго устеречь нельзя,

Такъ мертвый онъ не вырвется отъ насъ!

ГОРДОНЪ.

Ужели такъ я понялъ? Боже сильный!

И вы могли бѣ....

БУТТЛЕРЪ.

Онъ долженъ умереть!

ГОРДОНЪ.

И сами вы рѣшитесь?...

БУТТЛЕРЪ.

Ты, иль я —

Но утренней зори онъ не увидить.

ГОРДОНЪ.

Убить его хотите вы?

БУТТЛЕРЪ.

Хочу!

ГОРДОНЪ.

Его, который слѣпо вѣрить намъ?

БУТТЛЕРЪ.

Такъ суждено ему судьбой!

ГОРДОНЪ.

Коснетесь

Священной предводителя главы?

БУТТЛЕРЪ.

Быль предводителемъ!

ГОРДОНЪ.

Нѣтъ преступленья,

Могущаго затмить того, чѣмъ былъ онъ!

И безъ суда?

БУТТЛЕРЪ.

Казнь — приговоръ злодѣю.

ГОРДОНЪ.

Не справедливость, но убійство это;

Судья правдивый выслушать обязанъ

Преступника.

БУТТЛЕРЪ.

Его злодѣйство явно;

Монархъ изрекъ свой грозный приговоръ:

Верховную мы исполняемъ волю.

ГОРДОНЪ.

Не должно торопиться исполненьемъ

Кровавыхъ приговоровъ; слово можно

Обратно взять, но жизни не отдать.

БУТТЛЕРЪ.

Царямъ мила поспѣшная услуга.

ГОРДОНЪ.

Мужъ честный не захочетъ накупаться
На гнусную услугу палача.

БУТТЛЕРЪ.

Предъ смѣлымъ подвигомъ блѣднѣть не долженъ
Безстрашный мужъ.

ГОРДОНЪ.

Онъ жизнь несетъ на жертву,
Но совѣсть — нѣтъ!

БУТТЛЕРЪ.

Ужель, свободный, выйдетъ
Отсюда герцогъ, — и зажжетъ опять
Неугасимый свѣточъ лютой брани?

ГОРДОНЪ.

Нѣтъ! Пусть свободы онъ лишится — жизни
Не отнимайте! Ангела пощады
Не упреждайте роковымъ убійствомъ!

БУТТЛЕРЪ.

Живымъ бы могъ я взять его; но войско
Имперское разбито.

ГОРДОНЪ.

О, зачѣмъ
Я крѣпостныя растворилъ ворота!

БУТТЛЕРЪ.

Не мѣсто—рокъ ему наносить смерть.

ГОРДОНЪ.

Я честно палъ бы, защищая крѣпость!

БУТТЛЕРЪ.

И тысячи погибли бы.

ГОРДОНЪ.

За долгъ свой!
Такой конецъ краса и слава мужа;

На черное жь убійство наложилъ
Печать проклятiя сама природа.

БУТТЛЕРЪ

(показывая бумагу).

Вотъ тотъ указъ, которымъ взять его
Повелѣно. Ко мнѣ и къ вамъ онъ вмѣстѣ
Относится. Берете ль на себя
Отвѣтственность, когда, виною нашей,
Съ врагами князь соединится?

ГОРДОНЪ.

Я?

Ничтожный? Боже!

БУТТЛЕРЪ.

На себя примите
Послѣдствiя — и я согласенъ. Вы,
Чтобъ ни случилось, отвѣчайте сами.

ГОРДОНЪ.

Творецъ небесный!

БУТТЛЕРЪ.

Если жь вы другую
Возможность видите исполнить мысль
И волю цесаря, скажите, — я
Хочу его низвергнуть, не губить.

ГОРДОНЪ.

О, Боже мой! Не хуже васъ предвижу
Все, что должно случиться; но не такъ
Въ груди моей, иначе бьется сердце.

БУТТЛЕРЪ.

Когда погибнетъ герцогъ, — Илло, Терцкiй
Должны съ нимъ пасть.

ГОРДОНЪ.

Объ нихъ не сожалѣю.

Не власть судьбы, развратныя сердца
Ихъ погубили. Такъ, они, они
Посѣяли въ его груди спокойной
То злое семя гибельныхъ страстей.
Дѣятельно, проклятые, питали
Въ немъ роковые, горькіе плоды.
Пусть тяжкая награда ихъ постигнетъ
За дѣло злое.

БУТТЛЕРЪ.

Смертію своей
Они его предупредятъ. Я все
Расположилъ, обдумалъ. Мы хотѣли
Во время пира вечеромъ схватить ихъ
И въ крѣпость запереть; но такъ поступимъ
Короче и вѣрнѣе. Я сей часъ же
Иду — и приказанія раздамъ.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Илло и Терцкій.

ТЕРЦКІЙ.

Теперь не такъ пойдутъ дѣла: къ намъ завтра
Примкнутъ двѣнадцать тысячъ храбрыхъ Шведовъ,
И мы — на Вѣну прямо! Ну, старикъ,
Развеселись! При новости такой
Печальное лицо твое не кстати.

ИЛЛО.

Нашъ, нашъ чередъ предписывать законы

И мстить злодѣямъ, измѣнившимъ намъ:
Одинъ ужь, Пикколомини, наказанъ.
О, если бѣ всѣхъ враговъ постигло тоже!
Какой ударъ тяжелый для отца!
Всю жизнь свою онъ думалъ, какъ бы графство
На княжескую обмѣнить корону,
И схоронилъ единственного сына.

БУТТЛЕРЪ.

Жаль юноши безстрашнаго! Самъ герцогъ
Примѣтно огорченъ былъ.

И Л Л О.

Слушай, другъ!

Вотъ то-то мнѣ и нѣ любо; за это
Я часто ссорился. Онъ Итальянцевъ
Всегда другимъ предпочиталъ; за что?
Да и теперь, клянусь душою, радъ бы
Чтобъ всѣ мы пали, если бѣ смертью нашей
Могъ къ жизни Макса возвратить.

ТЕРЦКІЙ.

Оставь

Усопшихъ въ мирѣ; вѣчная имъ память!
Сегодня полкъ твой угощаетъ насъ,
Такъ дѣло въ томъ, кто перепьетъ кого.
Ночь на пролетъ мы шумно пропируемъ,
И, съ полными стаканами въ рукахъ,
Пойдемъ на встрѣчу авангарду Шведовъ.

И Л Л О.

Да, Терцкій, всѣ заботы прочь сегодня;
Еще хлопотъ довольно будетъ намъ.
Не успокоится мой мечъ, пока
Австрійской крови въ волю не напьется.

УСЭУ

::

ЛСЭА

ЛСЭА

УСЭУ

УСЭУ

::

ЛСЭА

ЛСЭА

ГОРДОНЪ.

Стыдитесь, фельдмаршалъ! Что за рѣчи?
Такую злобу къ цесарю питать!

БУТТЛЕРЪ.

На первую побѣду слишкомъ много
Не полагайтесь! Счастья колесо,
Вы знаете, вертится быстро. Цесарь
Еще силенъ.

И Л Л О.

У цесаря есть войско,
Но полководца опытнаго нѣтъ.
Король венгерскій, Фердинандъ, войны
Не понимаетъ. Галласъ? Онъ несчастливъ:
До сей поры людей губилъ напрасно.
Змѣя жь Октавіо способенъ съ тылу,
Изъ подтишка, нанести ударъ; но въ полѣ
Противу Фридланда — ему ли стать?

ТЕРЦКІЙ.

Удастся намъ, повѣрь мнѣ! Никогда
Отъ герцога не отвратится счастье.
Извѣстно всѣмъ, что съ Валленштейномъ только
Австрійцы могутъ побѣждать.

И Л Л О.

И скоро
Рать сильную сберетъ онъ. Все толпится,
И все бѣжитъ къ его знаменамъ славнымъ.
Былыхъ временъ предвижу возвращенье:
Онъ будетъ мощенъ и великъ, какъ прежде.
Раскаются безумцы, что его
Покинули. Друзьямъ раздастъ онъ земли,
И за усердье царски наградить.

А кто ему вѣрнѣе, ближе насъ?

(Гордону.)

И о тебѣ онъ вспомнить, будь спокоенъ:
Возьметъ отсюда, вѣрности твоей
Дастъ новый блескъ на лучшемъ, видномъ мѣстѣ.

ГОРДОНЪ.

Я участью моею доволенъ; выше
Подняться не желаю. Кто стоитъ
Высоко — бездну подъ собою видитъ.

И Л Л О.

Твоя здѣсь должность кончилась; завтра
Вступаютъ Шведы въ крѣпость. Терцкій! время
Идти на пиръ. Послушай, не велѣтъ ли
Въ честь Шведамъ городъ освѣтить? А кто
Откажется — Испанецъ и предатель!

ТЕРЦКІЙ.

Не нужно! Герцогъ недоволенъ будетъ.

И Л Л О.

Какъ? Развѣ здѣсь не наша воля? Гдѣ
Мы властвуемъ, тамъ цесаря держаться
Никто не смѣй! Гордонъ, спокойной ночи!
А на прощанье съ крѣпостью своей,
Пошли патрули. Не мѣшаетъ даже
Для вѣрности, перемѣнить пароль.
Ударить десять, отнеси ключи
Самъ къ герцогу, и должности конецъ —
Затѣмъ, что завтра Шведъ вступаетъ въ крѣпость.

ТЕРЦКІЙ

(уходя, Буттлеру).

И ты вѣдь будешь въ замокъ?

БУТТЛЕРЪ.

Въ пору буду.

(Оба уходятъ.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

БУТТЛЕРЪ. Гордонъ.

ГОРДОНЪ

(смотритъ имъ въ слѣдъ).

Несчастные! Восхищены побѣдой,
Безъ всякаго предчувствія бѣгутъ
Въ готовую, убійственную сѣть!
Я не могу жалѣть ихъ. Этотъ Илло,
Высокомѣрный, дерзостный злодѣй,
Кровь цесаря пить хочетъ.

БУТТЛЕРЪ.

Все исполни,
Что онъ сказалъ: вели ходить патрулямъ,
И крѣпость охраняй; когда же Илло
И Терцкій будутъ въ замкѣ, прикажу
Немедленно ворота запереть,
Чтобъ въ городѣ не знали, что случилось.

ГОРДОНЪ

(боязливо).

О, не спѣши! Скажи мнѣ прежде....

БУТТЛЕРЪ.

Слышалъ:

Съ разсвѣтомъ дня настанетъ власть врага.

Лишь наша ночь еще! Они проворны;
Еще проворнѣй будемъ мы. Прости!

ГОРДОНЪ.

Не доброе въ твоихъ глазахъ читаю;
Но обѣщай мнѣ....

БУТТЛЕРЪ.

Упадаетъ день.

Настанетъ скоро вечеръ роковой.
Они пируютъ въ мракѣ безъ боязни,
И беззащитныхъ предастъ судьба
Намъ въ руки. Быстро лезвіе булата,
Средь упоенья и мечтаній сладкихъ,
Разрѣжетъ нить ихъ жизни. Герцогъ былъ
Въ наукѣ числъ искусенъ; все умѣлъ
Расчитывать, предвидѣть, и людьми
Располагалъ и двигалъ по желанью,
Какъ пѣшками на шахматной доскѣ.
Заслугами и честью ближнихъ онъ
Безсовѣстно, насмѣшливо игралъ.
Расчитывалъ весь вѣкъ свой, а теперь
Расчетъ его невѣрнымъ оказался;
Жизнь даже просчиталъ онъ.

ГОРДОНЪ.

О, забудь

О заблужденьяхъ герцога! Припомни
Его величіе и кротость сердца,
Прекрасныя черты его души,
И славной жизни громкія дѣянья,
И пусть онъ, какъ ангелъ-примиренья,
Внесенный мечъ удержатъ, и пощаду
Виновному испросятъ.

БУТТЛЕРЪ.

Поздно, поздно!
Не жалость, мысль кровавую питать
Я долженъ въ сердцѣ.

(Схвативъ Гордона за руку.)

Не влеченье злобы —

Я князя не люблю и не имѣю
Причинъ его любить — Гордонъ, не злоба
Меня убійцей дѣлаетъ, но рокъ,
Злой рокъ его. Меня влечетъ несчастье,
Враждебное стеченье обстоятельствъ.
Напрасно мыслить человѣкъ, что онъ
Въ поступкахъ воленъ: онъ слѣпой судьбы
Игралище; она умѣетъ волю
Въ необходимость превращать. Напрасно
Въ душѣ моей заговорила бѣ жалость —
Убить его я долженъ.

ГОРДОНЪ.

Если сердца

Остерегающій ты голосъ слышишь,
Внемли ему! Гласъ сердца — Божій гласъ!
Дѣла людей — послѣдствіе расчета,
Ума. Сбережешь ли радостную жатву
Съ кроваваго поступка? Горекъ плодъ,
Родящійся отъ крови! Ею ль хочешь
Величія достигъ? Царямъ нерѣдко
Убійство мило, но убійца гнусенъ.

БУТТЛЕРЪ.

Не знаешь и не спрашивай! Зачѣмъ
Побѣдоносно Шведы къ намъ идутъ?
Я милосердью цесаря его

Охотно бѣ предоставилъ, жилъ бы герцогъ.
Теперь же слово долженъ я сдержать,
И онъ умереть. Знай—я чиновъ лишаюсь,
Когда отсюда выйдетъ Валленштейнъ.

ГОРДОНЪ.

О! чтобъ спасти такого мужа....

БУТТЛЕРЪ

(прерываетъ его).

Что?

ГОРДОНЪ.

Пожертвовать собою можно. Буттлеръ,
Будь милосердъ, великодушенъ! Насъ
Не почести, но чувства сердца красятъ.

БУТТЛЕРЪ

(гордо и холодно).

Да, человѣкъ онъ знатный, князь; а я
Ничтоженъ, малъ, не такъ ли? Что за дѣло—
Срамить себя, иль покрываетъ славой
Рожденный въ низкомъ званьи человѣкъ,
Лишь бы спаслась свѣтлѣйшая глава?
Цѣнить себя умѣетъ каждый; мнѣ
Лишь одному извѣстно, какъ себя
Цѣню. И нѣтъ могущаго на свѣтѣ,
Въ сравненьи съ кѣмъ я презрѣлъ бы себя.
Великимъ, малымъ — собственная воля
Творить; а такъ какъ я своей послушенъ,
То князь умереть.

ГОРДОНЪ.

Скалу я сдвинуть съ мѣста,
Смягчить хочу. Ты не женой рожденъ,
Въ тебѣ нѣтъ чувствъ, приличныхъ человѣку.
Препятствовать тебѣ безсиленъ я;

Но да спасеть его десница Бога
Отъ страшной, мстительной твоей руки!

(Уходитъ.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната Герцогини.

Тэкла, въ креслахъ, блѣдная, съ закрытыми глазами.
Герцогиня и дѣвица Нейбрунъ около нея. Валленштейнъ и Графиня разговариваютъ между собою.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ эта вѣсть дошла до ней такъ скоро?

ГРАФИНЯ.

Предчувствіе имѣла. Слухъ о битвѣ,
Въ которой палъ имперскихъ войскъ полковникъ,
Ее встревожилъ, напугалъ. Я это
Замѣтила. Она къ гонцу на встрѣчу
Поспѣшно кинулась, и все узнала.
Хватившись, мы бросились за ней,
Но поздно ужь: она безъ чувствъ лежала
У Шведа на рукахъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И такъ внезапно
Постигъ ударъ! Несчастное дитя!

(Обращается къ герцогинѣ.)

Что? Кажется, опомнилась?

ГЕРЦОГИНЯ.

Глаза

Открыла.

ГРАФИНЯ.

Такъ, онъ жива!

ТЭКЛА

(озираясь).

Гдѣ я?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(подходитъ къ ней и приподымаетъ ее на креслахъ).

Приди въ себя, будь твердой, дочь моя!

Смотри: вотъ мать; любви полнымъ взоромъ

Она о томъ же молить. Вотъ отецъ—

Ты на рукахъ его лежишь.

ТЭКЛА

(приподымается).

Гдѣ онъ?

Не здѣсь онъ развѣ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто, мое дитя?

ТЭКЛА.

Кто роковое слово произнесъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

О, перестань объ этомъ думать, другъ мой!

Печальный образъ удали отъ мыслей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Оставь ее высказывать печаль

Стенаньями; пусть плачетъ — плачьте съ нею.

Тяжелое она узнала горе,

Но побѣдить его. Да, Тэкла

Въ душевной твердости равна отцу!

ТЭКЛА.

Я не больна, имѣю силу встать.
О чемъ, родная, плачешь? Испугала
Тебя я? Все прошло; мнѣ легче стало.

(Встаетъ и глазами ищетъ кого-то по комнатѣ.)

Гдѣ онъ? Зачѣмъ отъ глазъ моихъ скрывать?
Я выслушать его имѣю твердость.

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ, Тэкла, нѣтъ! Онъ вѣстникъ роковой.
Не долженъ онъ глазамъ твоимъ являться.

ТЭКЛА.

Родитель!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Дочь моя!

ТЭКЛА.

Я не слаба,
Поправлюся — и скоро. Только просьбу
Мою исполните.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Скажи, мой другъ.

ТЭКЛА.

Позвольте мнѣ увидѣть чужеземца,
Наединѣ поговорить съ нимъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ!

Не позволяй! Нѣтъ, не возможно это!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

О чемъ же хочешь говорить ты, Тэкла?

ТЭКЛА.

Я успокоюсь, если все узнаю.
Къ чему обманъ? Я слишкомъ ясно вижу,
Что матушка щадить меня; а я —

Я не хочу пощады. Знаю все!
Ужаснѣйшее сказано; ужаснѣй
Я ничего услышать не могу.

ГРАФИНЯ и ГЕРЦОГИНЯ

(Валленштейну).

Не позволяй!

ТЭКЛА.

Ударъ былъ неожиданъ,
Мнѣ сердце измѣнило. Чужеземецъ
Свидѣтелемъ былъ слабости моей —
И я въ его объятія упала.
Стыжусь! Загладить я должна мой стыдъ:
Съ нимъ говорить, чтобъ не имѣлъ пришелецъ
О мнѣ худыхъ и недостойныхъ мыслей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, Тэкла права! Исполняю просьбу:
Введите Шведа.

(Нейбрунъ уходитъ.)

ГЕРЦОГИНЯ.

При свиданьи съ нимъ
Я, мать твоя, присутствовать хочу.

ТЭКЛА.

Наединѣ съ нимъ говорить желаю;
Потомъ спокойнѣе и тверже буду.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусть будетъ такъ; оставь ее одну.
Есть горести, въ которыхъ человѣкъ
Самъ только можетъ дать себѣ отраду.
Кто твердъ душой, тотъ смѣло довѣряетъ
Душевнымъ силамъ. Не изъ чуждой груди,
Изъ собственной ихъ почерпнуть она,
При тягостномъ ударѣ семъ, должна.

Я знаю, Тэкла съ твердою душою;
Я не хочу, чтобъ обращались съ ней,
Какъ съ женщиной, но такъ, какъ съ героиней.

(Хочетъ идти.)

Г Р А Ф И Н Я

(удерживая его).

Куда жь идешь? Мнѣ Терцкій говорилъ,
Что завтра рано уѣзжаешь ты,
А насъ покинешь.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Да — вы остаетесь
Подъ вѣрною, надежною защитой.

Г Р А Ф И Н Я.

О, нѣтъ! Возьми, возьми и насъ съ собой!
Не оставляй въ уединенъи мрачномъ
Заботливо, тоскливо ждать конца.
Легко сносить существенное горе,
Но въ отдаленъи — неизвѣстность, страхъ
Его въ ужасномъ представляютъ видѣ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Какое горе? Говори иначе!
Я не того надѣюсь.

Г Р А Ф И Н Я.

Такъ возьми насъ!

О, въ этомъ мѣстѣ мрачныхъ предвѣщаній
Не оставляй насъ! Тяжело на сердцѣ
Въ стѣнахъ сихъ: хладомъ смерти вѣетъ съ нихъ,
Какъ съ гробоваго свода. Словъ не знаю,
Чтобъ отвращенье выразить мое.
Возьми, возьми и насъ! Проси, сестра!
Племянница, проси его со мною!

НЕЙБРУНЪ

(возвращается).

Шведъ ожидаетъ приказаній вашихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Наединѣ ее оставьте съ нимъ.

(Уходитъ.)

ГЕРЦОГИНЯ

(Тэкла).

Смотри, какъ страшно поблѣднѣла вдругъ;

Ты съ нимъ не можешь видѣться. Пойдемъ!

ТЭКЛА.

Пусть Нейбрунъ не отходить далекò.

(Герцогиня и графиня уходятъ.)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тэкла. Шведскій Капитанъ. Дѣвица Нейбрунъ.

КАПИТАНЪ

(почтительно подходитъ).

Княжна! прощенья долженъ я просить

За безразсудно-сказанное слово;

Но какъ я могъ....

ТЭКЛА

(съ благородной осанкой).

Вы видѣли меня

Въ минуту горести. Несчастный случай,

Изъ чуждаго мнѣ человѣка, васъ

Повѣреннымъ моей сердечной тайны

Въ одно мгновенье сдѣлалъ.

КАПИТАНЪ.

Мысль ужасна,
Что ненавистенъ вамъ я съ той минуты,
Какъ роковое слово произнесъ.

ТЭКЛА.

Не вы, я виновата; я сама
У васъ его исторгла. Голосъ вашъ
Былъ голосомъ моей судьбы, и ужасъ
Прервалъ повѣствованье. Потому —
Прошу васъ кончить.

КАПИТАНЪ.

(въ нерѣшимости).

Горестный рассказъ
Возобновить страданья ваши.

ТЭКЛА.

Нѣтъ!

Спокойна я; спокойна буду я....
Какъ битва началась? Договорите!

КАПИТАНЪ.

При Нейштадѣ, въ неукрѣпленномъ станѣ,
Не ожидая нападенья, мы
Стояли. Вдругъ, при захожденьи солнца,
Отъ лѣса поднялась пыль столбомъ
И въ станъ внеслись посты передовые,
Крича: враги! Едва успѣли мы
Взлетѣть на коней, какъ, во весь опоръ
Несясь, перескочили Паппенгеймцы
Черезъ засѣку, и въ мгновенье ока
Промчалася ихъ грозная толпа
Черезъ ровъ, которымъ станъ былъ обведенъ,

Единственной служившій намъ оградой.
Но безразсудно мужество влекло ихъ
Впередъ. Пѣхота далеко отстала;
Лишь Паппенгеймцы за вождемъ безстрашнымъ
Неустрашимо ворвались.

*(Тэкла содрогается. Капитанъ останавливается; но она
даетъ ему знакъ продолжать).*

КАПИТАНЪ.

Съ боковъ

И спереди всей конницею нашей
Ихъ, окруживъ, ко рву прижали мы,
Гдѣ, на скоро построися, пѣхота
Ихъ встрѣтила блестящимъ лѣсомъ копій.
Въ тѣснинѣ страшной, сжаты отовсюду,
Они впередъ пробиться не могли,
И отступление не возможно было.
Тогда вождю ихъ Рейнграфъ предложилъ,
Чтобъ въ славной битвѣ честно сдался; но
Полковникъ Пикколомини...

(Тэкла, пошатнувшись, опирается о стулъ.)

Его

Въ толпѣ людей легко узнать могли мы
По перьямъ, развѣвавшимся на шлемѣ,
По волосамъ, которые, въ скаку
Разсыпавшись, спускалися на плечи.
Онъ первый устремляется ко рву,
Вонзаетъ шпоры, вихремъ гордый конь
Несется чѣрезъ, мчится полкъ за нимъ;
Но — все свершилось! Конь, пронзенный пулей,
Сталъ на дыбы, и, разъяренный болью,
Съ себя далеко всадника метнулъ,
И, удиламъ не повинаясь болѣ,

Черезъ него помчался строй за строемъ.

(Тэкла, сопровождавшая послѣднія слова его вѣдими признаками возрастающаго ужаса, начинаетъ сильно трепетать и готова упасть. Дѣвица Нейбрунъ поддерживаетъ ее.)

НЕЙБРУНЪ.

Княжна!

КАПИТАНЪ

(тронутый).

Я удаляюсь.

ТЭКЛА.

Все прошло.

Докончите.

КАПИТАНЪ.

Паденіе вождя

Воспламенило ярость Паппенгеймцевъ.

Пренебрегая собственнымъ спасеньемъ,

Они дрались, какъ бѣшеные тигры;

Упорствомъ дикимъ раздражили насъ, —

И кончился кровавый бой тогда лишь,

Когда послѣдній Паппенгеймецъ палъ.

ТЭКЛА

(трепещущимъ голосомъ).

Гдѣ жь? гдѣ жь? — не все договорили вы!

КАПИТАНЪ

(помолчавъ).

Сегодня мы похоронили тѣло.

Двѣнадцать юношей знатнѣйшей крови

Его несли, и одръ печальный войско

Сопровождало, и вѣнкомъ лавровымъ

Былъ гробъ украшенъ; на него самъ Рейнграфъ

Побѣдоносный мечъ свой положилъ.

На прахъ его струились наши слезы;

Ихъ проливали многіе изъ насъ,
Которые на опытѣ узнали
Великодушіе его и кротость.
Всѣхъ трогала его судьба. Охотно бѣ
Его спасъ Рейнграфъ; но онъ самъ конецъ свой
Предускорилъ. Я слышалъ, будто смерти
Искалъ онъ.

НЕЙБРУНЪ

(Тэклъ, которая закрыла лицо покрываломъ).

Боже! Для чего хотѣли
Вы это слышать?

ТЭКЛА.

Гдѣ его могила?

КАПИТАНЪ.

Близъ Нейштада, въ часовнѣ монастырской
Поставленъ гробъ, покуда отъ отца
Получится извѣстье.

ТЭКЛА.

Монастырь

Во имя чье?

КАПИТАНЪ.

Святой Екатерины.

ТЭКЛА.

Далеко ли отсюда онъ?

КАПИТАНЪ.

Семь миль.

ТЭКЛА.

Какой къ нему дорогой ѣхать должно?

КАПИТАНЪ.

Минуя Тишенрейтъ и Фалькенбергъ,
Черезъ первый постъ нашъ.

ТЭКЛА.

Кто начальникъ тамъ?

КАПИТАНЪ.

Полковникъ Секендорфъ.

ТЭКЛА

(подходитъ къ уборному столику, и вынимаетъ изъ ящика кольцо).

Мою печаль

Вы видѣли, и доказали мнѣ,

Что сердце въ васъ чувствительно.... примите

(подаетъ ему кольцо.)

На память этого часа. Идите.

КАПИТАНЪ.

(въ изумленіи).

Княжна!...

(Тэкла, молча, даетъ ему знакъ идти и удаляется отъ него. Капитанъ колеблется и хочетъ говорить. Нейбрунъ повторяетъ знакъ, данный Тэклой. Онъ уходитъ.)

ОДИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

НЕЙБРУНЪ. ТЭКЛА.

ТЭКЛА

(кидается на шею Нейбрунъ).

Теперь ты можешь доказать на дѣлѣ

Нелицемерную любовь ко мнѣ.

Будь спутницей, будь вѣрною подругой

Ты Тэклъ! Мы уѣдемъ ночью.

НЕЙБРУНЪ.

Куда жь уѣдемъ?

ТЭКЛА.

Какъ куда? *Одно* лишь
Осталось мѣсто въ мірѣ. Мы поѣдемъ
Туда, гдѣ гробъ его, гдѣ онъ лежитъ.

НЕЙБРУНЪ.

Зачѣмъ, княжна?

ТЭКЛА.

Несчастная! Зачѣмъ?

О! если бъ ты когда нибудь любила,
Такого бы не сдѣлала вопроса.
Тамъ все хранится, что по немъ осталось;
Мой цѣлый міръ сосредоточенъ тамъ.
О, не удерживай меня! Пойдемъ
Готовиться; подумаемъ о средствахъ
Бѣжать.

НЕЙБРУНЪ.

Но гнѣвъ родителя....

ТЭКЛА.

Отнынѣ

Меня ничей не устрашаетъ гнѣвъ.

НЕЙБРУНЪ.

Но клеветы, язвительныя рѣчи....

ТЭКЛА.

Одинъ мнѣ только въ мірѣ нуженъ — мертвый;
Не въ страстныя объятія его
Повергнуться хочу я. Боже, Боже!
Я только лечь хочу въ могилу друга.

НЕЙБРУНЪ.

Намъ, женщинамъ безсильнымъ, беззащитнымъ....

ТЭКЛА.

Я вооружусь—твоей защитой буду.

НЕЙБРУНЪ.

Въ глухую ночь....

ТЭКЛА.

Мракъ ночи скроетъ насъ.

НЕЙБРУНЪ.

Въ такую бурю....

ТЭКЛА.

Мягко ли лежалъ онъ

Подъ острыми подковами коней?

НЕЙБРУНЪ.

О, Господи! А шведскіе посты?

Они насъ не пропустятъ.

ТЭКЛА.

Шведы — люди.

Несчастію вездѣ открытый путь.

НЕЙБРУНЪ.

А дальняя дорога....

ТЭКЛА.

Пѣшеходъ,

Къ Святымъ мѣстамъ идущій по обѣту,

Считаетъ ли дорожные столбы?

НЕЙБРУНЪ.

Какъ выйдемъ мы отсюда?

ТЭКЛА.

Будь спокойна!

Ворота золото растворить намъ.

НЕЙБРУНЪ.

Но если насъ узнаютъ?

ТЭКЛА.

Кто въ бѣгущей,

Въ отчаянной искать захочетъ дочь
Фридландскаго?

НЕЙБРУНЪ.

Коней откуда взять?

ТЭКЛА.

Конюшій мой доставить ихъ. Поди,
Зови его!

НЕЙБРУНЪ.

Рѣшится ль онъ на то
Безъ вѣдома, безъ позволенья князя?

ТЭКЛА.

Все сдѣлаетъ. Иди!

НЕЙБРУНЪ.

А герцогиня?

Что будетъ съ матерью, когда услышитъ
Что дочь ея пропала?

ТЭКЛА

(опомнившись, со взоромъ, полнымъ скорби).

О, родная!

НЕЙБРУНЪ.

Такъ много, добрая, она терпѣла;
Должна ль послѣдній испытать ударъ?

ТЭКЛА.

Отвести его я не могу. Иди!

НЕЙБРУНЪ.

Обдумайте намѣренье свое.

ТЭКЛА.

Обдуманно все, что обдумать можно.

НЕЙБРУНЪ.

Тамъ, наконецъ, что будетъ съ нами?

ТЭКЛА.

Тамъ

Мнѣ въ душу Богъ намѣренъ вдохнуть.

НЕЙБРУНЪ.

Княжна! душѣ, исполненной смятенья,
Такимъ ли средствомъ сыщете покой?

ТЭКЛА.

Сыщу покой ненарушимый, тихій,
Такой, какъ онъ сыскалъ. Спѣши! Не трать
Напрасныхъ словъ Сама не знаю, что
Меня влечетъ неодолимой силой
Къ его могилѣ. Мнѣ тамъ легче будетъ.
Тамъ скоро бремя горести спадетъ,
Которая такъ тяжело давить сердце.
Тамъ буду плакать. О, иди! Давно бы
Въ пути мы были. Не найду покоя,
Пока изъ этихъ стѣнъ не вырвусь я.
Онѣ готовы подавить меня!
Какой-то мрачный духъ влечетъ отсюда.
О, Боже! Боже! Что за чувство это?
Домъ призраками блѣдными наполненъ —
Мнѣ мѣста нѣтъ—все больше ихъ и больше!
Ихъ блѣдный сонмъ, живущую, меня
Изъ этихъ стѣнъ насильно изгоняетъ.

НЕЙБРУНЪ.

Вы такъ меня пугаете, что я
Не смѣю дольше оставаться здѣсь.
Иду, сейчасъ же кликну Розенберга.

(Уходитъ.)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Т Э К Л А.

То Макса духъ зоветъ меня, дружина
Погибшихъ, мстя за смерть его. Я слышу
Упреки ихъ за робкое коснѣнье
Мое. Онъ въ жизни былъ ихъ вождь, и въ смерти
Они его покинуть не хотѣли.
Такъ поступили черствыя сердца,
Я жь—буду жить? О, нѣтъ! Вѣнокъ лавровый,
Который былъ на гробъ его положенъ,—
И для меня вѣнокъ тотъ соплетенъ!
Жизнь безъ любви — тяжелыя оковы!
Прочь! Нѣтъ въ тебѣ ни блеска, ни красы;
Съ нимъ для меня всходилъ день свѣтлый, новый,
И райскіе мнѣ снилися часы.
Я въ міръ съ священной робостью вступила,
И ты стоялъ у входа въ шумный свѣтъ,
И безъ числа горѣли въ немъ свѣтила.
Небесный ангелъ, ты простеръ мнѣ крылья,
И за тобой я къ жизни воспарила
Младенчества изъ баснословныхъ лѣтъ;
И первымъ чувствомъ было счастье рая,
И въ *сердце* друга палъ мой первый взглядъ.
(Задумывается, и потомъ продолжаетъ съ отчаяньемъ.)
Пришла судьба, холодная и злая,
Сурова и мрачна, какъ мраченъ адъ,
Схватила нѣжнаго рукой ужасной
И бросила подъ остріе копытъ!

И вотъ, всему, что на землѣ прекрасно,
Какой конецъ свирѣлая сулитъ!

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ТЭКЛА. ДѢВИЦА НЕЙБРУНЬ и РОЗЕНБЕРГЪ.

НЕЙБРУНЬ.

Княжна, вотъ Розенбергъ. Согласенъ онъ.

ТЭКЛА.

Коней ты можешь дать намъ, Розенбергъ?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Могу.

ТЭКЛА.

И можешь вмѣстѣ съ нами ѣхать?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Хотя бѣ на край вселенной.

ТЭКЛА.

Но назадъ

Ты къ герцогу уже не возвратишься.

РОЗЕНБЕРГЪ.

При васъ останусь.

ТЭКЛА.

Награжу тебя

И новую тебѣ доставлю службу.

А можешь ли изъ крѣпости такъ вывести,

Чтобы никто насъ не узналъ?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Могу.

ТАКЛА.

Когда же ѣхать можно намъ?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Сейчасъ.

Куда же, ваша свѣтлость?

ТАКЛА.

Недалеко.

(Нейбрунъ.)

Скажи ему.

НЕЙБРУНЪ.

Мы ѣдемъ въ Нейштадъ.

РОЗЕНБЕРГЪ.

Слышу.

Иду, и все къ отъѣзду приготавливаю.

(Уходитъ.)

НЕЙБРУНЪ.

Княжна, подходитъ герцогиня.

ТАКЛА.

Боже!

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ТАКЛА. НЕЙБРУНЪ. ГЕРЦОГИНЯ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ушелъ онъ? Ты спокойнѣе теперь?

ТАКЛА.

Спокойнѣе. Позволь мнѣ лечь, родная,

И Нейбрунъ пусть останется со мной.

Мнѣ нужно отдохнуть.

ГЕРЦОГИНЯ.

Поди, другъ милый!

Мнѣ легче стало: твоего отца

Обрадую.

ТЭКЛА.

Родная, спи покойно!

(Падаетъ ей на грудь, и обнимаетъ въ сильномъ волненіи.)

ГЕРЦОГИНЯ.

Волненье чувствъ въ тебѣ еще замѣтно:

Ты такъ трепещешь, милая, и сердце

Такъ сильно бьется на моей груди!

ТЭКЛА.

Засну—и все пройдетъ. Прости! прости!

(Въ то время, какъ она освобождается изъ объятій матери, занавѣсъ опускается.)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Комната Буттлера.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

БУТТЛЕРЪ. МАІОРЪ ГЕРАЛЬДИНЪ.

БУТТЛЕРЪ.

Двѣнадцать сильныхъ выбери драгунъ
И копьями вооружи. Стрѣлять
Никто не долженъ. Скрой ихъ близъ столовой;
Когда жъ за ужинъ сядемъ мы, ты съ ними
Ворвешься въ залу и воскликнешь: «кто
За цесаря?» Я опрокину столъ,
Вы броситесь на нихъ обоихъ и
Убьете. Въ замкѣ запереть ворота,
И стражей окружить ихъ, чтобъ до князя
О происшедшемъ не достигнулъ слухъ.
Иди жъ. Послалъ ли ты за Макдональдомъ
И капитаномъ Деверуксомъ?

ГЕРАЛЬДИНЪ.

Оба

Сейчасъ придутъ.

(Уходитъ.)

БУТТЛЕРЪ

(одинъ).

Откладывать нельзя.

И граждане пристать къ нему готовы.

Какой-то духъ безумства овладѣлъ

Всѣмъ городомъ! Они въ Фридландскомъ видятъ

И миротворца, и златаго вѣка

Благой источникъ. Городская дума

Оружье раздала, и сто гражданъ

Взялися охранять его особу.

Такъ должно быстро дѣйствовать; и внѣшній,

И внутренній намъ угрожаетъ врагъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

БУТТЛЕРЪ. КАПИТАНЪ ДЕВЕРУКСЪ. МАКДОНАЛЬДЪ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Что приказать угодно, генераль?

ДЕВЕРУКСЪ.

Какой пароль?

БУТТЛЕРЪ.

Да здравствуетъ нашъ цесарь!

ОБА

(отступаютъ).

Что? Какъ?

БУТТЛЕРЪ.

Да здравствуетъ австрійскій домъ!

ДЕВЕРУКСЪ.

Не Фридланду мы присягнули развѣ?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Не защищать его пришли сюда?

БУТТЛЕРЪ.

Намъ защищать предателя, врага

Имперіи?

ДЕВЕРУКСЪ.

Ты самъ уговорилъ насъ

Ему служить.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Эгеръ.

БУТТЛЕРЪ.

Чтобъ тѣмъ вѣрнѣе погубить его.

ДЕВЕРУКСЪ.

Да, развѣ такъ!

МАКДОНАЛЬДЪ.

Оно другое дѣло!

БУТТЛЕРЪ

(Деверуксу).

И ты, презрѣнный человѣкъ, отъ долга,

Отъ долга такъ легко отречься могъ?

ДЕВЕРУКСЪ.

Я за твоимъ примѣромъ шелъ, и думалъ:

Коль генералъ твой негодяй, не грѣхъ

Быть и тебѣ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Намъ разсуждать нельзя;

Твоя забота. Ты начальникъ нашъ;

Мы за тобой хоть въ адъ идти готовы.

БУТТЛЕРЪ

(кратко).

Оставимъ это; мы другъ друга знаемъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да! кажется.

ДЕВЕРУКСЪ.

Фортуна служимъ мы —

Кто больше далъ, мы за того.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Конечно.

БУТТЛЕРЪ.

Теперь честными воинами вы

Останетесь.

ДЕВЕРУКСЪ.

Душевно рады.

БУТТЛЕРЪ.

Мало!

И счастье составите себѣ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

А это вдвое лучше, генераль!

БУТТЛЕРЪ.

Такъ слушайте жь.

ОБА.

Готовы слушать.

БУТТЛЕРЪ.

Воля

И приказанье цесаря, чтобъ Фридландъ

Былъ взятъ живой, иль мертвый.

ДЕВЕРУКСЪ.

Такъ въ бумагахъ?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Живой, иль мертвый? Дальше.

БУТТЛЕРЪ.

И того,
Кто выполнить указъ сей, ждетъ награда
Примѣрная: и деньги и имѣнья.

ДЕВЕРУКСЪ.

Прекрасно, громко! Обѣщанья Вѣны
Всегда бывають громки. Знаемъ ихъ!
А тамъ дадутъ цѣпочку золотую,
Хромую клячу, иль клочекъ бумаги,
Иль что нибудь подобное. Нѣтъ, герцогъ
Гораздо лучше платить.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да, онъ щедръ.

БУТТЛЕРЪ.

Звѣзда его померкла.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Вѣрно ль это?

БУТТЛЕРЪ.

Я говорю вамъ.

ДЕВЕРУКСЪ.

И минуло счастье?

БУТТЛЕРЪ.

Навѣкъ! онъ такъ же бѣденъ, какъ и мы.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Какъ мы?

ДЕВЕРУКСЪ.

Да, Макдональдъ. Не худо бъ было
Его оставить.

БУТТЛЕРЪ.

Двадцать тысячъ ужь
Его оставили. Мы больше сдѣлать
Должны: убить его.

ОБА

(отступя).

Убить?

БУТТЛЕРЪ.

Да! для того-то я и выбралъ васъ.

ОБА.

Насъ выбралъ?

БУТТЛЕРЪ.

Капитана Деверукса

И Макдональда.

ДЕВЕРУКСЪ

(помолчавъ).

Поищи другихъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да, да! другихъ.

БУТТЛЕРЪ.

(Деверуксу).

Какъ? Ты робѣешь, трусь!

Ты, тридцать душъ отправившій иль больше?

ДЕВЕРУКСЪ.

На полководца руку наложить?

Подумай самъ!

МАКДОНАЛЬДЪ.

Мы жь присягнули князю.

БУТТЛЕРЪ.

Измѣной онъ присягу уничтожилъ.

ДЕВЕРУКСЪ.

Мнѣ кажется ужаснымъ это дѣло.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Конечно, правда — и у насъ есть совѣсть.

ДЕВЕРУКСЪ.

Не будь онъ намъ начальникомъ издавна,

Котораго мы уважать привыкли....

БУТТЛЕРЪ.

Такъ въ этомъ затрудненъе?

ДЕВЕРУКСЪ.

Генералъ,

Прикажетъ цесарь — и родному сыну

Я погружу ножъ въ сердце, но, послушай,

Вѣдь мы солдаты; а *убить вождя*

Такой тяжелый грѣхъ и преступленъе,

Что не отпустить никакой монахъ.

БУТТЛЕРЪ.

Я папа твой, и отпускаю грѣхъ.

Рѣшайся.

ДЕВЕРУКСЪ

(стоитъ въ раздумьи).

Нѣтъ — нельзя!

МАКДОНАЛЬДЪ.

Никакъ, нельзя!

БУТТЛЕРЪ.

Такъ хорошо. Ступайте и пришлите

Мнѣ Песталуцца.

ДЕВЕРУКСЪ.

Песталуцца? Гм!

МАКДОНАЛЬДЪ.

Зачѣмъ тебѣ онъ нуженъ?

БУТТЛЕРЪ.

Не хотите,

Такъ и безъ васъ найдется много.

ДЕВЕРУКСЪ.

Нѣтъ!

Когда онъ *долженъ* пасть, такъ мы не хуже

Другихъ умѣемъ заслужить награду.

Какъ думаешь, братъ Макдональдъ?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да, если
Онъ долженъ пасть, и непременно долженъ,
То Песталуцу я не уступлю.

ДЕВЕРУКСЪ

(подумавъ).

Когда же пасть онъ долженъ?

БУТТЛЕРЪ.

Этой ночью.

Съ разсвѣтомъ дня вступаютъ Шведы въ крѣпость.

ДЕВЕРУКСЪ.

Ты на себя отвѣтственность берешь?

БУТТЛЕРЪ.

Беру.

ДЕВЕРУКСЪ.

Да цесарь объявилъ ли ясно,
Что именно того желаетъ онъ?
Есть тьма примѣровъ, что убійство любятъ,
Убійцу же караютъ.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ въ указѣ

Объявлено: живымъ, иль мертвымъ выдать.
Живымъ же, сами видите, нельзя.

ДЕВЕРУКСЪ.

Такъ мертвымъ? Какъ же до него добратся?
Полками Терцкаго весь городъ занять.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да сверхъ того самъ Терцкій здѣсь и Илло.

БУТТЛЕРЪ.

Съ нихъ начинать.

ДЕВЕРУКСЪ.

Какъ? И они умрутъ?

БУТТЛЕРЪ.

Да, первые.

МАКДОНАЛДЪ.

Ну, Деверуксъ, кровавый
Наступить вечеръ.

ДЕВЕРУКСЪ.

А кому же ихъ
Ты отдалъ на руки? Мнѣ поручи!

БУТТЛЕРЪ.

Я отдалъ ихъ маіору Геральдину.
Вечерній пиръ сегодня будетъ въ замкѣ,
И такъ, во время ужина, на нихъ
Напавши, онъ убьетъ ихъ. Песталуцъ
И Лесли тамъ же....

ДЕВЕРУКСЪ.

Генералъ! тебѣ

Вѣдь все равно. Позволь мнѣ помѣняться
Съ маіоромъ.

БУТТЛЕРЪ.

Герцога убить и легче,
И менѣе опасности.

ДЕВЕРУКСЪ.

Опасность?

О, силы ада! За кого жь меня
Считаешь ты? Я не боюсь меча,
Боюсь взоровъ герцога.

БУТТЛЕРЪ.

А взоры

Чѣмъ страшны?

ДЕВЕРУКСЪ.

Я не трусь, ты знаешь самъ;
Но видишь ли — еще недѣли нѣтъ,
Какъ двадцать мнѣ червонцевъ онъ прислалъ
На эту шубу; а теперь къ нему
Съ копьемъ явлюся; онъ на шубу взглянетъ
И.... видишь — видишь — чортъ меня возьми!
Не трусь я — нѣтъ!

БУТТЛЕРЪ.

Ничтожное созданье!
За шубу ты колеблешься убить
Преступника? Да не теплѣ ль шубы
Та княжеская мантия, которой
Его украсилъ *цесарь*? Чѣмъ же онъ
Благодарилъ? Измѣной, мятежемъ!

ДЕВЕРУКСЪ.

Спасибо за такую благодарность!
Я — я убью его.

БУТТЛЕРЪ.

А если совѣсть
Желаешь успокоить, шубу скинь,
И къ дѣлу смѣло приступай.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Конечно!

Но надобно подумать.

БУТТЛЕРЪ.

Что жъ тутъ думать?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Поможетъ ли противъ него булатъ?
Онъ заколдованъ: не боится ранъ.

БУТТЛЕРЪ.

(горячо).

Ему ли....

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да — заговоренъ отъ пули
И отъ меча; хранимъ геенской силой.
Его не ранишь, говорю я вамъ.

ДЕВЕРУКСЪ.

Подобнаго я въ Ингольштатъ зналъ.
На немъ была желѣза тверже кожа;
Такъ что жъ? Прикладами, и то на силу
Его забили.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Знаешь ли, товарищъ,
Что думаю я сдѣлать?

ДЕВЕРУКСЪ.

Говори.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Въ монастырѣ есть у меня знакомый
Доминиканецъ, нашъ землякъ. Пусть онъ
Копье и мечъ мой окропитъ водою
Святой; да дастъ путемъ благословенье —
И колдовство не устоитъ тогда.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ, Макдональдъ! Идите жъ! изъ полка
Возьмите двадцать, или тридцать сильныхъ
Драгунъ; къ присягѣ приведите ихъ;
Когда жъ пробьетъ одиннадцать, когда
Обходятъ крѣпость первые патрули,
Безъ шума къ замку поведите ихъ.
Я буду самъ не подалеку.

ДЕВЕРУКСЪ.

Какъ же

Пройдемъ сквозь стражу внутреннихъ дворовъ?

БУТТЛЕРЪ.

Все положенье замка мнѣ извѣстно.

Я въ заднія ворота васъ впущу,

Гдѣ часовой *одинъ* лишь будетъ. Я,

По чину и по должности моей,

Во всякой часъ имѣю доступъ къ князю.

Пойду впередъ, и въ горло часовому

Воткну кинжалъ, и проложу вамъ путь.

ДЕВЕРУКСЪ.

Да какъ же мы, взошедши вверхъ, дойдемъ

До спальни герцога, не разбудивъ

Людей? Они надѣлаютъ тревоги.

Толпу народа онъ привезъ съ собой.

БУТТЛЕРЪ.

Въ пристройкѣ съ правой стороны живутъ

Всѣ челядинцы; самъ же онъ налѣво

Живетъ одинъ: ему противенъ шумъ.

ДЕВЕРУКСЪ.

Когда бъ скорѣе кончить, Макдональдъ!

Мнѣ что-то страшно.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да и мнѣ не легче.

Такого мужа знатнаго! Мы оба

Злодѣями на свѣтѣ прослышемъ.

БУТТЛЕРЪ.

Средь почестей, и блеска, и достатковъ,

Пренебрежете мнѣніемъ людей.

ДЕВЕРУКСЪ.

Богъ знаетъ, честь останется ль при насъ!

БУТТЛЕРЪ.

Напрасная забота! Вы спасете
Имперію, корону Фердинанда.
Блестящая готова вамъ награда.

ДЕВЕРУКСЪ.

Такъ свергнуть цесаря намѣренъ онъ?

БУТТЛЕРЪ.

Да, Деверуксъ, — лишитъ вѣнца и жизни.

ДЕВЕРУКСЪ.

А если мы возьмемъ его живымъ
И къ цесарю отправимъ, такъ на плахѣ
Рукою палача погибнетъ онъ?

БУТТЛЕРЪ.

Такой судьбы не избѣжать ему.

ДЕВЕРУКСЪ.

Пойдемъ, товарищъ! Онъ, какъ вождь, умретъ:
Онъ подъ мечами воиновъ падетъ!

(Уходятъ.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Комната, примыкающая къ галлерей, которая, продолжаясь въ
глубину, теряется въ отдаленіи.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ сидитъ подлѣ стола. Передъ нимъ
стоитъ ШВЕДСКІЙ КАПИТАНЪ. Вскорѣ потомъ
ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прошу васъ поклониться отъ меня

Начальнику. Въ его успѣхахъ я
Участіе живое принимаю,
И хоть теперь, при громкой сей побѣдѣ,
Не столько радуюсь, какъ должно бѣ было —
Не отъ дурнаго къ вамъ расположенья
То происходитъ. Нѣтъ! навѣкъ отнынѣ
Мы съединили выгоды свои.
Простите. *Васъ* благодарю за трудъ.
Вы завтра здѣсь — и крѣпость отопрется.

(Шведскій капитанъ уходитъ. Валленштейнъ сидитъ, погруженный въ глубокую задумчивость, облокотясь рукой на руку. Графиня Терцкая входитъ и долго стоитъ передъ герцогомъ, незамѣченная имъ. Наконецъ онъ дѣлаетъ быстрое движеніе, видитъ графиню и принимаетъ спокойный видъ.)

Ты отъ нея? Поправилась она?

Г Р А Ф И Н Я.

Увидѣвшись, поговоривъ со Шведомъ,
Она покойнѣй стала и легла
Въ постель. Сестра такъ говорила мнѣ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Она поплачетъ — легче будетъ ей.

Г Р А Ф И Н Я.

И ты не тотъ, что прежде былъ. Веселымъ
Тебя найти надѣялася я
Послѣ такой побѣды. О, мужайся!
Не унывай! Свѣтило наше — ты!

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ.

Напрасно! Я покоенъ. Гдѣ твой мужъ?

Г Р А Ф И Н Я.

Приглашены на пиръ — и онъ, и Илло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(встаетъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ).

Глухая ночь. Иди въ свои покои.

ГРАФИНЯ.

Не высылай меня — позволь остаться.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(подходитъ къ окну).

Въ движеніи безпокойномъ сводъ небесъ;

На башнѣ знамя развѣваетъ вѣтеръ

И гонить тучи; лунный кругъ трепещетъ;

Неясный блескъ мерцаетъ въ мракъ ночи—

И ни одной звѣзды! Кассіопея

Одна лишь тусклый проливаетъ свѣтъ....

А тамъ Юпитеръ—и его одѣла

Мгла неба бурнаго.

(Погружается въ мысли и пристально смотритъ на небо.)

ГРАФИНЯ

(печально глядящая на него, беретъ его за руку).

О чемъ же мыслишь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ кажется, на сердцѣ легче бѣ стало,

Когда бѣ его увидѣлъ; онъ звѣзда,

Которая мнѣ освѣщаетъ путь.

Какъ часто на него одно воззрѣнье

Вдыхало въ сердце мужество и твердость.

(Молчаніе.)

ГРАФИНЯ.

Увидишь вновь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(впавшій опять въ задумчивость, опомнился, и быстро обратясь къ графинѣ).

Увижу? — Никогда!

ГРАФИНЯ.

Какъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тамъ онъ, прахъ!

ГРАФИНЯ.

О комъ ты говоришь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И онъ блаженъ! Все кончилъ! Для него
Нѣтъ будущаго; рокъ кровавый сѣти
Ему ужъ не разставить; жизнь его
Лежить гладка, блестяща; нѣтъ на ней
Ни одного пятна. Предвѣстникъ горя,
Для мертваго умолкнулъ бой часовъ;
Нѣтъ для него боязни и желаній,
И отъ планетъ онъ независимъ. — Счастливъ,
Стократно счастливъ! Мы же какъ узнаемъ,
Что намъ готовить, мрачнымъ покрываломъ
Закутанный, грядущій часъ?

ГРАФИНЯ.

О Максѣ

Ты говоришь? Какъ умеръ онъ? Съ гонцомъ
Я разошлась, идя къ тебѣ.

(Валленштейнъ рукою даетъ ей знакъ умолкнуть.)

О, взора

Не отвращай! Впередъ, на свѣтлый день
Смотрѣть должны мы. Радуйся побѣдѣ;
Забудь, какою куплена цѣною.
Не въ первый разъ похищенъ нынѣ другъ твой:
Въ мгновеніе, когда съ тобой прощался,
Онъ для тебя ужъ мертвъ былъ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ .

Знаю, знаю!

Я сей ударъ перенесу. Чего
Перенести не можетъ человѣкъ?
Онъ отвыкать умѣетъ и отъ высшихъ,
И отъ ничтожныхъ благъ; имъ править время;
Но чувствую, чего лишаюсь въ немъ.
Завяль цвѣтокъ, благоухавшій въ жизни
Моей; она, безцвѣтна и хладна,
Лежить передо мной. Онъ близъ меня
Стоялъ, подобенъ юности моей;
Существенное превращалъ онъ въ сонъ
И навѣвалъ благоуханье утра
На пустоту вещественнаго міра.
Я самъ дивился; жаръ его любви
Ничтожные житейскіе предметы
Умѣлъ возвысить. До чего бы я
Со временемъ въ семъ мірѣ ни достигъ,
Но онъ, прекрасный цвѣтъ, завяль навѣкъ.
Другъ истинный всего дороже сердцу:
Онъ счастьемъ нашему кладетъ основу,
Участіемъ его усугубляетъ.

Г Р А Ф И Н Я .

Братъ! уповай на собственные силы.
Душа твоя такъ чувствами богата,
Что оживить сама себя. Ты любишь,
Ты превозносишь добродѣтель въ немъ,
Которую ты самъ въ него посѣялъ,
Заботливо развилъ въ его душѣ.

В А Л Л Е Н Ш Т Е Й Н Ъ

(идетъ къ дверямъ).

Кто жъ поздней ночью безпокоитъ насъ?

А! Комендантъ! Онъ мнѣ несетъ ключи
Отъ крѣпости. Сестра, оставь насъ съ нимъ —
Ужь полночь.

ГРАФИНЯ.

Мнѣ такъ тяжело сегодня
Съ тобой разстаться. Страхъ меня объемлетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Страхъ? Отчего?

ГРАФИНЯ.

Ты этой ночью вдругъ
Уѣхать можешь. Мы проснемся, и —
Тебя ужь не найдемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Воображенье!

ГРАФИНЯ.

О! съ давнихъ поръ мою пугаютъ душу
Печальныя предчувствія; и если
Я на яву одолѣваю ихъ,
Они мечтами страшными во снѣ
На сердце робкое мое ложатся.
Вчера ты мнѣ приснился, облеченъ
Богатою одеждой, за столомъ
Съ твоей супругой первою....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Твой сонъ

Предзнаменуетъ мнѣ успѣхъ желанный:
Съ тѣмъ бракомъ счастье началось мое.

ГРАФИНЯ.

Сегодня же мнѣ снилось, будто я
Ищу тебя, вхожу къ тебѣ въ покой;
Но комната исчезла; замѣнилъ

Ее Картезіянскій монастырь,
Который въ *Гитчинъ* ты основалъ,
И гдѣ желаешь быть похороненъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чѣмъ занять умъ, о томъ во снѣ мечтаешь.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Развѣ мы не слышимъ въ сновидѣньяхъ
Предчувствій гласъ пророческій?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Оно

Случается — и я увѣренъ въ томъ.
Но называть пророчествомъ тотъ голосъ,
Который насъ о *неизбѣжномъ* только
Предупреждаетъ, не хотѣлъ бы я.
Какъ солнца не взошедшаго еще
Рисуется въ туманѣ свѣтлый образъ,
Такъ и событій важныхъ духи имъ
Предшествуютъ; и въ настоящемъ днѣ
Зародышъ дня грядущаго таится.
Смерть Генриха четвертаго не разъ
Особенныя порождала мысли
Во мнѣ. Король, еще гораздо прежде,
Чѣмъ Равальякъ убійственнымъ ножомъ
Вооружился, чувствовалъ въ груди
Ужасный призракъ остраго желѣза.
Покой его бѣжалъ; боязнь гнала
Подъ сводъ небесный изъ чертоговъ Лувра;
И въ торжествѣ вѣнчанія супруги
Онъ слышалъ только погребальный звонъ,
И чудился на улицахъ Парижа
Ему какой-то шорохъ.

ГРАФИНЯ.

А въ тебѣ
Предчувствіе не говоритъ теперь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ — будь спокойна.

ГРАФИНЯ

(погруженная въ мрачныя мысли).

Мнѣ приснилось также:

Я торопливо за тобою шла,
И ходами обширными бѣжалъ ты
Передо мной; конца не видно было;
Предъ нами съ трескомъ растворялись двери;
Едва дыша, я не могла догнать.
Вдругъ чувствую, меня схватила сзади
Рука, какъ ледъ холодная — то былъ
Ты, братъ, и далъ мнѣ поцѣлуй, и вдругъ
Надъ нами красная простерлась кровля.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты вспомнила про красный мой коверъ.

ГРАФИНЯ

(пристально смотритъ на него).

Но если — если я тебя, который
Во цвѣтѣ жизни предо мной стоишь....

(Рыдая, падаетъ ему на грудь.)

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тебя пугаетъ цесарскій указъ!
Напрасно! Буквы не убьютъ, а рукъ
Не сыщеть онъ.

ГРАФИНЯ.

Но если сыщеть, — твердо
Рѣшилась я.... При мнѣ моя отрава!

(Уходитъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ГОРДОНЪ. *Потомъ слуга.*

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Спокойно ль въ городѣ?

ГОРДОНЪ.

Спокоенъ городъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я слышу громкую музыку; замокъ
Весь освѣщенъ. Кто веселится тамъ?

ГОРДОНЪ.

Фельдмаршалу и Терцкому тамъ пиръ
Даютъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(про себя).

Побѣду празднуютъ. Иначе,
Какъ за столомъ, для нихъ веселья нѣтъ.

(Звонитъ. Входитъ слуга.)

Раздѣнь меня; я лягу спать.

(Беретъ ключи.)

И такъ

Мы безопасны отъ враговъ; съ друзьями
Надежными замкнулись. Или я
Обмануть всѣмъ, или лицо такое
Не можетъ быть личиною льстеца.

(Слуга снимаетъ съ него мантию, знаки отличія и шарфъ.)

Упало что-то?

СЛУГА.

Золотая цѣпь

Разорвалась.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Довольно послужила!

Дай мнѣ ее.

(Разсматриваетъ цѣпь.)

Она мнѣ первый знакъ

Благоволенья цесаря. Ее,

Еще эрцгерцогомъ въ войнѣ Фріольской,

Онъ на меня навѣсилъ. По привычкѣ

Ее донынѣ я носилъ; а впрочемъ

Изъ суевѣрія. Она служить

Должна была мнѣ талисманомъ въ жизни,

Чтобъ оковать непостоянство счастья,

Котораго служила первымъ знакомъ.

Теперь конецъ! Отнынѣ для меня

Начнется счастье новое; она же

Лишилась чудной силы.

(Слуга удаляется съ одеждой. Валленштейнъ встаетъ, и прошедшись по комнатѣ, останавливается передъ Гордономъ.)

Какъ я живо

Припоминаю старые года.

Себя я вижу при дворѣ въ Бургау,

Гдѣ мы пажамъ были. Какъ же часто

Мы ссорились! Ты мнѣ, добра желая,

Нравоученья читывалъ, бранилъ

За то, что я мечтамъ отважнымъ вѣрилъ,

Къ высокому стремился. Ты златую

Посредственность превозносилъ. И что жь?

Какъ эта мудрость худо послужила

Тебѣ, мой другъ! Безвременно отживъ

Свой вѣкъ, ты съ ней, потухъ бы, безъизвѣстный,
Когда бы, съ щедрыми звѣздами, я
Не озарилъ забытаго тебя!

ГОРДОНЪ.

О, ваша свѣтлость! Въ пристани надежной
Спѣшитъ рыбакъ укрыть свой утлый чолнъ,
Когда увидить, что корабль огромный,
Разбитый бурей, гибнетъ въ безднѣ волнъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ ты ужъ въ пристани, старикъ? Я — нѣтъ!
Еще духъ бодрый носить мой корабль
По океану жизни. Все еще
Надежду я зову моей богиней.
Духъ — юноша! И если я сравнить
Хочу себя съ тобой, Гордонъ, то смѣло
Могу сказать, что надъ моей главой
Безсильно, быстро пролетѣли годы,
До черныхъ не коснувшись волосъ.

(Ходитъ по комнатѣ большими шагами и останавливается противъ Гордона, на противоположной сторонѣ сцены.)

Кто счастье обманчивымъ зоветъ?
Мнѣ никогда оно не измѣняло,
И надъ толпой возвысило меня,
И мощною, божественной рукою
Вело надежно по ступенямъ жизни.
Обыкновеннаго нѣтъ ничего
Ни въ томъ пути, которымъ я иду,
Ни въ линіяхъ руки моей. Кто смѣетъ
Мнѣ, Фридланду, предписывать простой,
Обыкновенный образъ жизни? Правда!

Теперь глубоко падшимъ я кажусь,
Но вновь возстану: изъ отлива скоро
Подымутся высокіе валы.

ГОРДОНЪ.

Старинную я помню поговорку:
Покуда вечеръ не наступить, дня
Хвалить не должно. Людямъ не даетъ
Надежды долговременное счастье:
Она злосчастью послана въ удѣлъ.
Главу счастливецъ остѣняетъ страхъ;
Вѣсы судебъ въ движеніи безконечномъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я слышу вновь стариннаго Гордона.
Такъ, знаю — все измѣнчиво на свѣтѣ.
Враждебнымъ силамъ должно дань платить;
И самые язычники издавна
Знавали эту истину. Затѣмъ,
Чтобъ укротить завистливыхъ боговъ,
Они подверглись добровольно злу,
И кровь людей дымилась предъ Тифономъ.

(Помолчавъ, продолжаетъ тише, съ важностью.)

Я такъ же жертву алчному принесъ:
Любимый другъ погибъ моей виною.
Не можетъ никакое счастье въ мірѣ
Меня такъ радовать, какъ сей ударъ
Терзаетъ душу. Зависть рока злаго
Пресыщена: за жизнь пріемлетъ жизнь;
И надъ главой невинной разразился
Ударъ, меня сразить долженствовавшій.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Сени.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не Сени ли идетъ? И вѣ себя!
Зачѣмъ, Баптистъ, такъ поздно къ намъ пришелъ ты?

СЕНИ.

Изъ опасенья за тебя, свѣтлѣйшій!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Скажи же, что случилось?

СЕНИ.

О, спасайся!

Бѣги отсюда, герцогъ! до разсвѣта
Бѣги отсюда! Не ввѣрайся Шведамъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что жь сдѣлалось?

СЕНИ.

Не жди прихода Шведовъ!

Злосчастьемъ близкимъ ложные друзья
Тебѣ грозятъ. Ужасны знаки въ небѣ.
Тебѣ гибель угрожаетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Грезишь,

Баптистъ! Ума лишился ты отъ страху!

СЕНИ.

Нѣтъ, лживымъ страхомъ не обмануть я!
Взгляни, и самъ въ созвѣздіяхъ прочтешь,
Что ложные друзья твои бѣдою
Тебѣ грозятъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отъ нихъ мои несчастья
Произошли. Но прежде было время
Остерегать; теперь ужъ поздно; звѣзды
Не нужны мнѣ.

СЕНИ.

Приблизься и взгляни.

Повѣрь хоть собственнымъ своимъ глазамъ.
Ужасный знакъ стоитъ въ жилищѣ жизни,
И близкій врагъ, изъ за лучей звѣзды
Твоей, удобнаго мгновенья ждетъ.
Не отвергай полезнаго совѣта:
Не довѣрай язычникамъ, возставшимъ
Войной на нашу истинную церковь!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(смыется).

Такъ вотъ источникъ предвѣщаній? Да!
Припоминаю — никогда тебѣ
Не нравилось, что я вхожу въ союзъ
Со Шведами. Поди, лягъ спать, Баптистъ;
Не эти знаки устрашать меня.

ГОРДОНЪ

(сильно потрясенный этимъ разговоромъ, обращается
къ Валленштейну).

Дерзну ль промолвить слово? Герцогъ! Часто
Полезныя, спасительныя рѣчи
Вѣщаютъ недостойныя уста.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что это значить? Объяснись.

ГОРДОНЪ.

Свѣтлѣйшій!

Что, коль въ устахъ его не голосъ страха,

Но голосъ Провидѣнья слышишь ты?
Коль онъ назначенъ небомъ — быть сосудомъ
Спасенья твоего?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И ты, и онъ —

Въ горячкѣ оба. Шведы мнѣ погибель
Должны устроить? Не они ль союза
Со мной искали сами? Онъ имъ нуженъ.

ГОРДОНЪ.

Но если именно приходъ ихъ долженъ
Тебѣ грозящій ускорить ударъ?

(Падаетъ предъ нимъ на колѣна.)

Еще не поздно, герцогъ....

СЕНИ

(также становясь на колѣна).

О, внемли,

Внемли ему!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не поздно? Что не поздно?

Но встаньте! я приказываю, встаньте!

ГОРДОНЪ

(встаетъ).

Еще далеко Рейнграфъ; повели—

И для него замкнется наша крѣпость.

Пусть осаждаетъ, если хочетъ; но,

Вѣрь мнѣ, скорѣй погибнетъ подъ стѣнами

Со всѣмъ своимъ народомъ, чѣмъ успѣетъ

Онъ нашу твердость утомить. Пусть знаетъ,

Что можетъ горсть безстрашныхъ произвести,

Одушевленная вождемъ-героемъ,

Который твердо хочетъ свой проступокъ

Загладить. Цесарь, умиленный, все

Простить тебѣ; душа его доступна
Высокимъ чувствамъ благости; и Фридландъ,
Раскаяніемъ возвращенный къ долгу,
Достигнетъ той ступени, на которой
Не павшій никогда бы стать не могъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

*(съ удивленіемъ смотритъ на него нѣсколько времени,
съ примѣтнымъ волненіемъ).*

Гордонъ! усердіемъ слишкомъ далекò
Ты завлеченъ. Я извиняю другу,
Товарищу дней юности моей.
Кровь пролита, старикъ! Не можетъ цесарь
Меня простить; и если бъ могъ, то я —
Я не могу принять его прощенья.
Когда бы я предвидѣлъ, что случилось,
И зналъ, что лучшимъ другомъ заплачу,
И сердце бъ такъ, какъ нынѣ, говорило —
Быть можетъ я одумался бъ, быть можетъ
И нѣтъ. Теперь, чего еще щадить?
Начало слишкомъ важно, и ничѣмъ
Кончать нельзя. Что быть должно, да будетъ!

(Подходитъ къ окну.)

Смотри, ужь ночь, и въ замкѣ все утихло.
Огня!

*(Слуга, тихо вошедшій и съ примѣтнымъ участіемъ
стоявшій въ отдаленіи, выходитъ впередъ, и сильно
встревоженный, падаетъ къ ногамъ герцога.)*

И ты? Да! знаю, почему
Желаешь мира моего съ монархомъ.
Бѣдняжка! — Онъ клочекъ земли имѣетъ
Въ Каринтіи; боится, чтобъ его
Не отняли за то, что мнѣ онъ служить.

Да развѣ я такъ бѣденъ, чтобъ не могъ
Вознаградить слугѣ его потерю?
А впрочемъ — никого не принуждаю,
И если полагаешь, что навѣкъ
Я счастьемъ оставленъ, Богъ съ тобою!
Раздѣнь меня въ послѣдній разъ сегодня,
И — къ цесарю. Гордонъ, спокойной ночи!
Мнѣ кажется, просплю я очень долго.
Всѣ эти дни душевно я страдалъ,
Такъ слишкомъ рано не будить меня.

(Уходитъ. Слуга свѣтитъ. Сени за нимъ слѣдуетъ. Гордонъ остается въ темнотѣ, провожая герцога глазами, покуда онъ не скрылся въ крайней галлерей; тогда тѣлодвиженіями изъясняетъ горестъ свою и прислоняется къ одной изъ колоннъ.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Гордонъ. Буттлеръ, сначала за сценой.

БУТТЛЕРЪ.

Безъ шума стойте здѣсь, покуда знака
Я не подамъ.

ГОРДОНЪ.

Вотъ онъ, и съ нимъ убійцы!

БУТТЛЕРЪ.

Потухли свѣчи; все объято сномъ.

ГОРДОНЪ.

Что дѣлать мнѣ теперь? Спасти ли князя,
Людей и стражей разбудить ли мнѣ?

БУТТЛЕРЪ

(показывается въ глубинѣ театра).

На галлерей видѣнь свѣтъ; она
Ведеть туда, гдѣ почиваетъ герцогъ.

ГОРДОНЪ.

Но не нарушу ль тѣмъ моей присяги;
Не измѣню ли цесарю? И если,
Освободясь, враговъ усилить онъ,
Ужасныя послѣдствія измѣны
Не разразятся ль надъ моей главой?

БУТТЛЕРЪ

(приближаясь нѣсколько).

Ст! Кто-то говоритъ.

ГОРДОНЪ.

Нѣтъ, лучше небу
Все предоставлю Мнѣ ль такое дѣло
Великое брать на себя? Погибнетъ —
Не я убилъ; спасется — я спаситель,
И тяжкому подвергнуся отвѣту.

БУТТЛЕРЪ

(подступая).

Знакомый голосъ.

ГОРДОНЪ.

Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Ты, Гордонъ?

Чего здѣсь ищешь? Неужель такъ поздно
Отъ князя?

ГОРДОНЪ.

Ты съ завязанной рукой?

БУТТЛЕРЪ.

Я раненъ: Илло бился, какъ безумный;
Едва его мы одолѣть могли.

ГОРДОНЪ
(трепещетъ).

Они погибли?

БУТТЛЕРЪ.

Оба. Онъ въ постелѣ?

ГОРДОНЪ.

О, Буттлеръ!...

БУТТЛЕРЪ.

Онъ въ постелѣ? Говори!

Открыться можетъ все, и скоро.

ГОРДОНЪ.

Нѣтъ!

Онъ не умретъ! Не отъ тебя умретъ онъ
Смотри: ты раненъ въ руку; не ее
Избрало небо для свершенья казни!

БУТТЛЕРЪ.

Моей руки не нужно.

ГОРДОНЪ.

Пали оба

Виновные; свершился судъ небесъ!

Позволь имъ этой жертвой примириться.

(Слуга идетъ по галлерей, и приложивъ палецъ къ губамъ, дѣлаетъ знакъ молчанія).

Онъ спитъ! Не убивай въ священномъ снѣ!

БУТТЛЕРЪ

Нѣтъ, бдящій онъ падетъ!

(Хочетъ идти.)

ГОРДОНЪ.

Его душа

Съ житейскими предметами еще

Разстаться не могла; къ престолу Бога
Онъ не готовъ предстать.

БУТТЛЕРЪ.

Богъ милосердъ!

(Хочетъ идти.)

ГОРДОНЪ.

Ночь, эту ночь лишь подари ему!

БУТТЛЕРЪ.

Одно мгновенье измѣнить намъ можетъ.

ГОРДОНЪ.

Часъ — только часъ!

БУТТЛЕРЪ.

Пусти! Какая польза

Ему въ такомъ короткомъ срокѣ?

ГОРДОНЪ.

Время —

Непостижимый, чудотворный Богъ!

Въ одномъ часу песчинокъ милліоны

Вращаются, и быстро, какъ онѣ,

Вращаются и мысли въ человѣкѣ.

Часъ! часъ одинъ! Быть можетъ, въ сердцѣ князя,

Въ сердцахъ у васъ другія чувства будутъ!

И радостную вѣсть получимъ мы,

И небо вдругъ, въ событіи счастливомъ,

Спасеніе пошлетъ ему! О! много,

Вѣрь, Буттлеръ, много значить часъ!

БУТТЛЕРЪ.

Ты мнѣ

Напомнилъ, какъ мгновенья драгоцѣнны.

(Топаетъ ногой о полъ.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МАКДОНАЛЬДЪ и ДЕВЕРУКСЪ съ аллебар-
дистами входятъ. Потомъ СЛУГА.

ГОРДОНЪ.

(бросаясь между Буттлеромъ и ими).

Нѣтъ, извергъ! Ты чрезъ трупъ мой до него
Достигнешь! Пережить я не хочу
Сихъ ужасовъ!

БУТТЛЕРЪ

(отталкиваетъ его).

Прочь, слабоумный старецъ!

(Вдали слышенъ звукъ трубъ.)

МАКДОНАЛЬДЪ и ДЕВЕРУКСЪ.

Звукъ шведскихъ трубъ! Шведъ подступилъ подъ Эгеръ!
Скорѣй! скорѣй!

ГОРДОНЪ.

О, Боже!

БУТТЛЕРЪ.

Коммендантъ!

Идите въ ваше мѣсто.

(Гордонъ бросается къ двери.)

СЛУГА

(поспѣшно входитъ).

Кто здѣсь смѣетъ

Шумѣть? Молчите! Герцогъ почиваетъ.

ДЕВЕРУКСЪ

(громовымъ, ужаснымъ голосомъ).

Когда жь и пошумѣть, какъ не теперь?

СЛУГА

(кричитъ).

Убійцы! Помогите!

БУТТЛЕРЪ.

Деверуксъ!

Отправь его!

СЛУГА

(пронзенный Деверуксомъ, падаетъ при входе въ галлерею).

Творецъ!

БУТТЛЕРЪ.

Ломайте двери!

(Черезъ трупъ идутъ въ галлерею. Слышно, какъ вдали падаютъ две двери, одна за другою. Глухой шумъ. Стукъ оружій. Вдругъ мертвая тишина.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ со свѣчою.

Нигдѣ найти ея нельзя, и спальня

Ея пуста, и Нейбрунъ также нѣтъ.

Уже ль бѣжала? Но куда жь бѣжать ей?

Послать за ней, все разбудить! Ударъ сей

Перенесетъ ли герцогъ? Хоть бы съ пиру

Скорѣ мужъ мой возвратился! Герцогъ

Спитъ, или нѣтъ? подслушаю у двери.

Чу! Кто бѣжить по лѣстницѣ?

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ГРАФИНЯ. ГОРДОНЪ. Потомъ БУТТЛЕРЪ.

ГОРДОНЪ

(вбѣгаетъ, едва переводя дыханье).

Не Шведы,

Не Шведы! заблужденье! — Буттлеръ, стой!

Стой! Боже! гдѣ жь онъ?

(Увидѣвъ Графиню.)

Буттлеръ гдѣ, Графиня?

ГРАФИНЯ.

Изъ замка вы? Гдѣ мужъ мой?

ГОРДОНЪ.

Мужъ? Идите,

Не спрашивайте!

(Хочетъ идти.)

ГРАФИНЯ.

Прежде знать хочу....

ГОРДОНЪ

(торопливо).

Отъ этого мгновенья участь міра

Зависитъ. Ради Господа, идите!

Мы говоримъ, а тамъ.... Творецъ небесный!

Тамъ....

(Громко кричитъ.)

Буттлеръ! Буттлеръ!

ГРАФИНЯ.

Развѣ онъ не въ замкѣ?

Не съ мужемъ вмѣстѣ?

БУТТЛЕРЪ

(выходитъ изъ галлерей).

ГОРДОНЪ

(увидѣвъ его).

Шведовъ нѣтъ! ошибка!

Имперскіе вломились въ крѣпость — я —

Меня послалъ Октавіо — онъ самъ

Сейчасъ же будетъ здѣсь — остановитесь!

БУТТЛЕРЪ.

Ужъ поздно

ГОРДОНЪ

(пошатнувшись на стѣну.)

Поздно! Милосердый Боже!

ГРАФИНЯ

(исполненная предчувствія).

Что поздно? Кто придетъ сюда? Кто въ Эгеръ

Ворвался? Пикколомини? Измѣна!

Предательство! Гдѣ герцогъ?

(Бѣжитъ въ галлерей.)

— — —

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. СЕНИ. Потомъ БУРГОМИСТРЪ. ПАЖЪ.

ФРЕЙЛИНА. СЛУГИ, испуганные, бѣгутъ черезъ сцену.

СЕНИ

(входя изъ галлерей со всеми признаками ужаса).

Горе! горе!

Ужасное, кровавое злодѣйство!

ГРАФИНЯ.

Что, Сени?

ПАЖЪ

(входитъ)

Зрѣлище плачевное!

(Слуги съ факелами.)

ГРАФИНЯ.

Скажите,

Что сдѣлалось?

СЕНИ.

И спрашиваешь? Герцогъ
Зарѣзанъ здѣсь, а въ замкѣ палъ твой мужъ.

(Графиня стоитъ неподвижно.)

ФРЕЙЛИНА

(вбѣгаетъ).

Спасите герцогиню!

БУРГОМИСТРЪ

(входитъ, полный страха).

Что за вопль

Отчаянья всѣхъ спавшихъ въ домѣ поднялъ?

ГОРДОНЪ.

Навѣки проклятъ домъ твой! Въ этомъ домѣ
Зарѣзанъ князь.

БУРГОМИСТРЪ.

Избави Богъ!

(Удаляется.)

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Бѣгите!

Спасайтесь! Всѣхъ насъ перебьютъ!

ВТОРОЙ СЛУГА.

(тащитъ серебряную посуду).

Сюда!

Внизу всѣ ходы заняты.

(За сценой кричатъ.)

Раздайтесь!

Пустите генерала!

*(При сихъ словахъ графиня выходитъ изъ оцѣпененія
и поспѣшно удаляется.)*

(За сценой.)

Ворота

Займите стражей! Не впускайте черни!

ОДИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ графини. ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ
входитъ со свитой. ДЕВЕРУКСЪ и МАКДОНАЛЬДЪ
въ то же время выходятъ изъ галлерей съ аллебарди-
стами. Тѣло Валленштейна, завернутое краснымъ пла-
щомъ, проносятъ въ глубинѣ сцены.

ОКТАВІО

(быстро входитъ).

НѢТЬ! Не должно быть! Не возможно! Буттлеръ,
Гордонъ, не вѣрю я! Скажите: нѢТЬ!

ГОРДОНЪ

*(вмѣсто отвѣта указываетъ рукою назадъ. Октавіо
оглядывается, и стоитъ обжатымъ ужасомъ).*

ДЕВЕРУКСЪ

(Буттлеру).

Вотъ герцогская шпага и руно!

МАКДОНАЛЬДЪ.

Прикажете ли кабинетъ....

БУТТЛЕРЪ

(указывая на Октавіо).

Здѣсь тотъ,

Кто въ правѣ вамъ повелѣвать теперь.

(Деверуксъ и Макдональдъ почтительно отступаютъ назадъ. Всѣ, молча, расходятся, такъ что на сценѣ остаются только Буттлеръ, Октавіо и Гордонъ.)

О К Т А В І О

(обратясь къ Буттлеру).

Такъ развѣ мы условились, прощаясь?

Богъ справедливый! Омываю руки!

Я не причастенъ лютomu злодѣйству.

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

О, нѣтъ! Рука чиста у васъ! Моя

Служила вамъ орудіемъ кровавымъ.

О К Т А В І О.

Къ чему же ты употребилъ во зло

Монарха волю? тайное злодѣйство,

Во имя цесаря, дерзнулъ свершить?

Б У Т Т Л Е Р Ъ

(спокойно).

Я выполнилъ монаршій приговоръ.

О К Т А В І О.

Ты, властелина мощное проклятье,

Жизнь страшную даешь его словамъ!

Ты съ мыслями, съ измѣнчивымъ желаньемъ

Связуешь невозвратныя дѣла!

Къ чему повиноваться такъ поспѣшно?

Иль милосердому на милость дать

Ты времени не могъ? Хранитель-ангелъ

Людей — оно; а съ приговоромъ строгимъ

Казнь съединять одинъ лишь можетъ Богъ!

Б У Т Т Л Е Р Ъ.

За что жъ меня поносишь? Чѣмъ я виненъ?

Я сдѣлалъ дѣло доброе; избавилъ

Имперію отъ страшнаго врага,
И требую награды. Твой поступокъ
Отъ моего въ одномъ отличенъ: ты
Точилъ стрѣлу, а я вонзилъ ее.
Ты сѣялъ кровь, и испугался крови,
Взошедшей вмѣсто жатвы; я же зналъ,
Что дѣлаю, и не страшусь послѣдствій.
Препорученья не дадите ль мнѣ?
Я въ Вѣну ѣду, мечъ окровавленный
Повергнуть къ трону цесаря, и тамъ
Изъ устъ его услышать одобренье,
Которымъ справедливый судія
За быстрое повиновенье платить.

(Уходитъ.)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ, *кромя БУТТЛЕРА. ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ*
входитъ блѣдная и разстроенная. Говоритъ слабо и мед-
ленно, безъ страсти.

О К Т А В І О

(на встрѣчу ей).

Графиня! Боже! До чего дошло!
Вотъ слѣдствія несчастныхъ дѣлъ.

Г Р А Ф И Н Я .

Плоды

Дѣяній вашихъ. Герцогъ умеръ, мужъ мой
Убить, со смертию борется сестра,
Племянница исчезла. Домъ блестящій,

Великолѣпный, опустѣлъ. Бѣжить
Изъ всѣхъ дверей испуганная челядь,
Послѣднею жилицей я осталась,
Замкнула домъ и принесла ключи.

О К Т А В І О

(горестно).

Увы, графиня, домъ мой также пусть!

Г Р А Ф И Н Я.

Кому еще гибель и мученья
Присуждены? Князь умеръ: жертвы этой
Для мести цесаря ужели мало?
Графъ! пощадите старыхъ слугъ. Любви
И вѣрности не ставьте имъ въ вину!
Судьба мгновенно поразила брата;
Онъ не успѣлъ объ нихъ подумать.

О К Т А В І О.

Нѣтъ,

Графиня, нѣтъ ни мести, ни мученій!
Тяжелая вина тяжелой карой
Постигнута: и цесарь примиренъ,
И дочери лишь слава и заслуги
Достанутся въ наслѣдье отъ отца.
Монархиня несчастья ваши видитъ
Съ участіемъ, и отверзаетъ вамъ,
Какъ мать, свои объятія. Графиня!
Отбросьте страхъ напрасный и предайтесь
Довѣрчиво щедротамъ государя.

Г Р А Ф И Н Я

(смотритъ на небо).

Я предаюсь Властителю, который
Сильнѣе цесаря. Гдѣ, жь тѣло князя
Найдетъ себѣ послѣднее жилище?

Картезіянскій монастырь воздвигъ
Онъ въ Гитчинѣ; въ стѣнахъ его священныхъ
Покоится графиня Валленштейнъ,
И близъ нея, которой первымъ счастьемъ
Своимъ братъ одолженъ былъ, онъ желалъ,
Признательный, заснуть послѣднимъ сномъ.
Тамъ прикажите схоронить его!
Я той же милости прошу для бранныхъ
Остатковъ мужа моего. Теперь
Всѣхъ нашихъ замковъ государь властитель:
Мы просимъ только гроба близъ гробовъ
Почившихъ предковъ.

О К Т А В І О.

Блѣдны вы, графиня,
Трепещете? Какой ужасный смыслъ
Скрываютъ ваши чудныя слова?

Г Р А Ф И Н Я

(собираетъ послѣднія свои силы, и говоритъ съ живостью и благородством).

Меня вы уважали; не могли
Такъ низко думать обо мнѣ, чтобъ я
Паденье дома Фридландовъ могла,
Хотѣла пережить. Мы смѣли руку
Простреть къ вѣнцу монарховъ — намъ судьба
Иной сулила жребій — но душой
Возвышенной умъ предпочесть
Смерть добровольную безславной жизни.
Ядъ....

О К Т А В І О.

Помогите! Помогите!

Г Р А Ф И Н Я.

Поздно!

Моя судьба чрезъ нѣсколько минутъ
Исполнится.

(Уходитъ.)

ГОРДОНЪ.

О, домъ убійствъ и страха!

(Курьеръ входитъ съ письмомъ.)

ГОРДОНЪ

(встрѣчая его).

Что тамъ? — Письмо и съ цесарской печатью!

(Прочитавъ надпись, передаетъ письмо Октавіо со взоромъ, полнымъ упрека.)

Вамъ: князю Пикколомини!

*(Октавіо содрогается и горестно смотритъ на небо.
Занавѣсъ опускается.)*

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Вот стихи про великого поэта

Александр

Ученик

Григорий

В дом убогий и в труду

Испытания и лишения

Горю

Григорий

Ты жди — Писма к тебе придет

Исполнишь мечты, и в сердце твоём
Радость и мир, и любовь

Вот стихи Григория

Вот стихи Григория, и в сердце твоём
Радость и мир, и любовь

Спасибо тебе, Григорий

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: Vi

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119176-6